

В. В. Волобуев

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОППОЗИЦИЯ
В ПОЛЬШЕ
1956–1976**

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

В. В. ВОЛОБУЕВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ
В ПОЛЬШЕ.
1956–1976**

Отв. ред. к.и.н. А.М. Орехов (Институт
славяноведения РАН)

Москва
2009

Рецензенты: д.и.н. И.И. Костюшко
(Институт славяноведения РАН); д.и.н.
Н.В. Наумов (МГУ им. Ломоносова)

В. В. Волобуев. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. –
М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – 240 с.

Книга является одним из первых в российской историографии научным исследованием, которое, обращаясь к истории политической оппозиции в ПНР, анализирует это явление через призму общественных настроений в стране и развития политического режима Народной Польши. Используемые в книге источники, в частности, документы Министерства внутренних дел ПНР, в подавляющем большинстве еще не вводились в научный оборот российских историков. Автор, прослеживая извилистый путь политической оппозиции от массовых выступлений 1956 года, через «малую стабилизацию» В. Гомулки, студенческие волнения 1968 года, рабочие манифестации 1970 года и до появления первых открытых оппозиционных организаций в 1976 году, освещает идеологию различных течений оппозиции, ее социальную базу и место в общественно-политической системе ПНР.

Введение

Общепринятого толкования понятия «политическая оппозиция» в Народной Польше не существует. В практически необозримом количестве публицистических сочинений и в научных исследованиях это явление трактуется весьма субъективно и тенденциозно. Был ли это моральный выбор всего общества или только деятельность фрондирующей интеллигенции? Если исходить из тоталитарной сущности правящего режима, следует признать, что любое неконтролируемое партийной верхушкой действие носило оппозиционный характер. Если же принять утверждение, что ПНР в течение всей либо значительной части своей истории не была тоталитарным государством, то роль политической оппозиции играли только такие организации и люди, которые открыто выступали с критикой власти.

Кроме оппозиции польские историки используют понятие «сопротивление», то есть противопоставление народа линии государства в самых разных областях (например, отказ крестьян вступать в кооперативные хозяйства либо протесты в связи с упразднением преподавания религии в школах). Термин «сопротивление» имеет свои истоки в работах активных деятелей оппозиции рубежа 1960–1970-х годов. В то время данный термин рассматривался как необходимая основа успешной деятельности оппозиции и имел скорее прикладной характер. Современные историки, вкладывая в него сходное содержание, стремятся учесть всю совокупность политических, социальных и экономических условий, в которых жило тогда польское общество. Поэтому в их работах термин «сопротивление» относится в равной мере как к истории оппозиционных движений, так и к социальной истории Польши в целом.

При анализе феномена политической оппозиции необходимо принимать во внимание, в какой степени польское общество отвергало идеологию и социально-экономическую политику власти, а также то, что сама власть считала оппозицией. Очень трудно отличить национальные и социальные аспекты в поведении польского общества периода социализма. Даже в моменты политических кризисов, когда устремления общества выступали наиболее выпукло, лозунги участников разнообразных общественных выступлений были настолько противоречивы, что практически невозможно выделить их сущность. Из всего многообразия суждений, характеризующих явление оппозиции, можно выделить пять определений, к которым в той или иной степени сводятся все остальные. Эти пять определений соответствуют основным направлениям оппозиционных общественных движений. Во-первых, оппозиция внутрипартийная, выступавшая за коррекцию политики ПОРП в различных областях. Это была оппозиция в лагере польских коммунистов и их политических союз-

ников. Во-вторых, общественные объединения и организации, выступавшие с критикой властей. В-третьих, оппозиция со стороны католической церкви. В-четвертых, общественные организации и движения, стремившиеся свергнуть существующий в ПНР строй, и действовавшие как в самой стране, так и в эмиграции. Наконец, к оппозиции можно отнести разные формы протеста народных масс. В данной работе рамками оппозиции объединяются все проявления организованного и стихийного недовольства польского общества политикой правящего режима.

В какой мере польское общество воспринимало строй Народной Польши как чуждый себе? Документы польского МВД, собранные в архиве Института национальной памяти, показывают, что ощущение несuverенности своей страны было довольно широко распространено среди населения ПНР. При этом подобные настроения характеризовали не только интеллигенцию правого толка, но охватывали разные слои общества. Однако трудно сказать, насколько отторжение правящего режима было свойственно польскому обществу в целом, ибо, проникнув глубоко в сознание социума, протестные настроения получали открытое выражение только в отдельные кризисные периоды его развития. Анализируя всю историю взаимоотношений власти и общества в Польше через призму развития оппозиционных движений, можно выделить следующие периоды:

1. 1944–1948. Утверждение режима «народной демократии» и фактическое состояние гражданской войны. Власть пользуется активной поддержкой советской армии и репрессивных органов СССР, но при этом располагает доверием немалой части левой интеллигенции и многих рабочих. Противники режима из разных социальных слоев всеми доступными средствами пытаются воссоздать буржуазную Польшу в рамках «западного лагеря».

2. 1948–1956. Развитие в ПНР тоталитарной модели государства (которая, однако, никогда не приобрела полного выражения) и стремление власти к подавлению любой оппозиции. Общество, с одной стороны, убеждается в прочности установленного строя, с другой – все более отвергает политику правящей элиты.

3. 1956–1980. Кризис 1956 г. и его разрешение приводят к частичному изменению политической системы ПНР и формированию авторитарной модели. Характерными чертами последней являлись укрепление национального суверенитета страны в области внутренней и внешней политики, признание властью мировоззренческого плюрализма в обществе. Однако с середины 1960-х годов из-за экономической неэффективности существующего строя происходит постепенное ослабление политического режима. Нарастающие хозяйственные трудности усилили недовольство в обществе и породили социальные и политические кризисы 1968, 1970, 1976 и 1980 гг. На этом фоне ширилось разочарование в социалистической общественной системе.

4. 1980–1989. Открытый конфликт между властью и обществом. Движение «Солидарность» и объединение всех противников режима с рабочим движением. Экономическое, политическое и идеологическое скомпromетирование режима, который вынужден прибегнуть к введению военного положения. Это не помогло сохранить старую политическую систему. Власть пошла на переговоры с оппозицией и всеобщие выборы, в результате которых ПОРП отстранили от власти.

Таким образом, с 1944 по 1989 гг. социально-экономическая ситуация в стране и политика правящего режима претерпели существенные изменения. Одновременно менялся и облик польской оппозиции. Задачей этого исследования является анализ идеологии польской оппозиции, эволюции взглядов ее участников на социально-политические процессы в стране и политическую систему ПНР, а также на тактику противодействия официальным структурам.

В современной науке понятие «идеология» имеет разные толкования. Из многообразия определений можно выделить три принципиальных подхода. Первый условно назовем универсальным. Согласно ему идеология – это система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. При таком подходе идеология трактуется практически тождественно общественному сознанию, в нем не рассматривается соотношения идеологии общества в целом и составляющих его частей, взаимодействие субъекта и объекта идеологии, ее внутренняя структура, а также координация и субординация отдельных элементов.

Второй подход может быть назван субъективным. Наиболее широко он представлен в современной политологии и публицистике. Сторонники этого подхода произвольно обозначают понятием идеологии любую деятельность теоретического характера, будь то рассуждения отдельных людей или политические установки разных социальных групп. Отсутствие же такого рода теоретических построений или намеренное замалчивание политических взглядов они называют «деидеологизацией».

Третьим является традиционный и достаточно разработанный в науке подход к идеологии как к «превращенной» форме общественного сознания. Отраженная в идеологии социальная действительность трансформируется в систему идей, обусловленных интересами больших общественных групп, которые образуют социальную структуру общества. В этой системе субъектом идеологии выступает такая большая группа, а ее объектом – общество в целом. Этот подход представляется наиболее плодотворным.

Исходя из этого, при исследовании теоретических положений, выдвинутых польской оппозицией, я обращался к трем основным направлениям, представленным: 1) общественными движениями, выступавшими за реформы

политической системы ПНР; 2) католической церковью и примыкавшими к ней общественными силами; 3) движениями, стремившимися к свержению общественного строя Народной Польши. Тема внутрипартийной оппозиции затрагивается только в тех случаях, когда выдвинутые ее теоретиками положения противоречили официальной доктрине ПОРП. Не рассматриваются специально и стихийные протестные тенденции в среде народных масс, которые хотя и были идеологически окрашены, но не связывались непосредственно с теоретическими разработками идеологического характера. В работе сосредоточено внимание на основных идейных течениях польской оппозиции описываемого периода (1956–1976 гг.): на марксистском направлении, основанном на критике правящего режима с коммунистических позиций; на общественно-политических концепциях светских католиков; на доктринах национально-патриотического толка. Власть, не имея возможности справиться с оппозиционными настроениями, стремилась изолировать очаги оппозиции и очернить ее участников в глазах общества. Оппозиция же, в свою очередь, меняясь в соответствии с эволюцией власти, проделала длинный идейный и организационный путь, оформившись в итоге в несколько сообществ, открыто противопоставлявших себя власти (Комитет защиты рабочих, Движение в защиту прав человека и гражданина и др.).

Историография изучаемой темы довольно обширна. Впервые с анализом внутренней оппозиции в ПНР выступили эмигрантские публицисты З. Йордан и Ю. Меровский, печатавшиеся в парижском польскоязычном журнале «Культура» в 1947–1976 гг. Именно они попытались наметить основные направления развития внутрисистемной оппозиции. Первым же исследователем, который подошел к изучению политической оппозиции в Польше как к самостоятельному явлению, был английский историк П. Раина, опубликовавший в 1978 г. обстоятельную работу по истории оппозиционного движения в ПНР¹.

Что касается польской прессы, издававшейся в стране, то вне зависимости от своей идейной окраски она не признавала наличия такого явления как постоянно действующая политическая оппозиция правящему режиму, полагая, в одних случаях с одобрением, в других – с сожалением, что в социалистическом государстве для нее нет места. Отдельные попытки некоторых публицистов описать оппозиционное движение и сформулировать основные задачи оппозиции носили сугубо утилитарный характер. В качестве примера можно назвать книгу Витольда Едлицкого о Клубе кривого колеса², написанную уже после отъезда автора в Париж, и статью Яцека Куроня, опубликованную в 1974 г. в парижской «Культуре»³. Официальная пресса со своей стороны упирала на «единство и согласие» польского народа, и полностью игнорировала наличие политической оппозиции, даже когда ее роль на политической

арене ПНР стала очевидной (Комитет защиты рабочих, возникший в 1976 г.). Лишь после 1980 г., когда оппозиционное движение до основания потрясло общественно-политическую систему Народной Польши, появились работы, пытавшиеся проанализировать становление оппозиции. В этих работах проводилась мысль, что оппозицию представляют главным образом некоторые малочисленные группы, находящиеся под влиянием вражеских сил и не имеющие поддержки в обществе. Подобные публикации придерживались традиции официальной печати 1956–1976 гг., которая в свое время упрекала интеллигенцию в оторванности от нужд простого народа, чтобы дискредитировать тем самым любую критику власти, исходящую из интеллектуальных сообществ⁴.

Первым представил политическую оппозицию в качестве постоянно действующего фактора истории ПНР Ежи Вятр. Он выдвинул тезис, что правящая элита Народной Польши часто находилась в более или менее выраженной изоляции от масс, и это явилось причиной повторяемости кризисов. Заметим, что своим утверждением Е. Вятр по сути повторил тезисы З. Йордана и Ю. Мерошевского, с той разницей, что если эмигрантские публицисты называли подобное положение вещей изначально присущим политической системе ПНР, то варшавский социолог видел истоки такой ситуации в «ошибках» руководства страны, а именно в том, что ни В. Гомулка, ни Э. Герек не предпринимали решительных реформ в области экономики и системы управления⁵.

1980-е гг. – время пробуждения широкого интереса за границей к политической оппозиции в ПНР. После массового движения в 1980–1981 годы и возникновения «Солидарности» на Западе появился спрос на работы, освещающие историю и перспективы антикоммунистического сопротивления в странах социалистического лагеря, на Востоке же встали перед необходимостью отреагировать на феномен «Солидарности» и найти ей место в своих идеологических схемах.

Из западных работ, появившихся в тот период, отметим социологические исследования С. Старского⁶ и А. Шиманьского⁷, а также книгу известного деятеля оппозиции Я. Карпиньского⁸. Наибольшую ценность из них с научной точки зрения представляет «Классовая борьба в социалистической Польше» А. Шиманьского. Автор, профессор социологии Орегонского университета, анализирует состояние польского общества с начала XX в. до появления «Солидарности», и приходит к выводу, что установление социалистического строя в Польше, равно как и последующие кризисы, были обусловлены внутренними причинами, в то время как внешние факторы (прежде всего, фашистская оккупация) могли лишь усугубить их, но не сформировать. Строй Народной Польши представляется Шиманьскому естественным результатом тех процессов, которые протекали в стране до и во время Второй мировой войны, и в этом смысле Ю. Пилсудский, по мнению автора книги, является таким же

«виновником» прихода к власти коммунистов, как В. Гомулка или И. В. Сталин. Шиманьский не предпринимает глубокого анализа социально-экономических или политических особенностей социалистического строя в ПНР и не делает выводов, касающихся перспектив его развития, ограничиваясь констатацией фактов и изучением предпосылок, приведших к ним. Таким образом, работу Шиманьского можно считать исследованием некоторых тенденций, охватывающих социальную историю польского общества XX в.

Что касается работ С. Старского и Я. Карпиньского, то с позиций сегодняшнего дня они не представляют большого научного интереса, поскольку написаны в жанре публицистики. Работы эти были призваны обрисовать перед западным читателем состояние польского общества в социалистический период, и интересны с точки зрения фактографии, а также восприятия авторами основных событий польской истории последних сорока лет. Настрой этих книг антикоммунистический, упор делается на прогрессирующую деградацию правящего режима ПНР, утратившего в глазах польского народа легитимность.

Систематическое изучение истории политической оппозиции в ПНР началось на Западе лишь в начале 1990-х годов. Пальма первенства здесь принадлежит американскому ученому М. Бернхарду, который издал в 1993 г. книгу, где были проанализированы истоки и деятельность Комитета защиты рабочих, а также идеологические установки его лидеров⁹.

В Советском Союзе долгое время не предпринималось попыток глубокого изучения общественно-политических и идеологических истоков «Солидарности». В работах, изданных в 1980-е годы, наличие политической оппозиции и возникновение «Солидарности» увязывалось с деятельностью «враждебных центров», к каковым относились все противники социализма – внешние (западные разведки, Ватикан, польская диаспора за рубежом и т. д.) и внутренние (прежде всего, польский епископат)¹⁰. Первой обобщающей работой, отходящей от установок советской официальной концепции в рассмотрении истории политической оппозиции в ПНР, можно считать изданную в 1991 г. книгу Я. Я. Гришина «Истоки кризисов»¹¹. В дальнейшем появилось несколько работ, рассматривающих явление оппозиции как неотъемлемую часть режима Народной Польши¹². Достоинством этих исследований стало введение в научный оборот российских архивных материалов, оставшихся до сих пор практически незатронутыми польскими учеными. В них наиболее ярко предстает роль Советского Союза в выстраивании внешней и внутренней политики ПОРП, а также степень воздействия советского фактора на взаимоотношения власти и оппозиции.

Что касается польских работ, затрагивающих тематику оппозиции, то начиная с 1976 г. в ряде появившихся тогда подпольных изданий публиковались

многочисленные статьи представителей нонкон-формистской интеллигенции (Я. Куроя, А. Михника, Я. Ю. Липского, Л. Мочульского, А. Халля, С. Киселевского и др.), в которых разрабатывалась стратегия оппозиционной деятельности, ставились конкретные задачи оппозиции и делались попытки описать идейный и организационный путь, ею пройденный.

Однако лишь после 1989 г. в Польше началось систематическое изучение политической оппозиции как сложного феномена, сопровождавшего всю историю ПНР и проделавшего длительный путь в своем развитии. Видная роль в его изучении принадлежит польскому историку А. Фришке, который выделил оппозицию в самостоятельный предмет исследования, разработал ее периодизацию и сформулировал основной понятийный аппарат¹³.

В современной Польше появляется много работ, посвященных различным областям деятельности политической оппозиции в ПНР. Своеобразным пиком изучения данного явления можно считать издание биографического словаря деятелей оппозиции, в котором представлен ценный фактографический материал, зачастую находящийся только в личных архивах участников оппозиции¹⁴.

Общей чертой всех польских исследований последнего десятилетия по истории политической оппозиции в ПНР является отношение к оппозиции периода 1956–1976 гг. не как к части политического режима, допускавшего в определенных пределах критику власти, но как к элементу национального сопротивления, выступавшего против «чужеродного вмешательства» во внутренние дела страны. Такая оценка основывается прежде всего на постулатах самих деятелей оппозиции образца 1970–1980-х годов, когда подавляющее большинство противников власти характеризовало правящий режим как неестественный и чуждый народу, а себя рассматривало в качестве борцов за свободу и полноценный суверенитет государства. Таким образом, период Народной Польши в интерпретациях ряда современных польских историков и политологов как бы выпадает из общего течения польской истории, представляясь чем-то искусственно вклинившимся в промежуток между Второй (довоенной) и Третьей (посткоммунистической) Республиками. Иначе говоря, строй Народной Польши выглядит лишенным корней и навязанным извне, а деятельность оппозиции рассматривается как борьба за возвращение к истокам, к прерванной исторической традиции.

Однако, это не означает отсутствия принципиальных расхождений между польскими учеными относительно подхода к политической оппозиции в ПНР, и, шире, ко всему комплексу взаимоотношений между властью и обществом. Исследователи, собранные в Институте национальной памяти (Е. Эйслер, С. Ценцкевич, Л. Каминьский, Я. Жарын, А. Дудек, П. Махцевич и многие другие) придерживаются в основном негативного отношения к Народной Польше

и концентрируют свое внимание на истории «сопротивления» и разного рода оппозиционных организаций и движений (в том числе религиозных). Областью их интересов является главным образом политическая история ПНР. Сотрудники ИНП выпустили немало интересных работ, анализирующих различные проявления оппозиционной активности в Народной Польше, а также способы функционирования органов власти в социалистическом государстве.

В свою очередь историческая школа Варшавского университета (М. Куля, М. Заремба, Б. Бжостек и др.) рассматривает историю ПНР через призму социально-экономического развития и объективных процессов, происходивших в польском обществе того периода. К этому направлению примыкает и известный историк Д. Ярош, написавший целый цикл работ о повседневной жизни граждан ПНР и со скепсисом оценивающий их «оппозиционные» настроения.

С вопросом о степени отторжения обществом коммунистического режима непосредственно связаны дискуссии о природе этого режима (тоталитаризм или авторитаризм), а также о том, что именно следует понимать под оппозицией. В польской общественно-исторической мысли все большее распространение получает взгляд на политическую систему Народной Польши как на тоталитарный режим, сохранявший свои основные черты до самого крушения ПНР. Эту точку зрения, берущую свое начало в работах эмигрантских публицистов (в частности, Ю. Мерошевского) и работах деятелей оппозиции (например, А. Михника и Я. Древновского), ныне поддерживают многие историки и общественные деятели (Я. Кофман, А. Жеплинский, Т. Стшембош, Е. Турович и др.). Их оппоненты указывают на несоответствие некоторых черт режима Народной Польши понятию о тоталитаризме, в частности, на отсутствие таких мобилизационных возможностей, которыми располагали подлинно тоталитарные государства, и на наличие некоторых островков свободы, немислимых при тоталитаризме (неофициальная пресса, клубы интеллигенции, повторяющиеся забастовки и т. д.). Приверженцами такого подхода являются К. Керстен, А. Валицкий, Е. Шацкий.

Относительно вопроса о сути оппозиции в польской историографии разгорелась дискуссия, основными участниками которой стали А. Фришке и профессор Люблинского католического университета Т. Стшембош. Политическую оппозицию в ПНР А. Фришке характеризует как «индивидуальную, осознанную, планируемую, опирающуюся на определенную программу, деятельность организаций либо интеллектуальных течений, направленную на свержение строя либо его реформирование в сторону большей субъектности общества и ограничения монопольной власти партии»¹⁵. Такую деятельность он отличает от массовых стихийных выступлений или антиправительственных настроений, распространенных по разным причинам. Подобному неосознанному недовольству масс Фришке дал название «общественного сопротивления»,

примерами которого он считает, например, упорное нежелание принимать официальную версию некоторых событий новейшей истории (деятельность АК, причины и следствия Варшавского восстания 1944 г., вопрос о Катынском расстреле и т. д.) или отрицательное отношение крестьян к коллективизации¹⁶.

В свою очередь Т. Стшембош заявил, что в тоталитарном государстве, каковым являлась ПНР на протяжении всей своей истории, не было места оппозиции, поскольку подлинная оппозиция имеет в своей основе гражданскую свободу, а социалистическое государство по своей сути направлено на подчинение себе всех сторон жизни. Поэтому любое сопротивление тоталитаризму (или социализму, что для Стшембоша было одним и тем же) прямо или косвенно направлено против правящего режима, однако это не оппозиция, а сопротивление – организованное либо стихийное. Последними же представителями оппозиции в социалистической Польше Т. Стшембош считал участников антикоммунистического подполья, которое было окончательно ликвидировано в 1952 г.

Трудность в определении понятия «политическая оппозиция» применительно к истории ПНР заключается в уникальности такого явления как страны народной демократии. Т. Стшембош считал феномен народной демократии искусственным, порожденным последствиями Второй мировой войны. По его мнению, ПНР была марионеточным государством, прикрывавшим оккупацию страны Советским Союзом и никогда не имевшим поддержки среди польского народа. Поэтому любой акт народного недовольства он рассматривал как борьбу за национальное освобождение, т. е. как сопротивление оккупации¹⁷. А. Фришке, со своей стороны, также признает неестественность социалистического строя в Польше, однако прослеживает несколько этапов в развитии общественно-политической структуры ПНР, в ходе которых менялись и взаимоотношения народа и власти. По его мнению, на протяжении большей части своей истории правящий режим ПНР допускал, в отличие от советского, существование очагов независимой мысли, которые следует считать постоянно действующей оппозицией.

Источники. При работе над книгой использованы материалы, хранящиеся в варшавском Архиве новых актов (AAN), варшавском отделении Института национальной памяти (IPN), центре документации «Карта» (Ośrodek Karta), Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и Архиве внешней политики РФ (АВП РФ). Это прежде всего документы официальных учреждений ПНР и структур ЦК ПОРП (Министерство внутренних дел, Отдел культуры ЦК, Секретариат ЦК, Секретариат первых секретарей ЦК и т. д.), переписка участников оппозиции с органами власти, дневниковые записи бесед работников советского посольства с функционерами ПОРП, информационные записки советского посольства для ЦК КПСС и пр. Следует учиты-

вать, что хотя документы польского МВД, непосредственно посвященные борьбе с оппозицией, и несут в себе большую информативность, они часто содержат сильный идеологический заряд и склонны обнаруживать «враждебную деятельность» в самых неожиданных сферах. Кроме того, тайные службы нередко становились орудием во внутриполитической борьбе, и в своей работе выполняли заказ партийной верхушки. То же самое можно сказать и о записках работников советского посольства.

Широко использовалась программная публицистика деятелей оппозиции (опубликованная в различных сборниках и в парижской «Культуре»¹⁸), а также легальная пресса ПНР и эмигрантская периодика 1956–1976 гг. Поскольку официальная печать Народной Польши пользовалась значительно большей свободой, чем советская (особенно в период «Польского Октября» 1956 г. и непосредственно после него), ее материалы позволяют осветить идеологию некоторых течений оппозиции (прежде всего, польских «ревизионистов» и светских католиков). Наиболее подробно анализировалась тематика таких изданий, как «По просту», «Пшеглэнд культуральный», «Нова культура», «Тыгодник повшехный», «Вензь». Три первых служили рупорами обновленческого движения в марксизме после кризиса 1956 г. Ежедневник «По просту» при этом придерживался самых радикальных взглядов, отражая настроения революционной молодежи. «Пшеглэнд культуральный» и «Нова культура» отличались более умеренным характером и выражали мнение главным образом марксистской интеллигенции. Ежедневник «Тыгодник повшехный» и ежемесячник «Вензь» были органами светской католической интеллигенции, отвергавшей политические организации христиан и отстаивавшей путь внутрицерковных реформ в духе сближения с философией персонализма. Первый объединял в основном деятелей старшего поколения, пытавшихся продолжать традиции светских католических изданий довоенного периода в условиях изменения общественно-политического строя. Второй был основан людьми, воспитанными в Народной Польше, и стремился совместить философские принципы марксизма и католического персонализма.

Привлекались также материалы таких печатных органов как «Жиче Варшавы», «Свят», «Нове дроги», «Трыбуна люду». Из них первые два были рассчитаны на широкую аудиторию и носили более неформальный характер. Последние же два являлись выразителями воли ЦК ПОРП и были скорее образцами официоза. Однако, в моменты общественных кризисов в них тоже просачивались не вполне «лояльные» материалы, что свидетельствовало о расхождении во взглядах на текущую ситуацию в правящей элите ПНР.

Кардинально иную точку зрения на события в Польше представляла польская эмигрантская периодика. За рубежом выходили те издания, которые отражали мнение антикоммунистически настроенной интеллигенции, не при-

знававшей легитимность существующего в ПНР строя. Поскольку эмиграция отличалась большой идеологической пестротой, ее пресса была весьма разнообразной и в качестве единственного общего знаменателя имела антикоммунизм. Лидирующие позиции здесь – как с точки зрения глубины анализа, так и в свете воздействия на умонастроения в стране – на протяжении исследуемого периода сохранял парижский ежемесячник «Культура». Это издание коренным образом отличалось от прочих центров эмиграции тем, что не было связано с польским правительством в изгнании. Главный редактор журнала Е. Гедройц с самого начала предвидел длительность эмиграции и не поддерживал надежд, связанных с конфликтом между победителями во Второй мировой войне. Кроме того, «Культура» в целом больше ориентировалась на Польшу и, в отличие от других течений послевоенной эмиграции, дифференцированно подходила к общественно-политической системе Народной Польши, выразив, например, свою поддержку В. Гомулке после событий 1956 г.¹⁹

При написании монографии также привлекались научные работы, принадлежащие перу различных представителей неконформистской интеллигенции Польши того периода²⁰. Имеются в виду научные исследования, написанные в период 1956–1976 годов, которые напрямую не обращались к теме оппозиции или касались ее вскользь, но оказали воздействие на духовный мир польской интеллигенции, что в итоге отразилось на взглядах участников оппозиционной деятельности.

Использованы также более поздние источники, непосредственно относившиеся к периоду 1956–1976 годов. К ним относятся, например, аналитические записки Службы безопасности МВД ПНР и советского посольства, дающие общую картину того или иного явления в истории оппозиционного движения. Как правило, такие записки составлялись на запрос какого-либо высокопоставленного лица и отличались крайней субъективностью. Однако при этом они нередко содержали весьма ценный фактический материал и являлись плодом кропотливого сбора разрозненной информации. К этой группе источников также можно отнести воспоминания и интервью активных участников оппозиции. В современной Польше публикуется много мемуаров, относящихся к периоду Народной Польши. Естественно, что если воспоминания оппозиционеров или современных политиков носят скорее негативный характер по отношению к ПНР, то мемуары людей, представлявших тогда власть, имеют более нейтральную окраску или же направлены на «оправдание» их авторов перед лицом современной правящей элиты. Особое место в ряду мемуарной литературы, относящейся к новейшей истории Польши, занимает книга Я. Куроня «Вера и вина. К коммунизму и от него». Она не утратила своей актуальности и по сей день, являясь удивительным по своей откровенности документом, который повествует о корнях и духовном мире марксистской оппозиции,

мотивах, побудивших ее участников отказаться от коммунистической идеологии в конце 1960-х гг., и взаимоотношениях между представителями различных оппозиционных течений в 1950–1980-е годы²¹.

Мне удалось побеседовать с некоторыми очевидцами событий, описываемых в книге. Пользуясь случаем, хотелось бы выразить глубокую признательность всем, кто откликнулся на мою просьбу и согласился ответить на ряд вопросов: Лешеку Мочульскому, Антонию Замбровскому, Северину Блюмштайну, Яеку Бохеньскому, Войцеху Ярузельскому, Здиславу Найдеру, Каролу Модзелевскому, Яну Литыньскому, Хенрику Вуецу, Эрнесту Брыллию, Веславу Хшановскому, Збигневу Ромашевскому, Александру Смоляру, Мартину Куле и ксендзу Станиславу Малковскому. Среди них были как представители прокоммунистической оппозиции (К. Модзелевский, Я. Литыньский, С. Блюмштайн и др.), так и противники этой идеологии (Л. Мочульский, В. Хшановский, С. Малковский и др.). В силу этого они давали несколько отличный образ ПНР и внутрисистемной оппозиции, как бы дополняя друг друга. При этом нельзя сказать, что эти дополнения были всегда гармоничными. Сторонники обоих флангов политической оппозиции по сей день сохраняют достаточно скептическое отношение друг к другу и склонны преуменьшать роль своих идеологических соперников в расшатывании правящего режима ПНР. В беседах с деятелями оппозиции я, безусловно, учитывал этот момент, в силу чего не пользовался каким-то постоянным списком вопросов. Однако существовали некоторые темы, которые затрагивались почти во всех интервью (за исключением беседы с В. Ярузельским, которая ввиду уникальности биографии бывшего первого секретаря ЦК ПОРП носила особый характер). Такими темами были: социальное происхождение, отношение к Объединению ПАКС, личные впечатления об избрании К. Войтылы главой римско-католической церкви, степень антирусских и антисоветских настроений в польском обществе в описываемый период (на основе личных наблюдений опрашиваемого), и некоторые другие.

Примечания

¹ Raina P. Political opposition in Poland. 1954–1977. London, 1978.

² Jedlicki W. Klub Krzywego Koła. Paryż, 1963.

³ Kuroń J. Polityka i odpowiedzialność. Londyn, 1984. S. 107–123.

⁴ Bielak F., Korczyk H. Wybrane zagadnienia z genezy i działalności grup antysocjalistycznych w Polsce w latach 1975–1981. Warszawa, 1983; Kossecki J. Geografia opozycji politycznej w Polsce w latach 1976–1981. Warszawa, 1983; Modzelewski E. Import kontrrewolucji. Warszawa, 1982; Ważniowski W. Polityczne i społeczne problemy rozwoju Polski Ludowej. 1944–1985. Zarys historii. Warszawa, 1989.

⁵ *Wiatr J.* Kryzysy społeczno-polityczne w Polsce Ludowej a zagadnienie władzy państwowej // *Kryzysy społeczno-polityczne w Polsce Ludowej. Geneza, charakter i sposoby przezwyciężania.* Pod red. naukową A. Czubińskiego. Warszawa, 1983.

⁶ *Starsky S.* Class struggle in classless Poland. Boston, 1982.

⁷ *Szymansky A.* Class struggle in Socialist Poland. New-York, 1984.

⁸ *Karpiński J.* Count-down: The Polish upheavals. New-York, 1982.

⁹ *Bernhardt M. H.* The origins of democratization in Poland. New-York, 1993.

¹⁰ *Трубачев В.* Крах операции «Полония». 1980–1981. М., 1983; *Веденева В. Т.* Противоборство революционного и реформаторского течений в истории польского рабочего движения и современная идеологическая борьба. Рук. канд. дис. М., 1985; *Брониславский Е., Вачнадзе Г.* Польский диалог. Тбилиси, 1990.

¹¹ *Гришин Я. Я.* Истоки кризисов. Казань, 1991.

¹² *Лойко Л. В.* Политическая борьба в Польше (70–80-е гг.). Минск, 1995; *Калузина Т. Г.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1980. Рук. канд. дис. Иркутск, 1998; *Юсупов Р. Р.* Польская интеллигенция в период народной демократии. 1944–1980 гг. Казань, 1998; *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В. А. Дьяков.* М., 1993; *Орехов А. М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005.

¹³ *Opozycja i opór społeczny w Polsce (1945–1980). Materiały konwersatorium z 20 lutego 1991 r.* Redakcja: A. Friszke i A. Paczkowski. Warszawa, 1991. S. 5–16; *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994.

¹⁴ *Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. 1956–1989.* Т. 1–3. Warszawa, 2000–2006.

¹⁵ *Opozycja i opór społeczny w Polsce...* S. 8.

¹⁶ *Ibid.* S. 5–6.

¹⁷ *Strzembosz T.* Polacy w PRL: sprzeciw, opozycja, opór (Zachowania opozycyjne w systemie totalitarnym) // *Arkana (Kraków),* 2000, а 5. S. 121–141.

¹⁸ Наиболее полная подборка осуществлена З. Хеммерлингом и М. Надольским. См.: *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce. 1956–1976. Wybór dokumentów. Warszawa, 1991; *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja demokratyczna w Polsce. 1976–1980. Wybór dokumentów. Warszawa, 1994.

¹⁹ *Alberska M.* Ośrodki emigracji polskiej wobec kryzysów politycznych w kraju (1956–1981). Wrocław, 2000. S. 43, 84.

²⁰ *Kořakowski L.* Głównе nurty marksizmu. Londyn, 1988; *Михник А.* Польский диалог: церковь-левые. Лондон, 1980; *Сувинский В.* Rodowody niepokornych. Paris, 1985; *Колоковский Л.* Похвала непоследовательности. Firenze, 1974.

²¹ *Kuroń J.* Wіara i wina. Do i od komunizmu. Wrocław, 1995.

Глава первая

Внутрипартийные течения оппозиции. От массового движения 1956 года до XIII пленума ЦК ПОРП (июль 1963 года)

1. Брожение в партийных рядах и слом тоталитарной модели государства в 1956 году

Середину 1950-х годов принято считать временем пересмотра ценностей для значительной части польской интеллигенции. Революционный энтузиазм послевоенных лет, захвативший молодое поколение и позволявший не замечать некоторых «перекосов» социалистического строительства, сменился определенным отрезвлением, когда стало понятно, что даже революция не избавляет от проявлений социальной несправедливости и произвола, иначе говоря – от «искажений». Начинаясь «оттепель» нашла живой отклик в польском обществе, не имевшего за плечами долгой школы тоталитаризма, а потому сохранившего тяготение к таким ценностям демократического устройства как: плюрализм мнений, многопартийность и т. д. Многих поляков оскорбляло также положение «младших братьев» Советского Союза, особенно унижительное после двадцати лет подчеркнутого национализма II Речи Посполитой. Все это, вкупе с осознанием своей принадлежности к западной культуре и разворачивавшимся экономическим кризисом, который явился результатом ускоренной индустриализации, породило вскоре после смерти И. В. Сталина брожение в обществе. Уровень жизни, повысившийся после освобождения страны от фашистской оккупации, вновь начал падать, особенно в среде рабочих, занятых на строительстве крупных промышленных объектов. Люди все меньше верили идеологическим слоганам и все громче выражали недовольство тяжелыми условиями труда. XX съезд КПСС и неожиданная кончина первого секретаря ЦК ПОРП Б. Берута, последовавшая 12 марта 1956 г., явились непосредственными толчками к началу процесса преобразований в стране, разбудившему общественную активность и приведшему к созданию организованных центров независимой мысли, которые в условиях отсутствия полноценных демократических институтов играли роль политической оппозиции.

Хотя польское общество середины 1950-х годов не исповедовало в большинстве своем социалистических идеалов, нельзя сказать, что оно было настроено и против них. Скорее, имело место сочетание традиционных ценностей с некоторыми воззрениями, привнесенными официальной пропагандой. Это порождало значительный диссонанс в мыслях и чувствах людей. Бытовой эгалитаризм переплетался в сознании народа с антисемитизмом и национализмом, когда евреев обвиняли в том, что они принесли на польскую землю враждебный русский коммунизм. Однако при этом собственная правящая партия пользовалась в обществе значительным доверием, причем не только в среде рабочих, но также и в среде интеллигенции, – как новой формации, так и той, чья деятельность началась еще задолго до войны. Редакция популярной молодежной газеты «По prostu» в 1956 г. в качестве непреложного факта высказывала утверждение, что в послевоенный период, когда у руля Польской рабочей партии стоял В. Гомулка, власть носила истинно народный характер¹, а участники антиправительственных выступлений в Познани, вышедшие на манифестацию протеста 28 июня 1956 г., пели государственный гимн и религиозные песни, и наряду с лозунгами типа «Долой коммунизм!» скандировали «Даешь Гомулку!»².

События 1956 г. в Польше – ослабление тоталитарного режима, массовые выступления рабочих и студентов, внутривластная борьба – позволяют говорить о кризисе общественно-политической системы ПНР, который на короткий промежуток времени позволил действовать таким общественным силам, которые в других условиях никогда бы не имели возможности говорить в полный голос. Тем не менее, годы утверждения новой власти и коммунистической пропаганды создали положение, при котором даже в условиях кризиса откровенно антикоммунистические силы не могли действовать столь же активно, как общественные течения, признающие легитимность послевоенного режима, поэтому естественным образом в авангарде всего общенационального движения 1956 г. встали деятели левого толка, воспитанные на ценностях социализма.

После смерти Сталина польское партийно-государственное руководство провело некоторые реформы, касавшиеся прежде всего органов безопасности. В какой-то мере этому способствовало бегство за рубеж в декабре 1953 г. заместителя начальника X департамента Министерства общественной безопасности (МОБ) Ю. Свято. X департамент занимался борьбой с контрреволюционной деятельностью внутри ПОРП, в частности именно он осуществлял аресты обвиненных в так называемом «правонационалистическом уклоне», жертвой чего стали В. Гомулка и его соратники. Объявившись в Вашингтоне, Ю. Свято во всеуслышанье принялся рассказывать о беззакониях, творив-

шихся в Польше. Этот побег в значительной степени ускорил процессы политической «оттепели», в частности, преобразования в органах польской госбезопасности.

Изменился подход к культуре. Если раньше, невзирая на постоянные заверения членов Политбюро в важности литературы и искусства в деле построения социализма, и то и другое фактически приносилось в жертву ускоренной индустриализации страны, а сами деятели культуры подвергались непрерывному идеологическому и политическому давлению со стороны партийных органов, то начиная с 1954 г. правящая элита несколько изменила свою культурную политику. Цели остались те же (воспитание борцов за социализм), но методы воздействия на творческих работников (а через них – и на общество) были уже иные. Вместо подавления каждого несанкционированного властью высказывания начали поощрять критику (если она исходила из собственного лагеря) с целью убедить сомневающихся в правильности линии партии. Иначе говоря, власть отказалась от механического навязывания решений правительства и Политбюро и взяла курс на утверждение среди деятелей культуры коммунистического мировоззрения как сознательного выбора. Секретарь ЦК ПОРП Е. Моравский так сформулировал эту политику: партия выступает за свободу слова и творческие споры, но чтобы при этом побеждала партийная, коммунистическая точка зрения³. На заседаниях Союза польских литераторов и других творческих объединений часто критиковалось руководство первичных парторганизаций, сами парторганизации и некоторые их деятели, в особенности те, кто слыл сталинистом. Появилась также критика некоторых постановлений правительства предыдущих лет. Главными причинами недовольства деятелей культуры были административные методы управления творческим процессом, засилье метода соцреализма, плачевная экономическая ситуация в культурных учреждениях и сообществах⁴. Партийные функционеры хотя и с подозрением смотрели на некоторые заявления, считая их проявлением «безответственности», а иногда даже наступлением «враждебной идеологии», сам факт обмена мнениями характеризовали положительно⁵.

Изменилось отношение к прессе. Ее стали рассматривать как источник пробуждения общественной активности. Воспользовавшись ослаблением цензуры, пресса начала все смелее критиковать положение в стране. По мнению социолога В. Едлицкого причиной цензурных послаблений было то, что ряд высокопоставленных партийных чиновников смотрел сквозь пальцы на разворачивавшуюся критику негативных сторон социалистической действительности, подготавливая тем самым общественное мнение к грядущим переменам. Но, по его же словам, начало этому процессу было положено в марте 1956 г. после визита Н. С. Хрущева в Польшу в связи с похоронами Б. Берута⁶.

Сейчас мы знаем, что на самом деле цензурные вожжи стали отпускать раньше, по крайней мере начиная с 1954 г. Напрашивается вывод, что в данном случае мы имеем дело с изменением общей атмосферы во взаимоотношениях власти и прессы. Руководство ПОРП не могло не замечать перемен, происходящих в Москве, и реагировало на них соответствующими изменениями партийного курса.

Наиболее заметным явлением в сфере польской прессы стал еженедельник «По просту», который преобразовался в сентябре 1955 г. из органа Союза польской молодежи в издание «студентов и молодой интеллигенции», поставив перед собой цель оживить общественную жизнь в провинции и поддерживать там молодых сторонников марксизма. Для этого редакция газеты предлагала создавать в провинции клубы молодой интеллигенции. Газету тревожил факт постепенной «деградации» молодой марксистской интеллигенции, когда, по ее словам, даже партийные активисты начинали посещать церковь и венчаться по католическому обряду⁷.

Клубы интеллигенции были одной из форм внедрения в общество марксистской идеологии. Они образовались почти сразу после окончания войны, но вскоре были распущены. Когда скончался И. В. Сталин, власть решила возродить их, чтобы противопоставить клубам, создаваемым некоммунистическими деятелями.

Возникли новые журналы о культуре. Первым из них, созданным в порядке эксперимента, была «Лодзь литерацка» («Литературная Лодзь»)⁸. Популярность журнала поощрила власть к дальнейшим шагам, и в течение года (лето 1955 – лето 1956 гг.) появилось еще несколько периодических изданий, освещавших проблемы культуры, главным образом в провинции. На важность вопроса культурной периодики указывает создание в аппарате ЦК ПОРП специальной комиссии с участием известных партийных писателей Я. Бохеньского и Л. Пшемского⁹.

С разных, порой противоположных, точек зрения изображалось в художественных произведениях социалистическое строительство в Польше. Уже в 1954–1955 гг. приобрели широкую известность рассказы и повести К. Брандыса и М. Хласко, но наибольший резонанс вызвала публикация в 1955 г. в еженедельнике «Нова культура» «Поэмы для взрослых» Адама Важика (о главной стройке Народной Польши – металлургическом комбинате в Новой Хуте). Автор, еще недавно – один из главных ревнителей соцреализма, обрушился с градом обличений на партийную пропаганду, вскрыл ее лживость и пустоту, описал нужду трудящихся масс и пренебрежение местных властей интересами рабочих. Главный редактор «Новой культуры» П. Хоффман попался за публикацию поэмы своим постом, а само произведение подверг-

лось разносу, причем не только со стороны партийных консерваторов, но также и со стороны тех, кого в будущем стали относить к реформаторскому крылу ПОРП. Произведение было расценено критиками как антипартийный выпад, его текст отправили в Москву для ознакомления советского руководства с положением дел в польской культуре. «Я считаю, – писала в сентябре 1955 г. Н. С. Хрущеву Ванда Василевская (известная писательница, одна из создательниц Союза польских патриотов в период войны), – что в Польше неблагоприятно обстоит дело на культурном фронте. Под лозунгом “свободы индивидуальности”, “свободы творчества”, “свободы критики” ведется постоянная враждебная агитация против марксизма, против строя народной Польши, против Советского Союза»¹⁰.

Появление сразу нескольких крамольных произведений польской литературы отразило процесс постепенного высвобождения мысли от оков тоталитаризма и выразило стремление посмотреть правде в глаза и попытаться непредвзято оценить итоги развитие страны за истекшее десятилетие.

Руководство ПОРП беспокоила возросшая независимость деятелей культуры. В апреле 1955 г. ЦК направил в первичную парторганизацию Союза польских литераторов письмо, где предостерегал писателей от опасности «правой идеологии». Летом же партийные органы развернули так называемое «наступление» в первичных парторганизациях. Нападкам подверглись взгляды, якобы завоевавшие тогда популярность среди деятелей культуры: отрицание руководящей роли партии в культурном процессе; теория имманентного зла в социализме; убеждение, что марксизм не является сам по себе достаточной «интеллектуальной системой» для описания мира; недооценка правой опасности как таковой. Сами партийные писатели отнеслись к «наступлению» с большой опаской, боясь возрождения сталинских традиций¹¹. Деятели культуры, в том числе состоявшие в ПОРП, все активнее стремились выйти из жестких рамок соцреализма. «Проблемы марксистской эстетики не имеют большого веса», – с тревогой отмечалось в одной из записок Отдела культуры ЦК ПОРП в октябре 1955 г., а затрагивание таких понятий как космополитизм и конформизм и вовсе «считается в среде партийных мастеров бестактностью»¹². В январе 1956 г. на совещании партактива мастеров изобразительных искусств соцреализм как единственный творческий метод подвергся открытой критике. Участников этого собрания можно разделить на две группы: тех, кто признавал определенные просчеты прежней культурной политики, но выражал беспокойство «нарастающей безыдейностью», и тех, кто именно в критике видел условие обновления и возврата к правде в искусстве. «Тесно мне было в том, что я сама провозглашала», – призналась одна из представительниц партактива, усиленно внедрявшая некогда соцреалистический метод¹³.

XX съезд КПСС подорвал существовавшие до той поры в Польше взаимоотношения между ПОРП и деятелями культуры. Известный писатель-коммунист Ю. Стрыйковский утверждал, что до XX съезда КПСС он питал «слепое доверие» к партии, а свою идеологию выводил из работ Сталина. Но поскольку партия сама признала, что способна совершать ошибки, продолжал Стрыйковский, следовательно, можно ее критиковать¹⁴. Теперь уже не власть оказывала идейное давление на деятелей культуры, а наоборот, писатели и художники требовали свободы творчества и политических реформ. Партийная верхушка устами Е. Моравского вынуждена была по сути отказаться от политики усиленного внедрения соцреализма и признать ценность других направлений искусства¹⁵. Однако для деятелей культуры, в том числе и являвшихся членами ПОРП, этого уже было недостаточно. Культурная политика власти рассматривалась ими теперь как часть общей политики режима в отношении общества в сталинский период. На этой основе начала нарастать критика правящей элиты как таковой и требование вернуть В. Гомулку в руководящие органы партии. Именно такой настрой характеризовал, например, резолюции первичной парторганизации варшавского отделения СПЛ, направленные на протяжении 1956 г. в ЦК ПОРП¹⁶.

В 1988 г. польский философ Л. Колаковский вспоминал о том периоде: «В большинстве своем мы рассматривали сталинскую систему как достаточно монолитный политический организм, прочно спаянный изнутри, в силу чего следовало искать корни зла не в «ошибках» или пороках Сталина, но в самой природе коммунистической власти. Тем не менее, некоторое время мы верили, что сталинизм можно реформировать в том смысле, чтобы обновить либо «замаскировать» коммунизм, не выходя за его рамки»¹⁷. Сталинизм был для этих людей политической системой, воплотившей все основные черты тоталитаризма: единовластие и вождизм, ортодоксальность идеологии, императив «цель оправдывает средства» и верховенство власти над народом¹⁸. Казалось, если от них избавиться, то расчистится дорога к подлинному, неизвращенному социализму.

Поскольку «вражеское окружение» и безошибочность партии были поначалу одними из главных постулатов официальной пропаганды, то когда повеяло «оттепелью» и зазвучала осторожная критика некоторых явлений в жизни Народной Польши, критика эта не была направлена против ПОРП, а, наоборот, высказывалась от имени партии и общества. Воплощением всех темных сторон строительства социализма стала так называемая бериевщина, под которой понималось то, что потом получило название сталинизма. Различие однако заключалось здесь не только в определениях. Если бериевщина рассматривалась как явление, совершенно чуждое коммунистическому движе-

нию, то развенчание сталинизма означало разрыв с целой традицией и низвержение основополагающих принципов мировоззрения коммунистов.

В марте 1956 г., после того как в Польше и других странах социалистического лагеря стало известно содержание секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, политическая ситуация в ПНР начала стремительно накаляться, приобретая все черты социально-политического кризиса. Его признаками явились борьба за власть в правящей партии, разворачивающаяся в прессе критика сталинизма, активизация общественных движений. XX съезд КПСС и осуждение культа личности стали переломным моментом для левых радикалов, после чего они были вынуждены искать другую точку опоры для своих идейных позиций. Для редколлегии еженедельника «По просту», который служил главным идейным рупором молодых польских коммунистов в 1956 г., такой точкой послужили работы молодого К. Маркса. Таким образом, деятели этого направления, с одной стороны, не вышли за границы официальной идеологии, с другой – дали выход своей революционной энергии. Эта линия, впрочем, быстро привела их к неприятию всего политического наследия послевоенной Польши и критике партийно-государственного аппарата как класса, оторванного от народа. В связи с этим общественное движение 1956 г. оценивалось деятелями этого направления как еще одна революция, которая должна была свергнуть господство нового эксплуататорского класса и передать власть трудящимся массам. Приблизительно то же самое говорил в марте 1956 г. соратник В. Гомулки В. Беньковский, что указывает на популярность подобных взглядов среди польских коммунистов¹⁹. Целью молодых левых радикалов было низвержение власти партийной бюрократии и установление системы советов. Иначе говоря, они старались в 1956 г. воплотить лозунг, выдвинутый некогда большевиками. Не случайно молодые польские коммунисты проявляли особенный интерес к ленинским работам 1917–1918 годов²⁰.

2. Оазисы свободной мысли

Идея об эксплуататорском классе, захватившем власть в государстве диктатуры пролетариата, в немалой степени обязана своей популярностью Клубу кривого колеса (ККК). Этот клуб возник в начале 1955 г. как место неформальных встреч деятелей науки и искусства. Первые собрания проходили на улице Кривого колеса в центре Варшавы, отсюда и название клуба. Он быстро получил поддержку «По просту», а в октябре 1955 г. приобрел официальный статус²¹. Всестороннюю поддержку клубу оказала Х. Яворская – глава Союза польской молодежи. Как утверждал позднее один из активных членов клуба Р. Щурковский (в 1955 г. работник Министерства культуры и искусства), имен-

но она связала клуб с редакцией «По prostu», оговаривала с Ю. Гажтецким направление деятельности клуба, а кроме того, «прокладывала дорогу в ЦК и в Отдел пропаганды»²². Жена Ю. Гажтецкого Эва сообщала в своем докладе Службе госбезопасности в 1963 г.: «Вся эта затея была с самого начала известна органам госбезопасности. Я сама контактировала с ними все время. Писала какие-то отчеты. Помню, хоть и весьма смутно, что в наших беседах с представителями партийных органов и работниками общественной безопасности шла речь о выявлении определенных настроений среди интеллигенции, о включении этой интеллигенции в позитивную творческую работу для Народной Польши. Таковы были основы»²³. Супруги Гажтецкие были тесно связаны с правящим режимом, хотя связь эта не была явной: оба незадолго до того сотрудничали со спецслужбами ПНР. Как подозревали еще в период существования Клуба некоторые его члены (в частности, В. Едлицкий²⁴), ККК мог быть для Гажтецких просто трамплином для политической карьеры.

Все это давало повод подозревать клуб в том, что он явился детищем каких-то политических манипуляций. Е. Микке, В. Едлицкий, Л. Хасс и С. Жулкевский считали Клуб кривого колеса делом рук партийных функционеров – сторонников реформ, в то время как Ю. Гажтецкий, Я. Ю. Липский и З. Бейнар отвергали подобное предположение. По словам Р. Щурковского, Э. Гажтецкая не раз намекала, будто идею клуба подал сам В. Гомулка, с которым супруги Гажтецкие имели возможность встретиться в начале 1955 г., когда их для поправки здоровья после тюремного заключения отправили в санаторий для партработников в Крынице²⁵. Однако споры вокруг достоверности подобных свидетельств и обстоятельств возникновения клуба кривого колеса не ставят под сомнение его особую роль в общественном движении в Польше.

Идеологическую окраску клуба охарактеризовать непросто. У истоков его стояли люди, тесно связанные с официальными структурами, в большинстве своем – члены ПОРП (например, советник Министерства культуры и искусства М. Перльман, редактор отдела культуры в еженедельнике «Штандар Млодых» («Знамя молодых») З. Суфин, сотрудник Отдела истории партии ЦК ПОРП С. Круль и др.)²⁶. В сентябре 1955 г. они направили обращение к властям, где среди прочего говорилось: «В наиболее общем виде характерной чертой интеллигенции в нынешней Польше является недостаточное воздействие партийной интеллигенции на массы, идейные шатания и низкий уровень политической сознательности, отсутствие отработанных средств политического воспитания интеллигентских масс [...]. Несмотря на то, что партия и правительство немало сделали для воспитания новой интеллигенции Народной Польши, работа в этом направлении остается недостаточной. До сих пор не предпринималось никаких попыток организовать интеллигенцию и провести

с ней политико-воспитательную работу, которая способствовала бы коренному преобразованию ее мировоззрения [...]. В Народной Польше разгромлены санационные (т. е. пилсудчиковские. – В. В.) организации и националистические группировки, а также их подпольные аналоги, возникшие после освобождения страны. Однако совершенно не обращается внимание на необходимость идеологического разгрома тех или иных реакционных течений среди интеллигенции... Отсутствие этой задачи, убежденность, что марксистское обучение автоматически раздавит пережитки вражеской идеологии являются одними из причин низкого уровня политической сознательности польской интеллигенции...»²⁷. Иными словами, потребность в создании клуба увязывалась с курсом на идеологическое укрепление режима. В целом, как мы видели выше, такая нацеленность вполне укладывалась в рамки нового курса партии, взятого правящей элитой.

Не стоит, однако, переоценивать значение коммунистической фразеологии в данном документе. Идея дискуссионных клубов тогда вообще носилась в воздухе. Каждый такой клуб должен был регистрироваться в местном органе власти, чтобы его не обвинили в нелегальной деятельности. Каждый понимал, что успех предприятия напрямую зависит от количества официоза, вложенного в заявку на клуб. Если бы представители властей заподозрили хоть малейшее отклонение от партийного курса, надежды обрести клуб были бы обречены на провал (как это произошло, например, с предложением известного католического публициста С. Киселевского создать клуб «свободных клерков»²⁸).

Первоначально на собраниях Клуба по четвергам в Доме культуры Старого города обсуждались заранее утвержденные темы, преимущественно из области искусства. Клуб быстро приобрел известность, и уже к 1 января 1956 г. в нем насчитывалось до семидесяти восьми постоянных членов и гостей²⁹. Возникло правление и первые секции: театральная, изобразительных искусств, графики, философии и кукольного театра. В феврале 1956 г. появилась наиболее известная и активная секция, занимавшаяся обществоведческими исследованиями. У ее истоков стоял социолог Ян Стшелецкий, приобщивший к работе в секции ряд своих коллег (С. Мантужевского, Ч. Чапова, С. Новака и др.). Эта секция находилась под опекой факультета социологии Варшавского университета (в частности, профессоров Марии и Станислава Оссовских) и сотрудничала с такими известными социологами и экономистами как Ю. Хохфельд, Ч. Бобровский, Ю. Халасиньский, Я. Щепаньский и др.³⁰ Именно эта секция, по мнению Службы безопасности, стала главным проводником идей обновления в стране и оказывала воздействие на формирование политического лица Клуба. Особенно ярко это начало проявлялось с мая 1956 г., когда Я. Стшелецкого избрали председателем правления ККК.

В апреле 1956 г. секция общественных исследований подготовила доклад на тему: «Как некоторые социал-демократические идеологи и их идейные вдохновители и союзники понимают социальную структуру Советского Союза и стран народной демократии»³¹. В своем докладе члены секции проанализировали воззрения видных деятелей II и II/2 Интернационалов (К. Каутского, Ж. Жореса, О. Бауэра, М. Адлера, Г. Вальтера, Г. Ласки, К. П. Шульца, П. Серинга и др.) и разработки «новых левых» в странах Запада, которые в свою очередь почерпнули немало у Л. Троцкого и Д. Бернхама. Согласно представлениям теоретиков социал-демократии и «новых левых», тоталитаризм как общественный строй и политическая система стал результатом «административной революции» в промышленно развитых странах с недостаточным уровнем демократии (Германии, Италии, Японии, России, Испании и т. д.). Западные левые представляли эту революцию как результат сложных социально-экономических процессов, заключающихся в переходе от свободного капиталистического рынка к планируемой экономике. В России, по их мнению, тоталитаризм восторжествовал в силу слабости пролетариата и наличия огромной массы мелкого крестьянства, которое своей пассивностью обеспечило установление нового строя. В Германии же и Италии произошла контрреволюция, когда пролетариат дал себя обмануть крупной буржуазии, использовавшей фашистов для уничтожения демократии. Однако в обоих случаях результаты социального переворота оказались освершенно иными, чем рассчитывали основные действующие силы – пролетариат и крупная буржуазия. Вместо утверждения диктатуры пролетариата (в России) и диктатуры буржуазии (в Германии и Италии) возникли тоталитарные системы, действующие в интересах однопартийной бюрократии. Располагая новыми, невиданными доселе, технологиями воздействия на массы, эти режимы демонстрировали необычайную прочность, и в принципе были способны просуществовать неопределенно долгое время. В этом коренилась их опасность³².

В целом авторы доклада подвергли эти воззрения научной критике. Однако при этом они допустили ряд совершенно беспрецедентных обобщений. Например, предприняли сравнительный анализ политической структуры коммунистического и фашистского режимов, а также обратились к резолюциям Бюро Социнтерна, в которых утверждалось, что «социализм и коммунизм не имеют между собой ничего общего»³³. Все это не могло не привлечь к себе внимания всех участников процесса обновления в Польше. Свою роль сыграло и то, что авторы доклада сослались на аналогичные теории довоенных польских экономистов и социологов левой ориентации (Э. Абрамовского, А. Герца, З. Зарембы и др.)³⁴, что указывало на существование подобной традиции также и в польской социалистической мысли. Первоначально доклад

предназначался исключительно для обсуждения в рамках Клуба³⁵, но поскольку Клуб кривого колеса действовал в контакте с «По просту», эти идеи широким потоком выплеснулись на страницы издания. Подхватили их и некоторые далекие от марксизма экономисты, посещавшие заседания Клуба (А. Вакар, Ю. Муйжель, С. Куровский). Они предлагали развернуть общественную кампанию с требованием к партийно-государственной бюрократии провести рыночные реформы в экономике.

Власть долгое время не рассматривала клуб как средоточие оппозиции. Несмотря на его активную роль в событиях 1956 г., он считался чем-то вроде кружка по интересам варшавской научной и культурной элиты, не представляющим угрозы для строя. Как видно, режим был уверен, что большое количество членов ПОРП в руководстве ККК и среди его участников не позволит дискуссиям выйти за рамки дозволенного. Не исключено также, что некоторые влиятельные партийные деятели намеренно допускали крамолу в клубе, дабы еще больше подогреть страсти и прослыть либералами, борющимися с консерваторами. Лишь в 1958 г. органы госбезопасности обнаружили свое вмешательство в деятельность клуба в связи с контактами некоторых его участников с главным редактором парижской «Культуры» Е. Гедройцем³⁶.

Клуб действительно был задуман как свободный форум, поэтому там встречались люди самых различных убеждений – от высокопоставленных членов ПОРП вроде Я. Стшелецкого и Х. Бронятовской (официального опекуна Клуба из Отдела пропаганды ЦК ПОРП), до старых участников Народовых сил збройных (боевые формирования крайне правой Национальной партии) и Армии Крайовой: А. Грабиньского, Я. Ю. Липского, А. Малаховского и др., хотя в руководстве всегда преобладали члены ПОРП, которых, особенно в 1955 г., было трудно причислить даже к сторонникам реформ³⁷. Все же, по свидетельству ряда авторов, большинство постоянных членов клуба исповедовали социалистические или социал-демократические идеи, но все были так или иначе критически настроены по отношению к современному им режиму.

Впрочем, главная заслуга клуба заключалась не в разработке каких-либо

программ, а, скорее, в самом факте его существования. Будучи первой относительно свободной и официально признанной трибуной общественного мнения, ККК занял лидирующее положение в клубном движении, не выдвигая при этом каких бы то ни было идейных требований к своим участникам, кроме принципа терпимости к любым идеологиям, за исключением шовинизма и сталинизма. Поэтому участники клуба весьма холодно относились, например, к эндецкой и ОНР-овской (по имени ультраправой организации в довоенной Польше ОНР-Фаланга) традициям, и открыто противопоставляли себя консервативному течению в ПОРП – так называемым «натолинцам»³⁸. Ко всем

остальным течениям тогдашней общественной мысли Клуб кривого колеса проявлял удивительную толерантность – от группы католического еженедельника «Тыгодник повсехний» до коммунистического Клуба красного помидора.

К началу августа 1956 г. число клубов в Польше достигло примерно ста тридцати, а к осени перевалило за двести³⁹. Тогдашний секретарь Центра сотрудничества клубов интеллигенции Р. Щурковский объяснял такую активность протестными настроениями среди интеллигенции, выступавшей против «порочной идеологии, застоя в культуре и вообще против общественной, политической и экономической системы, господствовавшей в стране». При всей мировоззренческой пестроте характерной чертой клубов был их радикализм, однако при этом клубы, особенно молодежные, нередко отличались идейной незрелостью, часто не имея конкретной программы, которая подменялась общими фразами о плюрализме мнений и гуманизме⁴⁰. Можно выделить и другие общие черты клубного движения: любой клуб превращался в место дискуссий членов партии и беспартийных; принципом их деятельности был плюрализм; каждый клуб или группа становились самостоятельным центром, не подчиненным каким-либо учреждениям. Клуб кривого колеса, как наиболее влиятельный субъект клубного движения, выступил с инициативой создания координирующих органов, которые бы не связывали деятельность клубов, но облегчали им работу. Инициатива эта вызвала протест со стороны редакции «По просту», считавшей только себя лидером клубного движения. Тем не менее, в апреле 1956 г. был образован Общепольский центр сотрудничества клубов. Его органом стал ежемесячник «Новы нурт» («Новое течение»), главным редактором которого был назначен Ю. Гажтецкий. ОЦСК развернул бурную деятельность, в частности, наладил контакт с югославским, венгерским и советским посольствами, через которые пытался связаться с единомышленниками за рубежом, например – с клубом им. Петёфи в Будапеште⁴¹. Редакция «По просту» в ответ на эти «сепаратные» действия немедленно объявила об образовании Центра клубов молодой интеллигенции.

Причиной подобного недопонимания, как можно думать, была не только борьба за влияние в клубном движении, но и разные подходы к роли партии в нем. Клуб кривого колеса весной 1956 г. еще выступал за тесное взаимодействие с партийными органами, выражением чего стал договор о сотрудничестве между ОЦСК и Национальным фронтом, подписанный 15 апреля 1956 г. Часть руководства Национального фронта, правда, с недоверием относилась к людям из клуба, полагая их чрезмерными либералами. Это, однако, нисколько не мешало взаимовыгодному сотрудничеству. Во всяком случае, неизвестны случаи, когда руководство Национального фронта потребовало бы распустить либо реорганизовать ОЦСК. В свою очередь «По просту» всегда выступала за

самостоятельность клубного движения и категорически отвергало любое его подчинение партийным органам, видя в этом возрождение сталинских традиций. Дабы не создавать ситуации нездорового соперничества, было решено, что Общепольский центр сотрудничества клубов будет заниматься проблемами трудовой интеллигенции, а структура «По просту» – вопросами клубов, действующих при вузах⁴².

Первые и наиболее влиятельные клубы молодой интеллигенции действительно появились именно в университетских центрах, причем по инициативе местных организаций ПОРП. Как правило, эти клубы стремились возродить героический дух первых лет строительства социализма и в работах классиков марксизма пытались отыскать черты того «истинного» социализма, который был позднее извращен сталинизмом. На этой основе начала раздаваться критика в адрес Союза польской молодежи, который, по мнению все большего числа молодежных деятелей, утратил свою роль революционного авангарда и превратился в формальную организацию.

В период кризиса 1956 г. центрами напряженной идейной борьбы и идеологической активности выступили самые разнообразные политические и общественные институты: руководящие партийные органы ПОРП и других партий Национального фронта, партийные организации, профсоюзы и трудовые коллективы, молодежные организации и объединения, творческие союзы, клубы интеллигенции, печать и т. д. Разумеется, роль их и значение в этих дискуссиях были различными. Однако размежевание в этих дискуссиях происходило не по организационному принципу, а по идейным направлениям, то есть внутри самих этих объединений.

Наиболее обсуждаемыми в это время вопросами были: 1) преодоление сталинизма и роль партии в обществе; 2) плюрализм мнений и демократические свободы; 3) роль интеллигенции в обществе; 4) отношение к национально-патриотическим движениям (в частности, реабилитация Армии Крайовой); 5) проблема национальной независимости; 6) партийность в литературе и искусстве, свобода художественного творчества. При этом наиболее активно

вопросы идеологии обсуждались в клубах интеллигенции и в Общепольском центре сотрудничества клубов, в Союзе польской молодежи и в среде молодежного движения, а также в Союзе польских литераторов и Совете по культуре и искусству при правительстве.

Уже в марте на страницах «По просту» Е. Коссак охарактеризовал кризис сталинизма как кризис доверия народа к власти, а Р. Турский заявил, что «в последние 2–3 года между СССР и Польшей возникла диспропорция, углубленная XX съездом – это несоответствие между теоретической и практической сторонами деятельности»⁴³. В том же марте публицисты «По просту»

Е. Амброзевич, Я. Ольшевский и В. Намёткевич выступили с сенсационной статьей «Навстречу людям из АК», в которой за ветеранами Армии Крайовой впервые признавалось право участвовать в общественной жизни, понимаемой редакцией газеты как процесс строительства социализма⁴⁴.

В апреле редакция «По просту» выдвинула программу реформирования СПМ, настаивая на создании автономной организации, борющейся вместе с партией за «возвращение и развитие коммунистических норм жизни»⁴⁵. А в конце месяца Е. Урбан в статье «О народовластии» заявил, что в период диктатуры пролетариата в Польше не было полноценной демократии, поскольку фактическая власть сосредоточилась в руках чиновников, управлявших государством от имени рабочего класса⁴⁶. 29 апреля 1956 г. идейно примыкавший к «По просту» публицист КАТ (К. Т. Тёплиц) в статье, опубликованной в «Новой культуре», с марксистско-ленинских позиций раскритиковал весь процесс строительства социализма в Польше, заявив, что в результате революции в стране образовалась смесь социализма и капитализма, названная автором статьи «системой бюрократического социализма». Примечательно, что в вину правящей партии он ставил недостаточную социализацию жизни, иначе говоря – незаконченность начатых преобразований. То, что происходит сейчас, продолжал автор, является революцией трудящихся масс против власть имущих, «и как любое прогрессивное общественное движение в наше время, революция эта стремится к коммунизму»⁴⁷. Тезисы КАТа немедленно подверглись критике со стороны «Трибуны люду»⁴⁸, но стали вехой в событиях 1956 г. в Польше. Таким образом, уже весной 1956 г. левая демократическая пресса, наряду с требованием расширения независимой общественной инициативы, поставила вопрос о сущности самой политической системы.

Важным фактором перемен 1956 г. было рабочее движение. Однако нельзя не признать, что в целом оно никогда не выходило из-под контроля партии. Исключением явились только волнения в Познани в июне 1956 г., но и там рабочие до конца пытались апеллировать к руководству страны и местным властям. Лишь когда была потеряна надежда, что рабочих услышат, манифестанты вышли на улицы, где протест на волне праведного гнева приобрел уже явно антикоммунистическую окраску. В остальных же местах, где выступления за права трудящихся и рабочее самоуправление не приняли столь драматического характера, партия не только сохраняла полный контроль на предприятиях, но и порой направляла само движение. Оно использовалось некоторыми высокопоставленными партийными функционерами, видевшими в либерализации режима шанс выдвинуться на первые роли и на этой основе вступившими в конфликт с защитниками старого курса (в польском общественном мнении подобное соперничество рассматривалось как существова-

ние в ПОРП двух группировок: реформаторской, получившей наименование «пулавской», и консервативной, называвшейся «натолинской»). Политические требования выдвигались рабочими редко. В качестве примеров можно назвать выступления за отставку К. Рокоссовского с поста министра обороны Польши или демонстрации в поддержку В. Гомулки во время движения советских танков в направлении Варшавы в октябре 1956 г. В отношении ПОРП рабочие как правило выражали свою поддержку. Так, трибун варшавских трудящихся, секретарь заводского комитета партии на автомобильном предприятии в Жерани Л. Гозьдзик, выступая в конце ноября 1956 г. на отчетно-выборной конференции ПОРП, решительно воспротивился предложению редколлегии «По просту» изменить роль партии, заявив, что в условиях существования империалистических государств чрезмерное продвижение вперед может оказаться губительным, и что сохранение руководящей роли ПОРП – это гарантия правильного развития процесса демократизации⁴⁹.

Однако в оппозиционном движении 1956 г. существовали и другие взгляды на вопрос о роли партии в процессе строительства социализма. Они не получили широкого распространения, но отстаивались некоторыми известными деятелями того периода. Осенью Ю. Хохфельд, Я. Котт и С. Эрлих выступили с концепцией, увязывавшей коммунистическую систему с парламентаризмом. «Мы хотим выбирать между разными взглядами на будущее Народной Польши и на будущее социализма», – говорил по этому поводу Я. Котт⁵⁰.

Весной 1956 г. в Польше парламентаризм и вопрос о свободе слова были одними из наиболее обсуждаемых проблем. Премьер-министр Ю. Циранкевич на заседании Сейма 23 апреля заявил, что парламент до сих пор не выполнял возложенных на него обязанностей. Официальный орган Объединенной крестьянской партии газета «Зеленый штандар» («Зеленое знамя») поставила вопрос о необходимости внутрипартийных дискуссий⁵¹.

Зыбко все, кроме марксизма – это была аксиома, вошедшая в плоть и кровь как польских коммунистических романтиков 1950-х годов, так и довоенных коммунистических деятелей Польши. Хотя среди программных положений, принятых активом варшавской организации СПМ на совещании 21 мая, и значилось признание основополагающим принципом научного исследования мысль Маркса о том, что «все надо ставить под сомнение», однако при этом членам организации вменялась в обязанность борьба за убеждение студентов и широких масс населения в правильности идеологии и программы ПОРП⁵².

Тем не менее, известный поэт А. Слонимский на мартовском заседании Совета по культуре и искусству при правительстве обрушился с критикой на лидера марксистских теоретиков А. Шаффа, пытавшегося возложить всю от-

ответственность за прошлое на культ личности. Спасти Польшу от цезаризма, говорил Слонимский, может лишь подлинная демократизация, восстановление роли общественного мнения и возврат от фидеизма к разуму и освобожденной мысли. Но при этом онговорился: «причина наших бед лежит не в марксизме, а, скорее, в отклонениях от тезисов Маркса и Энгельса»⁵³. Это было первое совещание работников «идеологического фронта» после ознакомления с секретным докладом Н. С. Хрущева, и тон на совещании, по наблюдениям сотрудников Отдела культуры ЦК, задавала «литературная оппозиция»: А. Слонимский, Ю. Пшибось, А. Сандауэр и К. Эстрайхер. Они требовали свободы слова, многообразия мнений и наказания людей, несущих личную ответственность за минувший период. Я. Котт в своем докладе прямо назвал официальную идеологию последних лет «мифологизацией действительности», В. Виршпа и М. Яструн говорили о переоценке ценностей и каялись в своих прежних «ошибках» (т. е. в чрезмерной приверженности соцреалистическому методу). Даже министр культуры В. Сокорский поддался общему настроению и выступил в большой речи, в которой говорил о свободе слова и необходимости больше доверять творческим людям. Критерием партийности в искусстве он назвал не следование генеральной линии ПОРП, а соответствие этого искусства совести и идеологии каждого отдельного творца. Запомнился участникам совещания и спор между директором Национальной библиотеки В. Беньковским, отстраненным от политической деятельности за «правонационалистический уклон», и членом ЦК ПОРП, профессором Варшавского университета С. Жулкевским. Беньковский назвал сталинскую систему «военным коммунизмом, продлившимся до 1953 г.». По его мнению, все так называемые перегибы были естественными пороками этой системы, которая препятствует построению подлинно советского строя, а потому обречена на падение. Жулкевский яростно заспорил с этим утверждением, пустившись в выяснение социологических истоков культа личности⁵⁴.

Столь бурное заседание творческого сообщества не могло не привлечь к себе внимания властей. Однако внутри ЦК ПОРП не было единства по поводу отношения к разгоревшейся среди деятелей культуры дискуссии. «Пулавяне» не склонны были ограничивать зародившуюся свободу слова и активно налаживали связи с деятелями творческих и научных сообществ. В свою очередь «натолинцы» видели в разгуле свободомыслия угрозу «завоеваниям революции» и тяготели к крутым мерам, которые в большинстве своем, однако, не могли воплотить в жизнь. Один из их представителей, заместитель министра обороны К. Виташевский, выступая в апреле перед лодзинским партактивом, назвал происходящую в писательской и журналистской среде дискуссии акцией, направленной против рабочего класса и Народной Польши. Генерал пригро-

зил Слонимскому и ему подобным пройтись по их спинам обрезком трубы, если они не умерят свой пыл. Это заявление вызвало скандал. Исполком первичной парторганизации СПЛ направил 26 апреля протест в ЦК⁵⁵, а сам Виташевский, раскритикованный товарищами по партии, прочно вошел в польскую историю как «генерал-труба».

Впрочем, это не означало, что партийное руководство смотрело сквозь пальцы на происходящее. Некоторых «реформаторов» из числа писателей и журналистов периодически одергивали в прессе и на собраниях Комиссии партийного контроля, их публикации изымались, временами они теряли работу. Однако все эти меры наталкивались на сопротивление первичных парторганизаций, которые демонстрировали завидное единодушие, когда дело касалось свободы слова. Так, 8 июня исполком парторганизации Союза польских литераторов направил в ЦК ПОРП резолюцию, в которой от имени партийных писателей выражал обеспокоенность затормозившимся процессом демократизации и призывал не сбавлять оборотов, указывая, что нерешительность партии в деле очищения социализма от ошибок играет на руку классовому врагу. Далее перечислялись основные действия, которые партийные литераторы воспринимали как попытку остановить процесс обновления: 1) атаки партийного руководства на прессу и публицистов; 2) увольнение с работы сотрудника Центрального управления по контролю за прессой, допустившего публикацию письма журналистов газеты «Жиче Варшавы» бывшему министру юстиции; 3) использование административных и партийных мер воздействия против К. Т. Тёплица; 4) санкции против А. Слуцкого, Л. Пшемского, П. Бейлина, Я. Выки (все перечисленные литераторы были ранее исключены из ПОРП. – В. В.); 5) распространение «антиинтеллигентской теории», согласно которой безопасности Польши угрожают: критика в прессе, дискуссия среди интеллигенции и дебаты о задачах Союза польской молодежи; 6) запрет на перепечатку ежедневными газетами материалов из литературных журналов. Кроме того, указывалось, что цензурные конфискации из еженедельников «Шпильки», «Твурчость» и «По prostu» приняли массовый характер, причем преследуют именно коммунистов, а не сторонников «буржуазной идеологии». В стране нарастают антисоветские настроения, с тревогой отмечалось в резолюции, поэтому необходимо предпринять меры, чтобы их побороть. Прежде всего, установить равноправие между странами соцлагеря, пропагандировать демократические перемены в СССР, популяризировать политические и экономические задачи, поставленные на XX съезде КПСС, проводить открытую полемику со всеми, кто хотел бы отгородить Польшу от СССР, как можно скорее вернуть на родину всех поляков, депортированных внутрь Советского Союза, не разбрасываться при каждом удобном

случае ярлыками «антисоветизма», решительно пресекать антисемитские высказывания⁵⁶.

Партийное руководство не спешило прислушиваться к этим предложениям, поэтому до начала VII пленума ЦК ПОРП (18–28 июля) первичная парторганизация СПП направила еще два обращения властям, в которых все более резко высказывала свое недовольство продолжающимися попытками ограничить свободу слова. А в конце сентября партийные литераторы разразились настоящим обвинительным приговором всему руководству ПОРП, в котором обличали его нежелание проводить демократизацию, требовали упразднить Управление по контролю за прессой и предоставить В. Гомулке трибуну для выражения своих взглядов. Кроме того, писатели заявляли, что вся предыдущая деятельность Союза польских литераторов как идеологического учреждения тормозила развитие литературы и мешала ей выполнять «революционные функции»⁵⁷.

Социалистический гуманизм, растоптанный сталинизмом – эта идея витала тогда в умах коммунистических вольнодумцев, приобретая наиболее отчетливый вид на собраниях варшавской студенческой молодежи⁵⁸. Тем не менее, постепенно приходило осознание того, что партия и социализм – это не одно и то же. Решительный шаг в этом направлении сделала все та же «По просту», на страницах которой В. Годек и Р. Турский опубликовали 5 августа статью «Программа». В ней рассказывалось о VII пленуме ЦК ПОРП и фактически заявлялось о праве общества требовать отчета от партии. Это был огромный прогресс даже по сравнению с «Поэмой для взрослых» А. Важика, где вопросы ставились от имени общества и партии, являвших собою как бы две части единого организма⁵⁹.

«Ничего о нас без нас», – этот призыв, брошенный министром высшего образования А. Рапацким на II съезде Союза польских студентов, стал лозунгом всех сторонников перемен в СПМ⁶⁰. В молодежном движении за реформы сразу обозначились два течения: верхушечное, возглавляемое председателем Центрального правления СПМ Х. Яворской, и низовое, лидерами которого были К. Помян, Я. Куронь, К. Модзелевский, А. Гарлицкий, Ж. Бимберг, А. К. Врублевский, С. Гебетнер – в Варшаве, и Б. Тейковский, Е. Биллип, С. Братковский, А. Крейслер, А. Огжалк – в Кракове. Х. Яворская принадлежала к «пулавянам», и, конечно, не предпринимала ничего, что не находило бы поддержки у ее единомышленников в руководстве партии. По инициативе обновленного в апреле 1956 г. правления СПМ было решено созвать общее совещание студенческого актива для выработки новой программы организации. Право выбора делегатов было предоставлено только вузовским советам СПМ, а для подготовки мероприятия планировалось образовать «широкую

комиссию» с участием редакции «По просту»⁶¹. 18–23 августа прошел III пленум Центрального правления СПМ. Здесь вновь клеймили сталинизм и призывали возродить революционный дух молодежи. С наиболее смелым докладом выступил молодой поэт В. Ворошильский. Он прямо заявил, что в результате 12-летнего правления ПОРП в Народной Польше люди отвернулись от партии и прониклись равнодушием к видению социализма, написанному на партийных знаменах. Дабы вновь пробудить революционный энтузиазм, говорил Ворошильский, следует создать такую организацию, которая была бы не одной из деталей государственного аппарата, а боевой, идейной организацией молодых польских коммунистов. Она должна не подчиняться партии, а сотрудничать с ней⁶². Пленум постановил созвать в феврале 1957 г. чрезвычайный III съезд СПМ, и выработал ряд предложений к осеннему совещанию студенческого актива: гарантии трудоустройства молодежи в тех местах, где не хватает работы для всех; увеличение жилищного строительства; реорганизация культурной жизни; изменение системы образования на всех уровнях.

В Кракове раньше всех появились структуры, настроенные оппозиционно по отношению к руководству СПМ. Уже осенью 1955 г. аспиранты и студенты Ягеллонского университета образовали Клуб красного помидора, целью которого было обсуждение и переосмысление принципов марксизма. В июне 1956 г. радикальные деятели университетского правления СПМ организовали Временное революционное правление СПМ, приступив таким образом к воплощению предложений «По просту», выраженных в апрельских статьях «Революция в организации СПМ» и «Что делать?». В сентябре обе структуры слились в Студенческий революционный комитет, лидером которого стал председатель правления СПМ в Политехническом институте Б. Тейковский⁶³. Варшавское молодежное движение до осени не получило отчетливого организационного оформления. Его деятели стремились реформировать СПМ изнутри, и, видимо, не помышляли о создании каких-то отдельных структур. Они пытались оказать давление на руководство СПМ, чтобы заставить его ускорить реформы, налаживали связи с предприятиями и даже хотели создать рабочий университет.

Осенью студенческое движение приобрело большой размах. Возбужденные рабочими волнениями в Познани, студенты, вернувшись после летних каникул, собирались на митинги, где обличали «окостенение» СПМ, требовали гласности и демократизации политической сферы, и введения рабочего самоуправления. На митингах часто присутствовали делегаты от предприятий, а начиная с 17 октября, когда предполагалось открыть VIII пленум ЦК ПОРП, в Варшаве, Кракове и Вроцлаве проходили митинги рабочей и учащей-

ся молодежи в поддержку реформ. В это же время разгорелась ожесточенная борьба в Общепольском центре сотрудничества клубов. Многие участники Клуба кривого колеса и редакция «По просту» требовали от руководства ОЦСК решительных действий в защиту демократии, в то время как председатель Центра сотрудничества С. Круль решительно отказывался от этого, говоря: «Я – коммунист, и моими руками вы не будете сеять смуту в стране... Я верю в разум моей партии»⁶⁴.

Дополнительный накал страстям придало опубликование 16 октября в «Слове повсехном», органе проправительственной организации светских католиков ПАКС, статьи лидера этой организации Болеслава Пясецкого «Государственный инстинкт». Автор, известный своими связями с партийным руководством, предостерегал общественность перед опасностью чрезмерного увлечения лозунгами свободы и демократии, и прозрачно намекал на возможность принятия крутых мер в случае дальнейшего обострения обстановки. В статье утверждалось: «если мы не введем нашу дискуссию в рамки ответственности, то вместо демократизации получим процессы, которые потребуют реализации государственных интересов в условиях, близких к исключительным». И дальше Пясецкий формулировал два принципа, которые, по его мнению, должны были оставаться вне огня критики: социалистический строй в Польше и ориентация на СССР во внешней политике⁶⁵. Эту статью сторонники реформ сразу приняли в штыки, посчитав ее манифестом консервативных сил. В прессе, связанной с реформаторским крылом партии, началась кампания против Пясецкого. Главе ПАКСа припоминали его неблагоприятную роль в период «бериевщины», пеняли на авторитарные замашки и обвиняли в стремлении затормозить процесс демократизации.

Резкому усилению напряженности в обществе способствовали и распространившиеся известия о передвижениях советских войск. 19 октября 1956 г., в день открытия VIII пленума ЦК ПОРП, на собрании Общепольского центра сотрудничества клубов Х. Бронятовская, партийный куратор Клуба кривого колеса, заявила, что накануне ночью идущие к Варшаве советские войска были остановлены на окраине города командующим Корпуса внутренней безопасности⁶⁶.

В конце октября – начале ноября на волне энтузиазма, связанной с избранием В. Гомулки на пост первого секретаря ЦК ПОРП, в студенческих центрах возникли многочисленные организации, стремившиеся возродить идеи «раннего коммунизма» и на этой основе вставшие в оппозицию к руководству СПМ⁶⁷. К этому времени наметились расхождения во взглядах на будущее СПМ между некоторыми варшавскими молодежными лидерами и газетой «По просту». На совещании студенческого актива 28–29 октября лидер моло-

дежи Варшавского университета К. Помян призвал сохранить единую молодежную организацию. «По просту» выступила категорически против предложения Помяна, заявив, что делегаты совещания представляют уже не молодежь, а только самих себя. В статье «Что делать дальше?», опубликованной 25 ноября, газета предложила создать три молодежные организации (Союз демократической молодежи, Революционный союз молодежи и организацию сельской молодежи «Виши»), а кроме того, в развернутом виде охарактеризовала свое видение процессов, происходящих в Польше. «По просту» повторила тезисы о необходимости поставить власть под контроль общества и не признавать никаких авторитетов, и сформулировала задачи, которые должен решать Революционный союз молодежи как организация, стоящая на почве строительства социализма и в силу этого – наиболее близкая к идейным установкам «По просту»: Союз должен опираться на мысль молодого К. Маркса, что высшей ценностью является человек; Союз должен бороться за возвращение гражданских свобод, добытых при капитализме, но без экономической неволи, свойственной капитализму; кроме того, Союз должен быть и рабочей организацией, так как интеллигенция способна добиться чего-либо только вместе с рабочими, которым она привносит сознательность в действиях. Газета призвала бороться с пережитками сталинизма в государственном управлении, то есть вернуть некоторые традиционные институты власти, вроде президента, изменить роль партии в обществе (без уточнений), поддерживать рабочее самоуправление, вернуть радам народным (местным советам. – В. В.) подлинное представительство и т. д. Себя редколлегия еженедельника охарактеризовала как часть «светского неосоциалистического движения», имеющего свои параллели в Италии, Франции, Венгрии и других странах⁶⁸. Таким образом популярная газета пыталась курс на расширение области свободы в общественно-политической сфере жизни населения страны, требуя проведения реформ от обновленного руководства правящей партии.

Период с сентября по декабрь 1956 г. был пиком общественной активности в Польше. VIII пленум ЦК ПОРП, смена политического руководства, произошедшая без согласования с верхушкой КПСС, а также восстание в Будапеште придали невиданный накал речам многих деятелей того периода. Например, известный публицист Роман Зиманд предлагал распустить ПОРП, поскольку большинство в ней составляют сталинисты⁶⁹. В польской прессе («Свят», «По просту», «Нова культура», «Штандар млодых» и др.) публиковались репортажи из Венгрии, в которых содержались гневные выпады в адрес Советского Союза. 28 октября «По просту» выступила со статьей «Интернационализм», в которой заявлялось, что нельзя отождествлять интересы коммунистического движения с интересами СССР⁷⁰.

Национальный подъем, вызванный возвращением к руководству ПОРП В. Гомулки, проходил в атмосфере пробуждения польского самосознания как консолидирующего фактора в противостоянии политическому и военному давлению со стороны СССР. Соответственно, даже наиболее радикально настроенные деятели коммунистической направленности обращались теперь к идеям, пусть и несколько идущим вразрез с марксизмом (что, впрочем, не только не осознавалось, но прямо опровергалось), однако вполне отвечавшим польской традиции. Одним из проявлений такого «возвращения к истокам» явилось настойчивое требование ряда известных публицистов и ученых пересмотреть отношение к интеллигенции, фактически признав ее ведущую роль в общественной жизни страны. «В любом революционном, а тем более в марксистском рабочем движении роль интеллигенции всегда была огромна. Если бы некоторые наши деятели имели перед собой личные анкеты Маркса, Энгельса и Ленина... эти анкеты показались бы им очень подозрительными (идеи, быть может, тоже)», – указывалось на страницах «По просту» в июне 1956 г. «Естественно, что насколько экономическая борьба рабочего класса могла родиться спонтанно, без вмешательства образованных кругов, настолько организованное коммунистическое движение было немыслимо без участия людей, умеющих оценить будущие перспективы пролетариата...», – писал Л. Колаковский в статье «Интеллектуалы и коммунистическое движение» в сентябре 1956 г.⁷¹ Та же мысль звучала и на общепольском съезде представителей клубов интеллигенции в Варшаве 28–29 июня 1956 г.⁷²

Другим признаком подъема национальных чувств были призывы обратить особое внимание на те общественные силы, которые в прошлом направляли свои усилия прежде всего на борьбу за независимость, в частности, на роль в этой борьбе Польской социалистической партии (ППС), история которой грубо фальсифицировалась идеологами сталинизма. Бывший премьер и один из руководителей ППС Эдвард Осубка-Моравский в начале ноября 1956 г. даже выступал в Клубе кривого колеса с предложением вновь разделить ПОРП на ППР и ППС, но эта его инициатива понимания не встретила⁷³. «По просту» в свою очередь выдвинула программу преобразований, в которой социальные реформы увязывались с национальными, т. е. с завоеванием права на выбор самостоятельного, польского пути к социализму⁷⁴.

В декабре 1956 г. был восстановлен Союз польских харцеров – организация, которая после войны очень активно выступала против коммунистов⁷⁵. Новый СПХ, правда, заявил о том, что будет работать под идеологическим руководством ПОРП, т. е. станет воспитывать подростков в духе идей социализма, однако в своей декларации Союз оговорил полную автономию от партийных и государственных органов. Впрочем, несмотря на определенные

перестановки в правлении и инструкторском составе Союза, костяк его составили деятели прокоммунистической детско-юношеской организации, созданной после роспуска старого Союза.

* * *

Ослабление политической напряженности в декабре 1956 – январе 1957 годов и выборы в Сейм, прошедшие 20 января 1957 г., можно считать окончанием кризиса, начавшегося в марте 1956 г. Его непосредственным результатом стало расширение поля легальной общественно-политической деятельности и, как следствие, переход к новой системе взаимоотношений власти и общества. И хотя многие процессы, развернувшиеся в 1956 г. (рабочее самоуправление, создание новых молодежных организаций и т. д.), не были завершены, тем не менее, структура власти, сформированная в октябре 1956 – январе 1957 гг., настолько отличалась от предыдущей модели, что с полным основанием можно говорить о новом этапе в развитии Народной Польши.

Одним из важнейших явлений в общественной мысли ПНР, в полной мере проявившимися в период кризиса 1956 г., стало формирование внутрипартийной оппозиции как течения, коммунистического по своей природе и теоретическим основам, но противопоставлявшего себя официальной доктрине ПОРП и выступавшего с ее критикой.

Для прокоммунистической оппозиции 1956 г. было характерно, во-первых, отождествление событий 1944–1945 годов, а также кризиса 1956 г. с социальной революцией, определившей движение Польши к коммунизму. Из этого следовало враждебное отношение ко всем идейным течениям, выступавшим против существующего строя. «Штандар млодых», например, предупреждал зарождавшийся в декабре 1956 г. Союз сельской молодежи «Вици» об опасности влияния «проигравших ПСЛ-овских элементов», а также выражал сомнение в целесообразности создания далекого от марксизма Союза молодых демократов, и заявлял, что одной из угроз, стоявших перед революцией, являются правые, цель которых – восстановление буржуазной демократии, а борьба со сталинизмом – лишь средство для проведения следующего этапа⁷⁶. «По просту» также утверждала, что буржуазная идеология и религиозность противоречат революционности и что следует бороться только за социалистическую демократию⁷⁷.

Во-вторых, критика сталинизма как извратившего «единственно правильное» учение марксизма-ленинизма. Проявлениями этих извращений назывались личная диктатура в самых разных сферах, паралич демократических завоеваний, ограничение народовластия, пренебрежение интересами масс. Отсюда –

желание вернуться к «подлинному» марксизму, который, однако, понимался по-разному. Если умеренные критики сталинизма черпали вдохновение в идеях молодого Маркса и работах Ленина, написанных после гражданской войны и в начале НЭПа, то радикальная молодежь обращалась к ленинским трудам, созданным в 1917–1918 годов, когда рабочие советы имели еще большое влияние, а большевистская партия нуждалась в поддержке рабочих⁷⁸. Именно в силу стремления объяснить несоответствие теории социализма с советской практикой приобрела популярность концепция о неподготовленности России к социалистической революции, что явилось причиной ее вырождения в диктатуру сталинизма. Ю. Хохфельд, выступая в ноябре 1956 г. в дискуссионном клубе «Штандара молодых», говорил: «условия русской революции были особенно трудными. Это была революция, которая вспыхнула в отсталой стране и была изолированной. Ленин никогда не верил, что было возможно построение социализма в изолированной и отсталой стране. Ленин верил в помощь западноевропейского и центральноевропейского пролетариата. Произошло иначе, и это оказалось великой трагедией русской революции, это объективный источник не ошибок и извращений, но дегенерации этой революции [...], тяжелые последствия условий, которые были вызваны трагической необходимостью, приписывались потом в качестве рецепта всему международному рабочему движению, в том числе и нам»⁷⁹. Того же мнения придерживался и А. Шафф⁸⁰.

В-третьих, критическое отношение к прошлому ПОРП при одновременной поддержке ее роли как руководящей силы польского общества. Как результат – разногласия внутри самого левого течения, выразившиеся, например, в вопросе о профсоюзах. Если публицисты «По просту» В. Годек и Р. Турский говорили, что партия, вмешавшись в чуждые ей области и присвоив себе производственные функции, превратилась из руководителя революции в организатора производства, что имело своим следствием умаление роли профсоюзов⁸¹, то Э. Лясота придерживался иного мнения. По его словам, профсоюзы сами виноваты в том, что больше заботились о выполнении плана, нежели о защите прав рабочих, и не стоит во всем обвинять партию⁸². Разворачивавшаяся критика политики ПОРП в период тоталитаризма быстро привела леворадикальных деятелей к логическому выводу о вырождении государственного аппарата в самодостаточную систему, своеобразный класс, работающий сам на себя и не имеющий ничего общего с народом, по отношению к которому он занимает позицию эксплуататора⁸³. Желание совместить искреннюю веру в благотворность послевоенной «революции» и факт позднейшего утверждения тоталитарного режима привело к выводу об «искажении» первоначальных замыслов творцов Народной Польши (прежде всего В. Го-

мулки и его окружения) сталинистами, которые, опираясь на советскую помощь, отстранили от власти «настоящих» коммунистов и создали по существу антинародный строй.

В-четвертых, двоякий характер «революции» 1956 г. как социального и национального феномена, стремящегося обеспечить за Польшей собственный, особый путь к социализму. Последний понимался как синтез «подлинной» диктатуры пролетариата (имеющей свое выражение в рабочих советах – органах с весьма широкими полномочиями) и некоторых завоеваний буржуазной демократии (прежде всего – свободы слова и собраний). На этой основе – стремление наладить контакт с рабочими и крестьянами для создания единого Национального фронта, который противостоял бы как партийным консерваторам, так и влиянию Москвы.

В-пятых, желание организационно дистанцироваться от ПОРП как результат горького опыта сталинизма, но при этом сохранить идейную связь с ней вследствие глубокого убеждения в правильности общего направления развития, на которое благодаря партии Польша вступила в 1944 г. Э. Лясота отказался в апреле 1956 г. войти в состав Центра сотрудничества клубов интеллигенции при Общепольском комитете Национального фронта, мотивируя это следующим образом: «Мы не желаем входить в состав органа, находящегося под контролем партии»⁸⁴. И в целом, как свидетельствуют наблюдения советского посольства, клубы молодой интеллигенции всячески избегали руководства со стороны ПОРП и СПМ⁸⁵. Но при этом «По просту», настаивая на обязательной автономии будущей молодежной организации, обосновывала это тем, что только такая организация может быть настоящим помощником партии в деле строительства социализма. Словно в подтверждение тех внутренних сомнений, которые испытывала тогда леворадикальная интеллигенция, В. Гомулка в декабре 1956 г. рассказал о разговоре с неким журналистом (вероятно, Р. Зимандом), который утверждал, что в СССР не было и нет социализма, а поэтому следует создать в Польше новую партию вместо ПОРП, ибо последняя слишком копировала советский опыт, поскольку состоит из людей, воспитанных на советских идеях. На вопрос первого секретаря, почему же он тогда до сих пор в партии, тот ответил: «Потому, что я коммунист»⁸⁶.

В 1956 г. в среде марксистской интеллигенции начали раздаваться и такие голоса, которые ставили под сомнение саму целесообразность существования единой правящей партии, подвергая тем самым критике некоторые фундаментальные ценности Народной Польши. Именно тогда Л. Колаковский приступил к работе над «Религиозным сознанием и религиозными узами», где рассматривал марксизм как догму новой церкви – компартии⁸⁷. И хотя до размежевания между властью и частью марксистской интеллигенции было еще

далеко, корни этого процесса уходят в общественно-политические изменения 1956 г., когда начали выстраиваться концепции, которые партийно-государственная элита категорически отвергала и которые в силу этого несли заряд оппозиционности.

3. Внутрипартийная оппозиция. Конец 1956 – начало 1960-х годов

Режим, утвердившийся в октябре 1956 г. и связанный с именем В. Гомулки, носил все черты авторитарного. Такие явления как дискуссии в Сейме, принимавшие нередко довольно острый характер, существование легальных центров немарксистской мысли (клубы интеллигенции, католическая фракция «Знак» в парламенте), а также относительно свободное (по сравнению с СССР) обсуждение в прессе политики партии и правительства позволяли говорить о значительном потеплении политического климата в стране. В то же время давление, которое власть постоянно оказывала на интеллигенцию, закрытие ряда периодических изданий и клубов, отсутствие полноценных институтов гражданского общества, которые бы защищали человека перед лицом государства, характеризуют режим, сложившийся во второй половине 1950-х гг., как авторитарную диктатуру.

Программа руководства, пришедшего к власти в октябре 1956 г., была изложена В. Гомулкой в речи на VIII пленуме ЦК ПОРП, и в политическом отношении сводилась к следующим пунктам: равноправие всех стран социалистического лагеря на основе международной солидарности трудящихся; неприятие культа личности; внутрипартийная демократия (открытость партийной жизни, свободные выборы руководства, право защищать свое мнение при условии, что решения большинства обязательны для всех); повышение роли Сейма как высшего органа власти в стране. Польско-югославская декларация, подписанная в декабре 1956 г., добавила к этим положениям еще два: многовариантность путей к социализму и признание нецелесообразности возрождения международных политических организаций для сотрудничества «рабочих движений» разных стран⁸⁸. Первое время новое руководство прибегало также к патриотической риторике, которая носила подчас довольно резкий характер, направленный прежде всего против доминирования СССР. Солидарность с Венгрией, особенно чувствовавшаяся в статьях некоторых публицистов (В. Ворошильского, М. Белицкого, Р. Зиманда, Х. Адамецкой), находила, как казалось, понимание и поддержку со стороны новой правящей элиты. «Патриотическая» волна 1956 г. выразилась в возвращении на руководящие посты ряда деятелей, которые были отстранены от политики в период борьбы с «правонационалистическим уклоном» (кроме В. Гомулки и его бли-

жайшего окружения это были, например, крестьянские деятели С. Игнар и К. Банах, бывший социалист Б. Дробнер и др.). Это способствовало тому, что после 1956 г. правящий режим в массовом сознании стал в большей степени отождествляться с национальной традицией⁸⁹.

Имя В. Гомулки в то время ассоциировалось в широких народных массах с подлинным социализмом, то есть с национальным суверенитетом, демократизацией политической жизни и изменением экономического курса. В связи с этим после возвращения Гомулки на пост лидера партии начали раздаваться призывы перейти ко второму этапу «революции» как логическому продолжению начатых перемен. Однако, второй этап (в понимании так называемых «ревизионистов») не наступил. Более того, в конце 1956 г. и в течение 1957 г. из уст представителей польского правительства и руководства ПОРП прозвучало несколько резких замечаний в отношении нарастающего свободомыслия, которые не оставляли сомнений в будущей политике партийной верхушки. По сообщению секретаря Главного правления Общества польско-советской дружбы Т. Ксенжека, уже в декабре 1956 г. член Политбюро ЦК ПОРП Р. Замбровский, выступая на районной партконференции, заявил, что в ПОРП есть «группа бешеных» (В. Ворошильский, Р. Зиманд, Я. Секерская и др.), которая стоит на позициях ревизии марксизма⁹⁰. Сам В. Гомулка высказался по поводу событий «Польского Октября»: «Никакой революции у нас не было. Мы только изменили методы нашей работы. И если употреблять термин «обновление», то с ним можно согласиться»⁹¹.

Часть политической элиты, впрочем, выступала даже против таких, очень ограниченных, уступок общественному мнению, видя в них угрозу социалистическому строю. В частности, член ЦК ПОРП К. Мияль (единственный, кто в октябре 1956 г. голосовал против избрания Гомулки на пост партийного лидера) уже в январе 1957 г. заявлял, что политика обновленного руководства ведет к восстановлению в стране капитализма. В мае и июне 1957 г. по стране распространялись листовки, в которых Гомулка обвинялся в ревизионизме. Автор их остался неизвестен. Сходные идеи витали тогда среди некоторых рабочих и бывших сотрудников госбезопасности, исключенных из партии в 1956 г., а также среди ряда журналистов. Один из последних, К. Яжембовский (сотрудник газет «Хлопска дрога» и «Валька млодых») так характеризовал эти настроения: «Считал и считаю, что со смертью Сталина произошел упадок передовой роли Советского Союза в международном коммунистическом движении. Его наследники – Маленков, Хрушев или Брежнев – уже не соответствовали этой роли. Всех их превосходил Мао, представлявший страну с миллиардным населением»⁹². Представители «догматизма», как именовали такие воззрения члены партийной верхушки, собирались в доме Яжем-

бовского, установили контакт с китайским посольством и принялись распространять документы Компартии Китая. На встречи с ними приходили некоторые деятели ПАКСа (например, Р. Рейфф, член правления этой организации). Группа получала деньги из китайского посольства. В марте 1959 г. в кулуарах Дворца культуры и науки в Варшаве, где проходил III съезд ПОРП, ходила по рукам листовка, обвинявшая Гомулку в излишнем потакании евреям. В ее написании подозревались К. Мияль и член ЦК С. Лапот. Оба функционера были тут же сняты со своих постов в ПОРП.

В декабре 1963 г. появился первая большая брошюра «догматиков»: «Победа в борьбе! Пассивность и молчание – это гибель!». Авторами ее были молодые журналисты Ю. Снециньский, С. Сенкевич, Р. Конарский и научный сотрудник А. Калестыньский. Окончательную редакцию осуществил К. Мияль. В документе говорилось о последовательном проникновении международного капитала во все сферы жизни польского общества и об усилении буржуазной идеологии. Проводниками западного влияния назывались сионисты и троцкисты, под давлением которых якобы произошло освобождение примааса С. Вышиньского, восстановление закона Божего в школе и активизация «реакционной части духовенства». ПОРП обвинялась в отходе от генеральной марксистско-ленинской линии, а ее руководство – в том, что стало марионетками в руках «буржуазных интеллектуалов»⁹³. На средства албанского посольства брошюра была размножена и в количестве 10 тыс. экземпляров разослана работникам партаппарата, а также делегатам проходившего в июне 1964 г. IV съезда ПОРП. За это Мияль был снят с должности директора Инвестиционного банка и на два месяца помещен под домашний арест. В начале августа 1964 г. были арестованы основные участники его группы (Яжембовский, Снециньский и др.). Следствие над ними вел заместитель министра внутренних дел Ф. Шляхциц, а в камеры к заключенным приходил на беседы председатель Главной комиссии партийного контроля Р. Новак. В начале сентября обвиняемые были приговорены к нескольким месяцам заключения за распространение ложных сведений о Народной Польше. Позже сроки были увеличены до трех лет. За решетку попали Яжембовский, Сенкевич, Снециньский, а также рабочий М. Фельчак. Фамилия К. Мияля в ходе судебного процесса не упоминалась.

4 декабря 1965 г. Мияль (согласно его собственному утверждению) основал в подполье Коммунистическую партию Польши. Вместе с ним у истоков этой партии стояли известные некогда люди, занимавшие при Б. Беруте высокие посты: В. Двораковский, Х. Хэлховский, С. Бродзинский. В феврале 1966 г. Мияль выехал в Албанию, откуда от имени Компартии Польши рассылал через албанское посольство антигоммулковские листовки. Эти листовки от-

правлялись на адреса партийных чиновников, в редакции газет и журналов. Их также распространяли единомышленники Мияля в стране. Кроме того, «Радио Тирана» создало польскую редакцию, которая призывала поляков свергнуть господство «сионистов» и «ревизионистов»⁹⁴.

Но как ни активны были «догматики», главную угрозу для своей концепции социалистического строительства Гомулка видел все же не в них, а в тех деятелях, которые выступали с критикой авторитарных методов управления страной. Обоснование своей позиции они находили в отличной от официальной интерпретации марксизма, за что и были названы на IX пленуме ЦК в мае 1957 г. «ревизионистами». Трех из них Гомулка тогда же назвал поименно – Р. Зиманда, В. Ворошильского и Л. Колаковского. Эти трое как бы олицетворяли разные направления «ревизионистской» критики. Зиманд отождествлялся с радикальной концепцией передачи власти в руки советов на всех уровнях и во всех областях, будь то экономика, культура или наука. Ворошильский приобрел известность репортажами из Венгрии, в которых звучало осуждение действий СССР. Колаковский был одним из первых партийных философов, предпринявших критику марксизма. Он выступал с требованиями политических реформ, суть которых видел не в строительстве особой социалистической демократии, а в расширении достижений буржуазной демократии на основе равенства и подлинного народовластия⁹⁵.

IX пленум ЦК ПОРП ознаменовал собой начало нового периода во взаимоотношениях между властью и обществом. С одной стороны, народ ожидал дальнейшей демократизации политического строя и создания системы ответственности власти перед обществом, а с другой – цели правящего режима остались прежними, как и методы их достижения, основанные на диктате ПОРП. Истоки вызревания конфликта коммунистическая интеллигенция видела в несоответствии гомулковской практики и марксистской теории. В результате в среде марксистов-интеллектуалов в конце 1950-х и в 1960-е годов нарастало разочарование политикой партии и самим марксизмом. Значительная их часть отошла от концепции тоталитарного государства как единственного метода строительства социализма и начала выступать за расширение независимой общественной инициативы. В связи с этим левая интеллигенция критиковала «малую стабилизацию» В. Гомулки, усматривая в ней конформизм и потребительство⁹⁶. В области культуры это выразилось в отрицании соцреализма как единственного творческого метода и в постулате свободы творчества. Поэтому особенно болезненным для деятелей культуры было осознание того, что даже после октября 1956 г. партия не собиралась мириться с неконтролируемой общественной активностью, а стало быть пыталась продолжать в этой сфере берутовскую политику.

Разочарование было тем более сильным, что теперь главным врагом для коммунистической интеллигенции вместо буржуазии и империалистических сил волей-неволей становилось уже само социалистическое государство, иначе говоря – собственный строй. Нужно заметить, что в существовании этого конфликта отдавали себе отчет не только деятели оппозиции, но и сторонники власти. Один из них, литератор Т. Голуй, говорил на IV съезде Союза польских литераторов в декабре 1958 г., что конфликт заключается не в спорах между писателями и цензурой, а в антагонизме между принципом доминирования партии в любой общественной деятельности и стремлением писателей к максимальной свободе творчества⁹⁷.

Непосредственно после октябрьских событий в среде польской эмиграции получила распространение концепция о возможности легальной оппозиции в ПНР, принимающей основы закрепленного конституцией строя. Среди оппозиции такая точка зрения воспринималась первоначально как абсолютно нереальная. Известный публицист С. Эрлих писал в 1956 г., что подобная схема неприменима в стране, «где по всем принципиальным вопросам политические группы согласны между собой», понимая под «принципиальными вопросами» общественно-политическую платформу построения социализма⁹⁸. Эмигрантский публицист левого толка З. Йордан в своей оценке произошедших перемен был не столь категоричен. Рассуждая о перспективах социалистического строя в Польше, он прозорливо заметил, что хотя власть коммунистов крепка как никогда, тем не менее среди них существуют расхождения во взглядах на методы построения социализма, что формирует почву для оппозиции и оппозиционных партий⁹⁹.

В Клубе кривого колеса уже в феврале 1957 г. возник вопрос о направлении его дальнейшей деятельности в новых условиях. Во время бурной дискуссии на общем собрании членов клуба 10 февраля обнаружили два подхода. Первый сводился к тому, чтобы ограничить дальнейшую работу клуба деятельностью в рамках секций, не претендуя на политическую роль. «ККК сыграл позитивную роль в предыдущий период... поддерживая силы обновления, – указывали сторонники этого направления. – Однако теперь продолжение такого курса обречено на неудачу, поскольку члены Клуба не настолько подготовлены к дискуссиям на экономические или общественные темы, чтобы вести обсуждение на серьезном уровне...». Представители этого течения стремились вернуть клубу его роль исключительно культурного и научного учреждения, не претендующего на политический вес. В своей аргументации они исходили из соображения, что дискуссии на культурную и научную тематику предоставят власти меньше поводов для вмешательства во внутриклубную жизнь. Приверженцами этой точки зрения были Юлиуш и Эва Гажтецкие,

поэт Э. Брыль, скульптор М. Богуш и литератор А. Лям. Иного взгляда придерживались такие влиятельные члены клуба как сотрудник Отдела пропаганды ЦК ПОРП Х. Бронятовская, Я. Ю. Липский, А. Валицкий, Ч. Чапов, М. Срока и З. Скужиньский, С. Куровский. Они считали, что клуб «должен по-прежнему играть роль своего рода польского Гайд-парка, т. е. места выражения общественного мнения. Однако Клубу не следует ограничиваться этими рамками, а выйти к народу, дабы помочь молодым и неопытным рабочим клубам в их деятельности...». Согласно этой точке зрения, упор должен был делаться на «самостоятельное развитие теоретической мысли, поиск новых решений в политике, общественном и экономическом строе, в области культуры, философии и общественных наук...». Крайние позиции здесь занял инженер З. Яромин, который настаивал на том, что клуб должен объединить вокруг себя всех польских левых, став таким образом серьезным фактором политической жизни. Промежуточное мнение отстаивал социолог С. Мантужевский, говоривший, что клуб должен заниматься в равной мере культурной и политической проблематикой при сохранении определенных пропорций¹⁰⁰. Именно эта позиция и возобладала. В новое правление вошли представители обеих точек зрения, вследствие чего клуб не стал ни центром притяжения левых сил, ни аналогом «народного института», но остался местом свободного обмена мнениями на самые разные темы.

Дискуссия показывает, что многие представители польской интеллигенции отдавали себе отчет в границах потепления политического климата. Все понимали, что несмотря на произошедшие перемены ПОРП по-прежнему остается единственным и непререкаемым источником власти, соперничать с которым небезопасно. Речь шла только о расширении области свободы в рамках системы «диктатуры пролетариата».

Действительно, определенное отрезвление марксистских вольнодумцев после революционного энтузиазма начало чувствоваться непосредственно по проведению выборов в Сейм в январе 1957 г. Еще до выборов в ряде мест давало о себе знать острое недовольство кандидатурами некоторых партийных деятелей. Так, по сообщениям советского посольства, в Варшавском Политехническом институте состоялся митинг против выдвижения кандидатур секретаря ЦК ПОРП Е. Альбрехта и председателя Центрального правления Союза польской молодежи Х. Яворской; лодзинские студенты активно выступали против кандидатуры члена Политбюро Р. Замбровского; студенты Белостокской медицинской академии угрожали бойкотировать кандидатуру директора департамента МВД по делам вероисповеданий Е. Штабельского, если не будет внесена кандидатура одного из профессоров академии; в Ленчинском уезде Лодзинского воеводства были отмечены резкие выступления против

кандидатуры председателя Главного правления Лиги женщин А. Мусяловой, в Кракове велась усиленная кампания против премьер-министра Ю. Циранкевича и первого секретаря воеводской организации ПОРП Б. Дробнера. Ситуацию обострило постановление Согласительной комиссии от 10 января 1957 г., рекомендовавшее в течение недели исключить из списков кандидатов в депутаты всех тех, кто оказался неподходящим «по слабости характера, отсутствию ответственности за свои поступки» и несоблюдение программных требований политических партий¹⁰¹. В их число попали, например, такие деятели как бывший премьер Э. Осубка-Моравский и лидер краковской революционной молодежи Б. Тейковский. В Кракове и Люблине, где планировалось выдвинуть кандидатуры этих людей, немедленно началось движение протеста, вследствие чего Тейковского пришлось вернуть в список¹⁰².

После убедительной победы Фронта национального единства на выборах власть начала проводить унификацию структур, возникших на волне перемен. Все молодежные организации были сведены в Союз социалистической молодежи (в городе), Союз сельской социалистической молодежи (в деревне) и Союз польских студентов. Формально независимым остался лишь Союз польских харцеров, но и там всякая оппозиционная деятельность была подавлена в зародыше. Молодежные структуры союзнических партий были поставлены под надзор ПОРП (равно как и сами партии), их деятельность всячески ограничивалась. Контроль ПОРП над союзническими партиями доходил до того, что руководители административного отдела ЦК ПОРП проверяли проекты программ ДП, и вносили свои замечания и поправки. Аналогичным образом отслеживались все события внутрипартийной жизни в ДП и ОКП в целях предотвращения возможных проявлений нелояльности строю¹⁰³. Дискуссионные клубы, возникшие в 1956 г., должны были получить одобрение на свою деятельность от местных органов власти. Если их общественно-политическая позиция по каким-то причинам не устраивала партийно-государственное руководство, они немедленно распускались. Первоначально органы власти находились в растерянности, не зная, какими принципами руководствоваться при отсеивании «неблагонадежных» клубов. «Во многих случаях мы не имеем точных данных о целях и намерениях организаторов, – указывалось в информационной записке общественно-административного отдела МВД, написанной, вероятно, в январе 1957 г. – Существующие в этой области распоряжения зачастую не выполняются. В то же время случается, что мы не можем высказаться за или против регистрации...»¹⁰⁴. В связи с этим работники МВД предложили следующие критерии для определения целесообразности сохранения того или иного клуба: «Следует выражать согласие на легализацию таких товариществ, союзов, клубов, которые не собираются проводить политической

деятельности и чье существование не угрожает интересам страны и политике партии. Не следует регистрировать таких союзов, клубов, товариществ, которые в своих программах предусматривают деятельность, расходящуюся с линией партии и народной власти, либо под прикрытием аполитичности собираются осуществлять такую деятельность. В случае, если с просьбой о регистрации обращаются те товарищества, союзы и клубы, чья позиция вызывает сомнения с точки зрения их политического облика, следует консультироваться с соответствующими партийными и государственными органами. Товарищества, союзы, клубы, которые не пройдут регистрации, но тем не менее продолжают свою деятельность, должны быть немедленно (но без скандала) распущены, а в более серьезных случаях организаторы должны быть привлечены к ответственности»¹⁰⁵.

Не отождествляя себя с оппозицией, часть польской марксистской интеллигенции действовала в ее рамках де-факто, проявлением чего и явилось возникновение независимого от властей течения социалистической мысли, получившего наименование «ревизионизма». Как целостная программа польский «ревизионизм» никогда сформулирован не был. Под ревизионизмом зачастую подразумевали то содержание, которое вкладывали в это понятие идеологи и функционеры ПОРП в зависимости от конкретной политической конъюнктуры. «Очень трудно определить, какие собственно взгляды нужно считать “ревизионистскими”, – писал много лет спустя известный деятель оппозиции Я. Карпиньский, – поскольку это определение означало отклонение от так называемой “линии партии”, которая часто изменяется и не всегда видно, куда собственно она направлена. В коммунистическом движении принято называть “ревизионистами” таких сторонников изменения партийного курса, которые, считая себя марксистами (хотя и не всегда признаваемые властями за истинных марксистов), однозначно высказываются за социализм (правда, не всегда понимаемый ими так же, как и официальными идеологами), в условиях, когда партия завоевывает власть, выступают за уменьшение партийно-государственного всевластия»¹⁰⁶. Р. Замбровский на отчетно-выборной конференции ПОРП в Лодзи в начале марта 1957 г. утверждал: «Ревизионизм выражается в попытках поставить под сомнение диктатуру пролетариата вообще..., подорвать ленинские программные положения о принципах диктатуры пролетариата. Ревизионизм выражается в пропаганде отдельными членами партии идеи интегральной демократии, свободы для всех, свободной игры всех политических сил. В ряде статей, например, в еженедельнике “По просту” или в литературной печати, все более отчетливо чувствуется стремление диктовать вопрос с извращениями и ошибками... как вопрос доминирующий над основными противоречиями между силами социализма и силами, враждебными социа-

лизму... Это стремление выражается в полном отрицании 12-летних достижений народной Польши, в теориях о бюрократии, которая стала классом и которую необходимо свергнуть»¹⁰⁷. Другой видный «пулавянин» Е. Моравский суть ревизионизма охарактеризовал так: «Ревизионизм – это отступление от основных принципов, на которые опирается марксизм. В настоящих конкретных условиях, в Польше 1957 года, ревизионистом является тот, кто фактически подвергает сомнению превосходство социализма над капитализмом, оспаривает социалистический характер нашего строительства в связи с тем, что в прошлом были совершены ошибки и искривления, а в капитализме ищет избавительных средств для “усовершенствования социализма”. Ревизионистом является тот, кто фактически подвергает сомнению диктатуру пролетариата. Ревизионистом является тот, кто подвергает сомнению и фактически подрывает руководящую роль партии, кто стремится к превращению партии в партию социал-демократического типа, имеющую течения, фракции и группы, а фактически – в бессильную партию. Ревизионистом является тот, кто недооценивает в теории и практике реального исторического, решающего факта существования социалистического лагеря, опирающегося на идеологическое содружество и равноправие»¹⁰⁸.

Таким образом, польский «ревизионизм» – это программы или критические предложения, направленные на пересмотр основополагающих принципов функционирования политической, экономической и идеологической систем в ПНР, но не подвергающие сомнению ценности марксизма как идеологии и не посягающие на свержение общественно-политической системы Народной Польши. Поэтому когда говорится о польском «ревизионизме», обычно имеется в виду всплеск свободной мысли в ПОРП, произошедший на волне преодоления тоталитаризма, который в Польше того периода отождествлялся со сталинизмом. Прежде всего это касалось гуманитарных наук, которые обрели тогда в стране второе дыхание. В качестве примеров обычно приводятся имена О. Лянге, Э. Липиньского, В. Бруса, З. Баумана, которые говорили о необходимости изменения модели центральной плановой экономики; Л. Колаковского, Б. Бачко и М. Гиршович, подвергавших критическому переосмыслению основные положения марксизма-ленинизма; В. Ворошильского, К. Брандыса, А. Важика, требовавших уменьшить идеологический контроль со стороны партии над развитием культурных процессов; Станислава и Марию Оссовских, Ю. Жохфельда, Ю. Халасиньского, которые поднимали из руин польскую социологию. Кроме неприятия сталинизма общей чертой польских «ревизионистов» было сдержанное отношение к национализму, а также к различного рода «традиционным ценностям», которые ассоциировались с этим понятием, то есть, прежде всего, к католической церкви и религии.

В связи с этим в начале 1957 г. в периодических изданиях, отражавших точку зрения «ревизионистской» интеллигенции («Нова культура», «Пшеглэнд культуральный», «По prostu» и др.), была развернута настоящая пропагандистская кампания, внешне направленная против поднявшего в то время голову антисемитизма и активизации клерикальных кругов в связи с возобновлением уроков Закона Божьего в общеобразовательной школе, а фактически – против национализма и католицизма.

Борьба с клерикалами была одной из традиций левой интеллигенции в Польше, однако в коллизии середины 1950-х годов было и нечто новое. Если раньше польская интеллигенция ставила в упрек церкви отсутствие рационализма и поддержку наиболее патриархальных явлений в общественной жизни, то теперь социалистическая интеллигенция, обогатившись опытом преодоления тоталитаризма, обвиняла католиков в том, что они находятся в плену такого же доктринерства, каким был для марксистов сталинизм. Молодое поколение, говорил во время дискуссии с членами светских католических клубов редактор «По prostu» Р. Турский, переживает смерть всех богов, особенно же – доктринерства, которое стремится к полному подчинению себе человеческой личности¹⁰⁹. Годом позже Л. Колаковский в известном эссе «Жрец и шут» сходным образом охарактеризовал состояние современного человека, придя к заключению, что сомнению следует подвергать любой абсолют, любой категоричный и незыблемый принцип. «Дождь богов падает с неба на похороны одного Бога, пережившего себя», – это высказывание относилось ко всякому догматизму: как левого, так и правого толка. В целом, как можно заметить, эссе в равной степени было направлено против сталинизма и католической церкви, которые представлялись марксистской интеллигенции того периода явлениями одного масштаба¹¹⁰.

Понятие «ревизионизма» отождествлялось польскими марксистскими интеллигентами прежде всего со свободным творческим поиском и в теоретическом смысле не несло в себе отрицательного заряда. «Постоянное обновление и верификация принципов – это и есть генеральная линия развития марксистской мысли и марксистской партии» – утверждалось тогда со страниц газет, предоставлявших свои страницы «ревизионистам»¹¹¹. Звучало даже мнение, что в современном коммунистическом движении разделение на «ревизионизм» и «догматизм» вообще не актуально, поскольку не существует такого канона, к которому применялись бы данные понятия. Что же касается так называемой «ревизионистской позиции», осужденной руководством ПОРП, то это не более чем ревизия взглядов, победивших на VIII пленуме ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.), что, конечно, нельзя назвать каноном, поскольку решения VIII пленума – это всего лишь первый документ «польского пути к социализму» и не более того¹¹².

Марксистская интеллигенция различала понятия научного и идеологического ревизионизма. Под последним они понимали такое мировоззрение, которое выступало против идеологии, отражающей классовый интерес пролетариата (заклучавшийся в борьбе за коммунизм)¹¹³, и были солидарны с властью в оценке опасности такого ревизионизма. Один из виднейших представителей «ревизионизма» Ю. Хохфельд признавал, что идеологический ревизионизм вполне может возникнуть на почве ревизионизма научного, ибо марксизм – это прежде всего идеология, и в этом слабость марксистских партий. Но в силу того, что без постоянного пересмотра взглядов наука отстаивается, каждый марксист должен руководствоваться в своем научном поиске собственным рассудком и гражданской позицией, дабы не допустить перерождения научного ревизионизма в идеологический¹¹⁴. Л. Колаковский следующим образом сформулировал платформу «ревизионизма»: 1) поиск путей институционального выражения демократических форм жизни; 2) убеждение, что политический аппарат, неподконтрольный обществу, неизбежно усиливает властную машину и вырождается в деспотию, не связанную ни с мнением народа, ни с потребностями общества; 3) экономическая свобода может деградировать, если ей не сопутствует политическая демократия; 4) в условиях национализации средств производства следует бороться за их обобществление; 5) необходима свобода слова для всех идеологий, стоящих на почве социализма; 6) партия разлагается в случае, если она слита с госаппаратом и фактически является его частью, вместо того, чтобы быть вдохновителем и воспитателем общества; 7) сталинизм был не «ошибкой», а тотальной политической, экономической и культурной системой, и его преодоление требует дальнейшего преобразования системы, а не только устранения «недостатков» и сосредоточения всеобщей ненависти на нескольких лицах, особенно отличившихся в предыдущий период; 8) суверенитет Польши не перестал быть насущной проблемой; 9) противопоставление социалистической и буржуазной демократий – нонсенс, поскольку речь идет не о ликвидации достижений буржуазной демократии, а о ее расширении в системе, которая устранила бы все элементы фиктивности вместе с общественным неравенством; 10) народовластие совсем не гарантирует того, что государство становится выразителем народной воли, а партия – авангардом рабочего класса, и что вместо этого оно требует постоянного выстраивания институциональных форм, которые бы расширили участие народа в политическом и экономическом управлении¹¹⁵.

Данные положения, особенно тезисы о необходимости «дальнейшего преобразования системы» и укреплении суверенитета Польши, входили в противоречие с программой новой правящей элиты, и, в частности, с высказывания-

ми В. Гомулки, который еще в 1956 г. заявил: никакого второго этапа (под которым некоторые «политические комбинаторы» подразумевают «так называемые демократические свободы, политическую независимость и открытие ворот для получения постов») не будет; те же, кто говорит иначе, стремятся к восстановлению в стране капитализма¹¹⁶.

В. Гомулка вернулся в большую политику, выдвинув лозунг демократизации режима. «Ревизионисты» видели три направления, по которым должна была осуществляться демократизация: идеологическое, экономическое и политическое. В отношении идеологии была развернута критика с марксистских позиций догматики предшествующего периода. Своеобразным девизом этой критики можно назвать слова Т. Котарбиньского: «кто страстно стремится к правде, тот неизбежно придет к марксизму, а кто любой ценой хочет быть марксистом, зачастую отдаляется от правды»¹¹⁷. Полагая марксизм наиболее прогрессивным направлением современной философии, «ревизионисты» тем не менее призывали не закрывать глаза на ряд его изъянов (претензии на универсальность, попытки стать сверхнаукой)¹¹⁸, а кроме того, признать ценность и других философских течений, из коих особенной популярностью пользовался экзистенциализм.

Пересмотр прежних философских установок в то время был вообще свойственен польским марксистам. Если в период сталинизма основополагающим принципом социалистического строительства являлся императив «цель оправдывает средства», то теперь категорическим образом утверждалось: «Нет такой идеи, которая стоила бы больше, чем высшая ценность – жизнь»¹¹⁹. Польские марксисты отмежевывались от «вульгарного понимания этики классовой борьбы, при котором этические нормы не отделяются от принципов политической стратегии»¹²⁰. Именно марксистская критика 1955–1957 годов, как заметил Х. Янковский, расчистила почву для новых формул социалистического гуманизма, и личность стала теперь не только средством, но и целью самой в себе¹²¹. Это, впрочем, не мешало многим «ревизионистам» искренне верить в романтику революционной борьбы, что, однако, еще резче противопоставляло их официальной идеологии. «Ревизионисты» ставили в вину власти то, что она выхолостила содержание революционных лозунгов, подменив их обывательским пустозвонством. В связи с этим «ревизионисты» выступали против так называемой «малой стабилизации», наступившей с возвращением во власть В. Гомулки. Сама формулировка «малая стабилизация», по свидетельству А. Киёвского, принадлежит знаменитому поэту Т. Ружевичу. «Ревизионисты» же объединяли ее с понятием «потребительское общество», олицетворением которого считали США, где человек тонет в массе товаров, становясь их рабом¹²².

К концу 1950-х годов на волне полемики с представителями «официального» марксизма, прежде всего с А. Шаффом, «ревизионисты» практически расстались с прежним благоговейным отношением к творческому наследию К. Маркса и Ф. Энгельса. «Утверждение, будто все философские проблемы нашли в марксизме свое законченное выражение, ныне принимается лишь невеждами», – заявил на страницах еженедельника «Пшеглэнд культуральный» П. Бейлин, рассматривавший марксизм лишь как одно из течений современной философии, в одном ряду с экзистенциализмом и неотомизмом¹²³. «В наши дни стало ясно, что многие мысли Маркса, прежде всего в сфере предвидений дальнейшего хода истории, не выдержали... безжалостного испытания жизнью и сохранили, подобно утопиям, ценность скорее морального стимула, чем научной теории», – утверждал в конце 1956 г. Л. Колаковский¹²⁴. Ту же точку зрения высказал и О. Лянге, выступая в апреле 1959 г. в столичном центре партийной пропаганды ПОРП: «История возникновения и развития социалистических стран пошла по другому пути, чем предполагали Маркс и Энгельс»¹²⁵. Известный социолог Е. Шацкий еще в начале 1957 г. указывал, что причина кризиса марксизма заключалась не в его тесной связи с идеологией, как это утверждал Ю. Хохфельд, а в том, что ученые-марксисты не хотели признавать его одним из многих направлений науки, стало быть, игнорировали его односторонность¹²⁶. Публицист М. Червинский тогда же уподобил марксизм католицизму, так как и тот, и другой принимают определенные положения без каких-либо доказательств (примечательно, что буквально то же самое заявил в приводимой дискуссии и публицист католического еженедельника «Тыгодник повшехны» С. Киселевский)¹²⁷.

После IX пленума ЦК ПОРП, на котором В. Гомулка назвал ревизионизм большей опасностью, чем догматизм, критика марксизма, столь смелая и открытая в 1956–1957 годах, начала сходиться со страниц газет и журналов, перемещаясь в немногие оставшиеся дискуссионные клубы.

Судьба политического и экономического направлений деятельности «ревизионистов» оказалась в этом смысле более счастливой. А. Фришке разделил политические программы «ревизионистов» на два направления: за прямую демократию по типу Югославии и за представительскую демократию¹²⁸. Первые черпали свое вдохновение в работах В. И. Ленина и группировались в основном вокруг «По просту». Это была главным образом молодежь, пережившая энтузиазм «Гюльского Октября» и смотревшая на мир весьма радикально. Искренняя вера в «революцию» В. Гомулки и критическое отношение к действительности наложили отпечаток утопичности на их идеи о переустройстве общества. В частности, представители этого течения выступали за создание советов на всех уровнях управления вплоть до общегосударственного

и во всех сферах жизни, будь то культура, наука или экономика; они требовали подчинить бюрократический аппарат местному самоуправлению и изменить порядок выборов в национальные советы (рады народные), дабы избиратели могли в случае необходимости отзывать своих депутатов. Все это сопровождалось неизменным подтверждением верности коммунистическим идеалам. Представители данного направления были категорическими противниками как «бюрократического централизма» (под которым они понимали государственный аппарат ПНР), так и парламентаризма. Последний, по их словам, был опасен тем, что ввиду малочисленности рабочего класса в Польше сравнительно со всем населением страны неизбежно привел бы польскую экономику к НЭПу или даже капитализму. Сторонники рабочей демократии призывали продолжать «революцию», дабы окончательно сломать старый бюрократический аппарат, который по самой своей природе угрожает существованию советов¹²⁹. Часть так называемого «поколения 56-го года» (прежде всего, Я. Куронь и К. Модзелевский) увлеклась близким по духу троцкизмом, который, как казалось, удачно сочетал коммунизм с критикой «советского империализма»¹³⁰.

Представители второго направления (например, Ю. Хохфельд) доказывали, что придание рабочим советам статуса государственных органов, к чему призывало большинство молодежных и рабочих лидеров, чревато восстановлением командно-административной системы, что вместо этого следует установить подлинную, а не фиктивную, многопартийность и допустить организацию других демократических автономных структур, которые защитили бы общество от всевластия распорядителей политической и экономической жизни¹³¹. Умеренные были обеспокоены тем, что демократизация идет не совсем так, как это представлялось в 1956 г., и прилагали все усилия, чтобы указать власти на ее «ошибки». Они осуждали чрезмерную громоздкость партийно-государственного аппарата и сокрушались по поводу недопустимо низкого участия народа в решении судеб страны, что, по их мнению, вызывало апатию и общественный пессимизм. Я. Щепаньский в цикле статей, опубликованных в «Пшеглёнде культуральном», пришел к выводу, что преобразования, осуществленные в Польше после 1956 г., не смогли целиком уничтожить сталинскую систему, элементы которой сохранялись еще долгое время. К таковым он относил государственное подавление «неформальных связей в обществе», отрыв бюрократии от насущных интересов народа и ее перерастание в самодостаточный механизм, замену четких критериев добра и зла политической целесообразностью, что привело к частичному параличу официальных общественных организаций. К этим явлениям добавились и новые «болезни», прежде всего, разочарование народа, особенно молодежи, в ПОРП. Основной упор Щепань-

ский делал на общественную активность, через которую прежде всего и укрепляется государство, нация, класс, церковь. Если простейшие неформальные группы не гармонизируют с официальными организациями, предупреждал ученый, они становятся источником конфликтов и оппозиции. При этом Я. Щепаньский оставался противником внедрения западной демократии в Польшу в силу того, что демократия по типу западной возможна только в дисциплинированном обществе, в то время как длительный безгосударственный период превратил поляков в бунтарей и анархистов¹³².

4. Наступление на «ревизионизм»

Если политические программы «ревизионистов» по мере ужесточения внутренней политики правительства постепенно отходили на второй план, то с экономическими предложениями происходила прямо противоположная метаморфоза. В 1957 г. лишь небольшая группа далеких от марксизма интеллектуалов (А. Вакар, Я. Муйжель, С. Куровский, В. Едлицкий, А. Бжеский) требовала перевода отечественного хозяйства на рыночные рельсы. В своей критике хозяйственного аппарата страны они невольно смыкались с наиболее радикальными молодыми коммунистами, ибо также придерживались точки зрения, что польская бюрократия выродилась в самодостаточный класс, который подчинил экономическую и политическую систему страны удовлетворению собственных нужд. Поэтому деятели этого направления вполне в духе радикалов из «По просту» призывали организовать общественный натиск на бюрократию, заинтересованную в сохранении существующего порядка¹³³.

Основная же масса ученых-экономистов, и прежде всего те, кто привлекался к составлению планов по развитию хозяйства страны (О. Лянге, М. Калецкий, Ч. Бобровский, В. Брус, и др.), допускала только осторожные изменения, касавшиеся перераспределения инвестиций, свободы мелкой торговли и пр. При этом они были убеждены в превосходстве государственной экономики над рыночной и выступали за сохранение централизованного планирования. «Возвращение частной инициативы – признак недостаточного технического и экономического развития страны», – утверждал в 1957 г. один из наиболее авторитетных польских экономистов Э. Липиньский, рисуя лучезарные перспективы грядущего процветания польской экономики¹³⁴. Тем не менее, представители обоих направлений экономической науки того периода считали, что социализм априори прогрессивнее капитализма. Различие было лишь в том, что ортодоксальные марксисты полагали, что социализм рано или поздно возобладает над капитализмом, хотя и отдавали при этом дань капитализму как необычайно устойчивой системе¹³⁵. «Рыночники» же (например, С. Куровский, издавший в 1963 г. книгу «Исторический процесс экономиче-

ского роста), которая была запрещена цензурой) доказывали, что у социализма нет качественного превосходства в соревновании с капитализмом, как в свое время феодализм был побежден капитализмом, т. е. социализм не создает принципиально новой техники, однако по объему производства СССР неизбежно возобладает над США¹³⁶.

Первое время после «Польского Октября» среди марксистской интеллигенции царил оптимизм во взглядах на будущее отечественной экономики, поэтому в своих рассуждениях она чаще критиковала отдельные недостатки, нежели отыскивала какие-то структурные просчеты в организации польского хозяйства. Но в начале 1963 г., когда польскую экономику поразил кризис, со стороны марксистов уже зазвучали призывы повысить потребительский спрос (а следовательно – и уровень жизни), дабы компенсировать отставание в распределении инвестиций по отношению к возросшим возможностям страны. И едва ли не впервые с 1957 г. зазвучало выражение «структурные недостатки» как причина экономических трудностей¹³⁷. Конечно, никому и в голову не приходило покушаться на плановую экономику, но такие предложения, как, например, введение свободного обмена валюты между социалистическими странами, что считалось до той поры характерной чертой капитализма, служили признаком определенного пересмотра некоторой частью марксистской интеллигенции подходов к существующей хозяйственной модели государства¹³⁸. Не исключено, впрочем, что подобные идеи всего лишь отражали внутрипартийные дискуссии о путях экономического развития Польши. Во всяком случае, без одобрения цензуры они никогда не попали бы на страницы прессы. Да и польские власти не раз выступали в 1960-е годы с предложением ввести общую финансовую единицу и свободный обмен валют для стран-участников СЭВ, а один из поборников этой идеи, Ю. Паестка, занял в январе 1969 г. пост заместителя председателя Комиссии по планированию при Совете министров ПНР.

Польские марксисты довольно холодно относились к эмигрантской публицистике, однако выделяли среди заграничных изданий парижскую «Культуру» – это «исключительное явление в польской эмиграции», выражаясь словами А. Шаффа, поскольку данный журнал в своей борьбе с коммунизмом отверг поверхностные решения и постоянно искал другие способы подорвать позиции правящего режима¹³⁹. Мировоззрение публицистов «Культуры», их радикальный антикоммунизм были чужды польским марксистам того периода. Можно сказать, что они говорили на разных языках. «Культура» клеймила коммунизм как несовместимый с демократическими свободами и скептически смотрела на марксизм. В ответ публицисты «Новой культуры», «Пшеглэнда культурального» и других изданий обвиняли авторов «Культуры» в плохом

знании современных польских реалий и упрекали за недооценку ими перемен 1956 г. Впрочем, это не мешало марксистским публицистам в начале 1957 г. сожалеть, что «Культура» практически неизвестна отечественному читателю, а Шафф позднее даже предлагал издать некоторые статьи Ю. Мерошевского, печатавшиеся в этом журнале¹⁴⁰.

Провозглашенное В. Гомулкой наступление на противников политики ПОРП приводило к нараставшему размежеванию между властью и сторонниками сохранения завоеваний «Польского Октября». Уже осенью 1957 г. была проведена чистка в средствах массовой информации с целью устранения отклонений от генеральной линии партии. Политбюро поручило Центральной комиссии партийного контроля рассмотреть личные дела ряда теле- и радиожурналистов, а также сотрудников редколлегий еженедельников «Шпильки» и «Свят». Предполагалось также произвести кадровые изменения в газете Центрального правления Союза социалистической молодежи «Штандар млодых». Кроме того, потеряли свои посты главный редактор газеты «Жиче господарче» Т. Ковалик и главный редактор журнала «Доокола свята» З. Юркевич. В начале декабря «по собственному желанию» ушел с поста главного редактора «Новой культуры» В. Ворошильский, а сама редакция была реорганизована (среди прочих ее покинули Л. Колаковский и Т. Конвицкий). Всего за 1957 г. с работы было уволено около 150 журналистов¹⁴¹.

Едва появившись, был запрещен журнал «Европа», в редакцию которого входило несколько крупных партийных литераторов (Е. Анджеевский, А. Важик, С. Дыгат, П. Герц, М. Яструн, Ю. Жулавский и др.). Интересно, что поначалу партийные органы были настроены благосклонно к желанию «прогрессивных» писателей и поэтов издавать журнал, в котором читатель знакомился бы с достижениями современной европейской литературы¹⁴². После долгих проволочек в октябре 1957 г. появился первый номер этого журнала. Его содержание показалось власти предержавшим настолько возмутительным, что номер не был допущен к распространению, а редколлегия распущена. В вину журналу ставились следующие главные «недоработки»: 1) состав авторов, представленных в журнале, свидетельствует, что его облик формируют люди «определенного мировоззрения» (А. Слонимский, А. Важик, Е. Завейский и др.); 2) журнал пропагандирует взгляды не социалистические, а буржуазные; 3) в нем не говорится ничего положительного об СССР, странах народной демократии и строительстве социализма в Польше; 4) встречается полемика с социализмом (у Завейского, Герца, Жулавского); 5) Герц и Жулавский противятся подчинению литературы политике, из чего можно заключить, что редакция вообще не приветствует партийное руководство литературным процессом¹⁴³. В начале ноября 1957 г. Е. Анджеевский, М. Яструн, Ю. Жулав-

ский, П. Герц, М. Белицкий, А. Важик, Я. Котт и С. Дыгат, не в силах «вписаться» в новую политику партии, добровольно положили партбилеты на стол¹⁴⁴. Неудачный для властей опыт с «Европой» заставил правящие круги отказаться от ряда аналогичных замыслов, в частности от планов А. Сандауэра и Ю. Пшибося по изданию журнала «Жечь». Хотя авторы этой идеи после долгих переговоров с чиновниками различных уровней сумели заручиться согласием Управления по контролю за прессой (т. е. цензуры) и Отдела культуры ЦК¹⁴⁵, в последний момент министерство печати, несомненно, по распоряжению сверху, отказалось выдать им разрешение на журнал.

Пиком кампании по «наведению порядка» в прессе явилось закрытие «По просту» 2 октября 1957 г. Редакцию еженедельника обвинили в том, что она «развивала деятельность, вредную для политики партии и правительства, противоречащую решениям VIII и IX пленумов ЦК...»¹⁴⁶. Это решение вызвало волну студенческих демонстраций в Варшаве, продолжавшихся до 7 октября. Во время столкновений с органами правопорядка пострадало 79 манифестантов и 95 милиционеров, 536 человек было задержано¹⁴⁷. Бывший главный редактор «По просту» Э. Лясота был исключен из ПОРП.

Ужесточение цензуры вызвало такое недовольство в литературных кругах, что, по замечанию партийных функционеров, ему поддались даже «товарищи, до сих пор отличавшиеся умеренностью...». В связи с этим Комиссия по культуре при ЦК ПОРП в начале октября направила «наверх» информационную записку, в которой настоятельно советовала «объяснить людям», чем вызвано такое похолодание политического климата. Кроме того, в записке указывалось на ряд необоснованных, по мнению ее авторов, изъятий статей из печати. В частности, Комиссия по культуре выражала недоумение, почему была запрещена к публикации работа Б. Бачко о философии Колаковского, статьи П. Бейлина и Я. Штелецкого об обновлении марксизма, и одна из статей Э. Липиньского по экономике, хотя их содержание ни в чем не отклонялось от тезисов, содержащихся в документах ПОРП¹⁴⁸. О сильном недовольстве писательского сообщества действиями цензуры Комиссия по культуре продолжала информировать высокие сферы и позднее. Например, в ноябре 1958 г. сотрудники Комиссии по культуре переслали Р. Замбровскому «для ознакомления с настроениями в писательской среде» письмо партийного писателя А. Рудницкого, отправленное главному редактору одного из литературных журналов. В своем письме Рудницкий отзывал свою статью из журнала, так как, по его словам, «цензура объявила мне войну, и я не хочу прогибаться под ней»¹⁴⁹.

Партийное руководство организовало встречу партийного актива с представителями литературного сообщества. Нельзя сказать, чтобы результаты

этой встречи удовлетворили писателей, но недовольство на время утихло. Возможно, этому способствовало то, что некоторым оппозиционерам (Слонимскому, Важику, Яструну, Пшибосю, Анджеевскому, Котту) было предложено войти в состав Совета по культуре и искусству при Совете министров ПНР. Слонимский как глава Союза польских литераторов (избран в декабре 1956 г.) стал его вице-председателем. Появилась надежда, что власть начнет обсуждать возникающие спорные вопросы в спокойном русле. Это, казалось, подтверждали и последующие регулярные встречи представителей ЦК с правлением СПЛ. Как следствие, на состоявшемся 2 декабря 1958 г. заседании варшавского отделения Союза польских литераторов, посвященном избранию депутатов на свой съезд СПЛ, прежние оппозиционеры из числа «ревизионистов» (Анджеевский, Герц, Жулавский и др.) старались умерить страсти, разгоревшиеся по поводу вмешательства цензуры в издательский процесс, а Слонимский прямо заявил, что у Главного правления нет претензий к цензорам. Впрочем, представители партийных органов, присутствовавшие на заседании, отметили и другую деталь: среди писателей, как членов ПОРП, так и беспартийных, налицо было неприязненное отношение к главным выразителям воли партии в СПЛ – Е. Путраменту и Л. Кручковскому. В силу этого последний вообще не набрал необходимого количества голосов, а Путрамент занял среди избранных депутатов последнее место. Выборы показали, с беспокойством констатировали авторы отчета для партийной верхушки, что группа «Европы» сохранила политическое влияние, хотя пока настроена на компромисс с партийным руководством¹⁵⁰.

Съезд писателей, состоявшийся во Вроцлаве 15–16 декабря 1958 г., показал, насколько ошибочным было это утверждение. Главным вопросом, обсуждавшимся на съезде, вновь стала деятельность цензуры, названной А. Слонимским во вступительном слове одним из характерных явлений литературной жизни Польши последнего периода. Впрочем, оговаривался поэт, ужесточение цензурных придирок произошло лишь два-три месяца назад, и правление Союза работает в этой области, стараясь донести свою озабоченность до властей. Косвенно председателя СПЛ поддержал даже всегда очень осмотрительный в своих поступках корифей польской литературы Я. Ивашкевич, заявивший, что «проявлением нашего оптимизма является уже то, что мы пишем книги». На съезде резко выступали М. Яструн, П. Герц, Я. Котт. В перерыве между заседаниями министр культуры Т. Галиньский и секретарь ЦК ПОРП В. Матвин встретились с партийными писателями и выработали общую резолюцию, которую один из членов первичной парторганизации Союза старый коммунист С. Выгодский предложил на рассмотрение участникам съезда. Умеренный тон резолюции, в которой лишь вкратце говорилось о действиях

цензуры, а в основном звучали дежурные фразы о ценности искусства, вызвал негативную реакцию писателей, Я. Ивашкевич пренебрежительно назвал ее «цветистым обрамлением» главного вопроса. В итоге была принята радикальная резолюция Я. Котта, в которой утверждалось: «Съезд делегатов СПЛ заявляет, что нынешняя цензурная политика, выразившаяся в последнее время в отказе от публикации более тридцати книг выдающихся писателей и в стремлении переложить функции цензуры на плечи издателей и редакторов журналов, создает серьезную угрозу для развития литературы, вовлеченной в проблемы современности. Общий съезд поручает Главному правлению предпринять все необходимые меры для защиты свободы слова»¹⁵¹.

Столь резкое выступление писательской оппозиции не могло остаться без последствий. Уже 15 января 1959 г. на собрании первичной парторганизации варшавского отделения СПЛ Е. Моравский охарактеризовал работу вроцлавского съезда как антипартийную демонстрацию, а Слонимского, Котта и Яструна объявил «самыми отъявленными ревизионистами, скатывающимися на позиции ренегатства»¹⁵². 21 января 1959 г. Политбюро ЦК ПОРП выработало меры, которые должны были покончить с «фрондой» среди партийных литераторов: 1) очистить первичную парторганизацию СПЛ от ревизионистов; 2) объединить в одну парторганизацию всех партийных членов СПЛ; 3) образовать группу партийных деятелей, которые помогали бы проводить идеологическую работу среди писателей (Галинский, Яблоньский, Касман, Лянге, Шафф, Старевич, Вербян и др.), и те же задачи поручить воеводским комитетам ПОРП; 4) считать группу «Европы» политическим противником, ограждать от ее влияния лояльных членов Главного правления СПЛ; 5) открыто заявить Главному правлению, что действия, подобные тем, что проявились на вроцлавском съезде, направлены на создание оппозиции, и мириться с этим нельзя, кроме того — разъяснить «лояльным товарищам» вредный характер работы Главного правления и разработать решение Секретариата ЦК по поводу вроцлавского съезда; 6) последовательно осуществлять культурную политику партии; 7) настоять на исключении участников «Европы» из редакций всех журналов; 8) ограничить их сотрудничество с издательствами; 9) запретить им выезды за границу; 10) поручить редакции журналов выразить свою позицию по поводу их литературной и публицистической деятельности; 11) поручить партийным редакторам газет и журналов осветить ситуацию в СПЛ; 12) провести встречу руководства ПОРП с видными деятелями литературы¹⁵³.

Всех представителей «литературной оппозиции» исключили из Совета по культуре, а Слонимского во главе СПЛ сменил более покладистый Я. Ивашкевич. Кроме того, в состав правления Союза ввели Е. Путраменту и Л. Кручковского.

Гонения, обрушивавшиеся на журналистов и писателей в 1957–1958 годах, привели к тому, что недовольство текущей политикой партии охватывало все большее число партийных «либералов». В начале 1958 г. из Польши эмигрировал М. Хласко, в 1959 г. его примеру последовал литературный критик, член Компартии с 1934 г., А. Ставар. Трагическая смерть журналиста и социолога Х. Холланда в декабре 1961 г. послужила предлогом для завуалированного выступления реформаторской группы в ПОРП с протестом против курса партийного руководства.

Х. Холланд был одним из наиболее заслуженных публицистов Польши. Коммунист с довоенным стажем, он одним из первых членов ЦК ПОРП поставил вопрос об освобождении В. Гомулки из заключения (хотя ранее обвинял его в правонационалистическом уклоне). Во время событий 1956 г. Холланд активно включился в движение обновления, посещал заседания Клуба кривого колеса, однако в симпатиях к «ревизионизму» замечен не был. «В 1957 году он просидел у меня целую ночь, – писал о нем сотрудник парижской «Культурь» Ю. Мерошевский. – Не думайте, господа партийцы, что мы пытались переманить его. Он был ваш до конца»¹⁵⁴. Встречаясь по роду своей деятельности с заведующим Бюро прессы ЦК ПОРП А. Старевичем, он услышал от него версию известного рассказа Н. С. Хрущева об обстоятельствах ареста Л. П. Берии. Старевич узнал этот рассказ от члена Политбюро И. Лёга-Совиньского, а тот – непосредственно от Хрущева. Хотя подобные материалы уже несколько раз публиковались на страницах западной печати, в Польше к появлению такого рода сведений относились настороженно. Холланд передал услышанное от Старевича своей знакомой журналистке А. Завадской, муж которой был репортером парижской газеты «Монд». В квартире Завадской и ее супруга в то время действовала подслушивающая аппаратура, поэтому каждое слово, сказанное там, становилось достоянием Службы безопасности. К Холланду явились сотрудники СБ, которые предъявили ему обвинение в шпионаже и ордер на обыск. Журналист не стал дожидаться суда и выбросился из окна на глазах у работников госбезопасности¹⁵⁵.

На похороны Холланда собралось до 250 человек, среди которых было немало «ревизионистов» (Я. Котт, П. Бейлин, К. Волицкий, Р. Юрьсь, А. Хайнич и др.), представителей правящей элиты, попавших в немилость к Гомулке (секретари и заместители секретарей ЦК Л. Финкельштейн, Р. Гранас, Х. Яворская, О. Лянге, Е. Моравский, Я. Зажицкий), а также ряд других известных людей (например, бывший заместитель министра внутренних дел Ю. Хибнер, сын члена Политбюро Р. Замбровского Антоний и т. д.). Такая демонстрация вызвала недовольство Гомулки. Была образована специальная комиссия Политбюро, применившая к участникам похорон различные санкции¹⁵⁶.

В феврале 1962 г. по распоряжению властей был закрыт Клуб кривого колеса, уже давно вызывавший раздражение столичного комитета партии. «Дискуссии об экономической, политической, общественной и культурной ситуации в нашей стране насыщены [в Клубе] скрытым ядом, — писал в ноябре 1959 г. инструктор по культуре и просвещению варшавского комитета ПОРП в записке, касающейся деятельности Клуба. — В них чувствуется прославление Запада и враждебное отношение к СССР, Китаю и другим государствам народной демократии. Дискутантов характеризует красочность стиля, склонность к аналогиям... и аллегориям. Они хорошо подготовлены по каждой теме, свободно оперируют данными монографий и источников. Даже робкая попытка оппозиции против мнения большинства обречена на поражение. «Отступника» буквально уничтожают язвительными замечаниями и нарочито изысканными выражениями, сальными анекдотами и репликами из зала... Всех объединяет то, что они являются клубом оппозиции. О себе имеют очень высокое мнение, полагая Клуб важным фактором воздействия на творческие и научные сообщества столицы. Лучшее всего людей из Клуба характеризует такое высказывание, которое ходит по Варшаве: “Запишись в наш Клуб, у нас можно критиковать все и всех, и тебе ничего не будет”. Все это походит на сборище анархистов...»¹⁵⁷.

Клуб кривого колеса действительно пользовался значительным весом в интеллектуальной и культурной жизни тогдашней Польши. Достаточно сказать, что это было одно из немногих заведений, о собраниях которого заблаговременно сообщали в прессе (в частности, в «Пшеглэнде культуральном»). «В галерее ККК показывали лучшие образцы современного искусства, театр ККК представлял наиболее интересные постановки европейской прозы, собрания по четвергам были подлинным Гайд-парком столицы», — пишет исследователь этого вопроса П. Церанка¹⁵⁸. В Клубе собиралась научная элита Варшавы. Согласно позднейшим подсчетам Службы безопасности, наиболее многочисленную группу среди членов Клуба составляли социологи (46 человек) и журналисты (44). След за ними шли представители изобразительных искусств (20), инженеры и техники (19), а также экономисты (18). Немало было юристов (15) и актеров (13). В клуб заглядывали литераторы (10), философы (8) и историки (8). Приходили к клуб люди и других профессий, однако СБ либо не располагала данными относительно их занятий, либо не учитывала в приведенной классификации. Таких набралось еще 80 человек¹⁵⁹.

Доклады, которые заслушивались в ККК, подчас носили исключительно острый характер. В декабре 1958 г. один из сотрудников Института социологии ПАН на основе собранных анкет проанализировал распределение доходов населения Польши и пришел к выводу, что «наибольшая разница в зарплатах

наблюдается между рабочими и служащими – с одной стороны, и высокопоставленными партийными работниками, правительством и частным бизнесом – с другой». Из этого следовало, что «лучше всех зарабатывать: партийная верхушка, правительство и частные предприниматели». По замечанию тайного сотрудника СБ, «это вызвало оглушительный смех в зале»¹⁶⁰. В начале января 1959 г. активный деятель польской компартии, поэт и публицист Я. Выка огласил доклад на тему 40-летия партии. Доклад стал сенсацией. Выка прямо заявил, что «руководство Советского Союза принесло КПП больше вреда, чем агенты санации». Этот вред, по мнению докладчика, заключался не только в роспуске партии, но и в убийстве многих коммунистических деятелей, в лишении Польши шанса на выработку собственного пути к социализму. В последовавшей затем дискуссии слышались голоса как за, так и против этих тезисов, но наибольшее впечатление произвело на всех выступление еще одного деятеля довоенной КПП Л. Хасса, отсидевшего в ГУЛАГе 14 лет. Хасс зачитал свое воззвание 1938 г., где протестовал против роспуска партии, и заявил, что КПП по сути была целиком подчинена сталинским эмиссарам, а руководители КПСС, пожалуй, до сих пор вынашивают планы присоединения Польши к СССР. На этом собрании присутствовали члены распушенной редколлегии «По prostu», а также еще около ста человек, среди которых было немало журналистов. Служба безопасности немедленно передала отчет о собрании в Комиссию партийного контроля Варшавского комитета ПОРП¹⁶¹. Выводы были извлечены: власти потребовали исключения из членов Клуба Я. Выки, Л. Хасса и еще одного левого «радикала» Я. Вольского – экономиста анархистского толка, бывшего на заметке у русской и прусской полиции еще до завоевания Польшей независимости. Правление Клуба встало на защиту своих членов. Пока тянулось это дело, в ККК с докладом о культурной политике ПОРП выступил А. Шафф. Он говорил о том, что в Польше налицо куда большая свобода творчества, чем в СССР, и вообще где бы то ни было, включая западные страны. Лишь передачи западных радиостанций, происки эмиграции и слухи, распускаемые заграничными сплетниками, вредят этой свободе, вынуждая иногда ее ограничивать, сказал Шафф. Эти заявления вызвали резко негативную реакцию слушателей. Выступавшие приводили многочисленные примеры обратного, а социолог С. Новак прямо сказал, что творческая свобода в Советском Союзе 1920-х годов была намного большей, чем в нынешней Польше. В итоге стороны разошлись недовольные друг другом, кто-то в сердцах бросил: «Легче договориться со шкафом, чем с Шаффом»¹⁶². Все это также не укрылось от внимания Службы безопасности. Регулярные встречи были на время приостановлены, существование Клуба висело на волоске, однако на этот раз его пощадили, ограничившись назначением нового партийного куратора¹⁶³.

22 октября 1959 г. в клубе с докладом, посвященным трехлетней годовщине «Польского Октября», выступил М. Калецкий. Доклад был выдержан в оптимистическом духе, но последовавшие за ним реплики слушателей сводились к тому, что происходит явный откат от демократических завоеваний 1956 г. Л. Хасс заявил, что «идеал гуманного социалистического государства проиграл борьбу с идеалом административно-социалистического государства». Поэтому надо что-то делать, дабы сломить власть администрации¹⁶⁴.

В конце октября 1959 г. в Клубе должен был выступить член его правления Я. Ю. Липский с докладом о польской довоенной фашиствующей организации ОНР-Фаланга. Пикантность темы заключалась в том, что лидером упомянутой организации был позднейший глава ПАКСа Б. Пясецкий – один из преданных сторонников режима. Собрание вызвало живейший интерес, собралось много народу, однако в последний момент решено было отменить доклад, чтобы не навлекать на себя новых репрессий¹⁶⁵. Тем не менее власти были раздражены уже самой попыткой коснуться нежелательной темы. На Клуб стало оказываться мощное давление, однако он уцелел и на этот раз.

27 октября 1960 г., в Клубе читал доклад один из известных «экстремистов» Я. Вольский. Его выступление касалось роли рабочего самоуправления в организации труда. Доклад этот был полон критики в адрес государства. С самого начала Вольский заявил, что доклад его будет касаться только самоуправления в кооперации, ибо на «государственных предприятиях хотя и существует самоуправление, оно не представляет рабочих, так как зажато в тисках начальственных распоряжений, бюрократившегося аппарата и людей, не имеющих понятия о работе самоуправления [...] роль профсоюзов искажена и сведена к минимуму, по сути их вообще нет. Государство является работодателем, в силу чего бюрократический аппарат не считается с профсоюзами... Государство навязывает трудящимся планы и определяет взаимоотношения между работодателем и рабочей силой... Рабочий лишен защиты, государство диктует ему условия. Забастовка при социализме рассматривается как действие, противоречащее интересам нации»¹⁶⁶.

В марте 1961 г. с докладом о «Некоторых формах морали» выступил В. Беньковский. Сам доклад, видимо, не содержал в себе ничего провокационного с точки зрения партийных кураторов, зато после его окончания прозвучало несколько реплик известных оппозиционеров. Л. Хасс сказал, что «хотя... мораль создается на основе определенного сообщества людей, чье большинство устанавливает четкие нормы, сейчас социалистическая мораль опирается не на нормы большинства... а на нормы, выдвинутые небольшой группой людей, составляющих ЦК, и даже не само ЦК, а лишь Политбюро... Следует стыдиться того, как в Польше проводятся выборы. Они не имеют ничего об-

щего ни с социалистической моралью, ни с подлинной демократией. По-прежнему... вовсю используется принцип «цель оправдывает средства». Хасса поддержал Я. Выка, заявивший, что «для установления у нас коммунизма необходима одна всеобщая забастовка»¹⁶⁷. Хотя за свои высказывания Выка в том же году был исключен из партии, нельзя не заметить, насколько была еще сильна инерция «оттепели», если даже такие откровенно оппозиционные выступления не считались запретными.

С другой стороны, в тот период популярность ККК резко упала, и это усилить бдительность людей, поставленных следить за проявлениями «враждебной идеологии». Несмотря на неоднократные попытки воеводского комитета ПОРП обуздать его деятельность, нет данных, чтобы Клубом всерьез занимались «на самом верху». Впрочем, Служба безопасности в одном из своих первых донесений относительно работы ККК в апреле 1958 г. сформулировала причину, по которой закрытие Клуба было бы нежелательно: «Ныне положение выглядит так, что в случае обострения политической ситуации... Клуб автоматически превратится в организационный центр, и тогда его роспуск станет не нужен, поскольку в этом случае дискуссии, которые проходят открыто..., перенесутся в малые группы на частных квартирах, создав что-то вроде интеллектуального подполья»¹⁶⁸.

Все же осенью 1961 г. органы власти начали склоняться к решению закрыть ККК. Поскольку клубы интеллигенции, действовавшие при домах культуры, государственных и общественных учреждениях, согласно распоряжению МВД от 1957 г. не могли быть зарегистрированы как общества, они не имели юридического лица. Размещаясь в ДК, они должны были подчиняться его уставу, однако Дом культуры Старого города не имел такового. 14 октября 1961 г. Управление внутренних дел Варшавы обратилось в отдел культуры столичного горсовета с просьбой проконсультироваться перед тем, как утвердить устав данного учреждения. Возможно, именно эту дату следует считать началом целенаправленных действий по закрытию Клуба¹⁶⁹.

В апреле 1961 г. Службе безопасности удалось завербовать бывшего секретаря Общепольского центра сотрудничества клубов Р. Щурковского, который с 1957 г. проживал в Израиле. Щурковский поделился обширной информацией об истоках Клуба и его «подрывной» деятельности¹⁷⁰. В ноябре 1963 г. об ККК поведала Службе безопасности Э. Гажтецкая. Она признала, что с течением времени члены партии были оттеснены от руководства Клубом «радикальной группой» во главе с Я. Ю. Липским¹⁷¹.

В самом ККК никто пока не догадывался о предпринимаемых мерах. Напротив, согласно донесению тайного сотрудника СБ от 28 октября 1961 г., «атмосфера в Клубе уже нормализовалась. Нет того угнетенного состояния,

как несколько недель назад»¹⁷². Резко возросла посещаемость ККК, чему способствовал ореол оппозиционности, сложившийся вокруг него¹⁷³.

12 января 1962 г. директор ДК Старого города сообщил Президиуму Совета клубов о решении передать здание в ведение Союза социалистической молодежи. Была составлена обширная «Записка о Клубе кривого колеса». «В итоге следует подчеркнуть, – указывалось в «Записке», – что правление ККК и собранные вокруг него люди превратили дискуссионные собрания Клуба в форум враждебных выступлений и политических демонстраций... В связи с этим Секретариат ВК постановил: 1) рекомендовать Отделу культуры столичного городского совета принять решение о немедленной отмене вплоть до особого распоряжения собраний в Клубе кривого колеса... 2) рекомендовать газете «Жиче Варшавы» опубликовать до 10.02. сего года критическую статью об атмосфере, в которой проходили дискуссии в ККК... 4) проинформировать членов партии, входящих в ККК, о позиции партийной инстанции по вопросу дальнейшей деятельности Клуба; 5) рекомендовать президиуму столичного городского совета принять решение о передаче ДК Старого города в ведение варшавского комитета ССМ; 6) в течение недели подготовить план упразднения Клуба кривого колеса». Власть опасалась возможных эксцессов, поэтому на всякий случай поручила милиции и активистам ССМ наблюдать за порядком возле ДК. Все помещения в здании были срочно отведены под различные мероприятия. Кроме того, партийные инструкторы провели беседы на предмет создания другого клуба с работниками Академии наук, Варшавского университета и других научных учреждений. Это должно было предотвратить совместное выступление интеллигенции. Опасения оказались напрасными. Хотя руководство Клуба и попыталось сохранить его, массовых акций не последовало¹⁷⁴.

Тогда же Служба безопасности проверила и другие известные варшавские клубы. Полученные данные оказались не слишком обнадеживающими. Выяснилось, что критика режима, прежде звучавшая только в ККК, уже начала расплзаться по другим местам. Крамольные настроения были зафиксированы в клубе «Жизнь» при Союзе борцов за свободу и демократию (ЗБОВИД) – единственной легальной ветеранской организации, в «Обществе моральной культуры» и в «Клубе хорошей работы». В клубе «Жизнь» в январе 1962 г. выступил В. Беньковский. Он заявил, что «партии нет... Партию следует еще только создать, необходимо изменить систему партийной работы, руководство, атмосферу, и все организовать сызнова». В том же духе высказались активная участница ККК К. Конверская (сотрудница Комиссии по экономическому планированию при Совмине), генерал Я. Фрей-Белецкий, Я. Выка и др. Некоторые выступавшие даже предлагали программу оппозиционной деятель-

ности, заключающуюся в организации независимой информационной службы и акциях помощи репрессированным. В свою очередь в Товариществе моральной культуры той же зимой разгорелись горячие дебаты по поводу доклада Л. Колаковского «Похвала лицемерию». Невзирая на сугубо философский характер доклада, выступающие восприняли его как намек на польскую действительность. «Если этот зал набит людьми, то это потому, что они пришли на политическую дискуссию, а не философскую», – без обиняков заявил Л. Хасс. В свою очередь в Клубе хорошей работы (размещавшемся в том же здании, что и ККК) с негативными отзывами о системе политического и экономического управления в ПНР выступили В. Беньковский и Э. Липиньский. Последний доказывал преимущества многопартийности для Польши в сравнении с властной монополией ПОРП¹⁷⁵.

Весной 1963 г. были закрыты популярные еженедельники «Новая культура» и «Пшеглэнд культуральный», что стало еще одним ударом по свободомыслию в партийных рядах. Волевым решением они были объединены в один журнал «Культура» (явно в противовес парижской «Культуре»), что стало большой неожиданностью как для читателей, так и для редколлегий. Несмотря на периодические перестановки в составах редакций и критические замечания в адрес публикуемых материалов, в целом позиции еженедельников выглядели прочными. Особенно это касалось «Новой культуры», где до декабря 1961 г. пост главного редактора занимал С. Жулкевский. Занимая и другие ответственные должности, он не мог уделять журналу надлежащего внимания. Поэтому его обязанности фактически выполняла энергичная журналистка А. Лисецкая. В 1961 г. коллектив еженедельника решил присудить премию за лучшую книгу года писателю Я. Бохеньскому и его роману «Божественный Юлий» (о временах Юлия Цезаря). В рассуждениях автора о пороках неограниченной власти партийные цензоры усмотрели аналогии с современностью. Журналу не только запретили награждать писателя, но и в очередной раз перетасовали состав редакции, уволив из нее Жулкевского и Лисецкую¹⁷⁶.

В декабре 1961 г. Секретариат ЦК ПОРП принял решение об усилении надзора за творческими объединениями. В частности, отделу культуры ЦК поручалось пристальнее следить за издательской политикой министерства культуры¹⁷⁷. Еще более ужесточить свой курс подстегнули власть выступления И. С. Хрущева и секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева в декабре 1962 г. и марте 1963 г. перед советскими деятелями искусства. Отдел культуры ЦК ПОРП воспринял их как руководство к действию. В докладе партийной верхушке Отдела выделили ряд тезисов из этих выступлений, которые по их мнению следовало взять на вооружение: мирное сосуществование может быть только в политике, но не в идеологии; не существует людей, безразличных

к партии – либо ты за, либо против; по поводу свободы творчества – есть свобода борьбы за коммунизм, и нет свободы борьбы против него, а высший критерий ценности искусства – его принятие народом; формализм и абстракционизм как явления, оторванные от жизни, не могут способствовать ее преобразованию; соцреализм – это наиболее новаторское и прогрессивное направление искусства, и др. При этом отдел культуры ЦК призывал учесть польскую специфику при применении этих тезисов на практике: наличие идейно разнородных направлений в культуре; 2) более опосредованное толкование связи искусства с идеологией и политикой, и столь же опосредованное толкование воспитательных задач литературы; 3) более широкая интерпретация проблемы условности и формалистских поисков в искусстве; 4) тесные связи польской культуры с западными веяниями¹⁷⁸.

Уже в апреле на стол секретаря ЦК ПОРП Р. Стшелецкого, отвечавшего за идеологию и силовые ведомства, лег доклад руководителя Отдела культуры ЦК о «тенденциозном» освещении советской культуры в еженедельнике «Политика». В докладе констатировалось, что газета дает субъективную подборку произведений советской литературы, делая упор на «обличительные» книги, которые оказались под огнем критики в СССР¹⁷⁹. В том же месяце сгустились тучи над «Пшеглэндом культуральным», который обвинили в самовольном объявлении конкурса на лучшее эссе и репортаж в честь 20-летия Народной Польши¹⁸⁰. Казалось бы, более суровому наказанию должна была подвергнуться «Политика», где собралось немало бывших журналистов «По prostu». Однако расправа постигла именно «Пшеглэнд культуральный». В мае в Отделе культуры была составлена докладная записка о необходимости объединения «Пшеглэнда культурального» и «Новой культуры» в один журнал, поскольку оба еженедельника не противостояли зарубежному влиянию в искусстве, не развивали марксистскую критику, не разъясняли культурную политику ПОРП и вообще ориентировались только на варшавские культурные сообщества¹⁸¹. Решение готовилось в спешке, так как еще в середине мая не был известен не только состав редакции нового издания, но даже его название¹⁸². Лишь 23 мая был назначен главный редактор, а журналу присвоили рабочее название «Культура»¹⁸³. Учитывая поднявшееся недовольство, В. Гомулка пообещал лично встретиться с главными редакторами ликвидированных изданий и обсудить условия дальнейшего трудоустройства их коллективов¹⁸⁴. Пока же новый еженедельник подвергся бойкоту со стороны интеллигенции, причем не только «фрондирующей», но и вполне лояльной режиму. Дело дошло до того, что 13 ноября 1963 г. редколлегия «Культуры» обратилась в Отдел культуры ЦК с жалобой на «кампанию травли», развернутую на страницах польской печати и поддержанную радио «Свободная Европа». Как

явствовало из текста обращения, особенно коллектив журнала был возмущен позицией А. Лисецкой, которая обвиняла издание в опорочивании марксизма и социализма, а также в воспевании довоенной традиции¹⁸⁵. Странные на первый взгляд утверждения становятся понятны, если учесть, что антимарксистская позиция была дежурным аргументом при очернении того или иного человека либо организации в Народной Польше.

Борьба за возвращение соцреализму доминирующих позиций и усиление партийного контроля за творческим процессом началась в Польше в 1960 г. Именно тогда Секретариат ЦК принял ряд циркуляров, направленных на «усиление бдительности» партийных органов в кинематографии, изобразительных искусствах, радио, телевидении¹⁸⁶. В декабре 1961 г. Секретариат ЦК поручил Отделу культуры ЦК изменить методы работы в СПЛ и более решительно проводить там политику партии, а также усилить надзор за издательской деятельностью; предписал воеводским комитетам ПОРП и министерству культуры более пристально следить за театральным репертуаром; распорядился создать партийную комиссию для изучения ситуации в кинематографе¹⁸⁷.

Наиболее полное выражение эта линия получила на XIII пленуме ЦК ПОРП (июль 1963 г.), где В. Гомулка констатировал, что на идеологическом фронте до сих пор наблюдались слабости и недоработки, и поручил усилить данное направление деятельности. В частности, он потребовал прекратить «лечение сном» неблагоденствующих партийных литераторов и жестко поставить вопрос об их политическом облике. Для решения этой задачи и усиления борьбы с «чуждыми влияниями» ЦК ПОРП вернулся к мысли образовать Идеологическую комиссию в Секретариате¹⁸⁸.

XIII пленум многие восприняли как сворачивание «оттепели». Например, среди краковских журналистов и литераторов раздавались голоса, что «пленум свидетельствует об окончании октябрьской свободы... независимо от того, что на нем говорилось и в какой форме», что «снова придется писать на заказ», а пространство свободы, и без того небольшое, будет еще больше сужено¹⁸⁹. Многие варшавские литераторы (К. Выка, А. Сандауэр, А. Ковальская и др.) выражались в том духе, что «снова пришло время ждать и терпеть». «Серьезные писатели сумеют пережить трудный период, так как имеют на это средства, – говорилось в этих кругах. – Наилучшие же условия созданы сейчас молодым карьеристам и “позитивным” графоманам»¹⁹⁰. Первичная парторганизация варшавского отделения СПЛ провела закрытое заседание, посвященное пленуму. Целью заседания был переход в наступление на ревизионистов. Однако часть партийных писателей, до той поры сохранявших полную лояльность партии (А. Браун, Г. Лясота, А. Слуцкий, Р. Карст, Р. Матушевский), неожиданно выступила против закручивания гаек в области культуры, а также

подняла вопрос об антисемитизме в Польше¹⁹¹. Этот демарш, как можно предположить, был связан с подковерной борьбой в ПОРП, а именно – с исключением из состава Политбюро последнего влиятельного «пулавянина» Р. Замбровского (что произошло на XIII пленуме). В этом все увидели призрака наступления «натолинцев» – группировки, которая, казалось, потерпела бесповоротное поражение в 1956 г.

Начиная с 1959 г. В. Гомулка все более отстранял от власти людей, отождествлявшихся с реформаторским крылом ПОРП. В период с 1959 по 1961 год из состава ЦК были выведены Е. Моравский, В. Матвин, Е. Альбрехт, сняты со своих постов руководитель Главного политического управления Войска Польского Я. Жажицкий, командующий внутренними войсками В. Комар, командующий военно-воздушными силами Я. Фрей-Белецкий, министр просвещения В. Беньковский, министр высшего образования С. Жулкевский. Зато все большую силу набирала пришедшая на смену «натолинцам» группировка «партизан» во главе с заместителем министра внутренних дел М. Мочаром (с 1964 г. – министр и председатель ЗБОВИД). Эта фракция делала упор на патриотическую риторику и провозглашала лозунг борьбы с сионизмом (недвусмысленный намек на еврейское происхождение многих «пулавян»)¹⁹². Это сильно беспокоило сторонников реформаторского крыла в ПОРП. Уже в январе 1959 г. проблему антисемитизма затронул А. Шафф, выступая с докладом в Клубе кривого колеса¹⁹³. Исключение Р. Замбровского из Политбюро многие истолковали как продолжение политики на устранение евреев из властных структур (в связи с чем ожидали скорого снятия Л. Касмана с поста главного редактора «Трибуны люду»)¹⁹⁴. Опасения эти были небезосновательны. В 1960 г. руководителем Административного отдела ЦК назначили знаменитого «генерала-трубу» К. Виташевского, который прославился, среди прочего, тем, что виновными в событиях 1956 г. называл «расу, прессу и тех, кто со школьными дипломами».

Примечания

¹ См.: *Władysław W. Na czołówiec. Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa–Łódź, 1989. S. 367.*

² *Choniawko A. Przebieg wydarzeń czerwcowych w Poznaniu // Wydarzenia czerwcowe w Poznaniu w 1956. Pod red. E. Makowskiego. Poznań, 1981. S. 37, 41.*

³ *Rykowski Z., Władysław W. Polska próba: Październik 56. Kraków, 1989. S. 160.*

⁴ *Fijałkowska B. Polityka i twórcy (1948–1959). Warszawa, 1985. S. 360–361; AAN. PZPR KC. 237/XVIII-107. K. 6–10, 57–62, 120–123, 150–153, 200–207, 265–266.*

- ⁵ AAN PZPR KC. 237/XVIII-107. К. 6–10, 150–153, 200–207.
- ⁶ *Jedlicki W.* Chamy i żydy // *Kultura* (Paryż), 1962, № 12. S. 12.
- ⁷ *Władyka W.* Op. cit. S. 119–120.
- ⁸ AAN. PZPR KC. 237/XVIII–142. К. 13.
- ⁹ *Ibid.* К. 12.
- ¹⁰ Цит. по: *Орехов А. М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 52.
- ¹¹ *Fijałkowska B.* Op. cit. S. 375; AAN. PZPR KC. 237/XVIII–107. К. 42–62, 144–146, 150–153; AAN. PZPR KC. 237/XVIII–108. К. 1–21.
- ¹² *Fijałkowska B.* Op. cit. S. 375; AAN. PZPR KC. 237/XVIII–107. К. 223.
- ¹³ *Fijałkowska B.* Op. cit. S. 362; AAN. PZPR KC. 237/XVIII–108. К. 49–56.
- ¹⁴ AAN. PZPR KC. XI/961. К. 54–55.
- ¹⁵ *Jarosz D.* Polacy a stalinizm. 1948–1956. Warszawa, 2000. S. 180.
- ¹⁶ AAN. PZPR KC. 237/XVIII–153. К. 82–104.
- ¹⁷ *Kotakowski L.* Główne nurty marksizmu. Londyn, 1988. S. 1156.
- ¹⁸ *Tyrmand L.* Sprawa Piaseckiego // *świat*, 1956, № 47.
- ¹⁹ AAN. PZPR KC 237/XVIII–108. К. 46–47.
- ²⁰ *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL. Londyn, 1994. S.94.
- ²¹ *Garztecki J.* Klub Krzywego Koła // *Tygodnik Demokratyczny*, 1989, № 10.
- ²² AIPN 0236/175 t. 2. К. 96, 132.
- ²³ *Ibid.* К. 389.
- ²⁴ *Jedlicki W.* Klub Krzywego Koła. Paryż, 1963. S. 77.
- ²⁵ *Нё.: Wilcz-Grzędzińska E.* Klub Krzywego Koła // *Tygodnik Demokratyczny*, 1989, № 3; *Jedlicki W.* Klub... S. 13; AIPN 0236/175, t. 2. К. 93.
- ²⁶ AIPN 0236/175 t. 1. К. 5.
- ²⁷ *Ibid.* К. 12–13.
- ²⁸ *ĀAN.* PZPR KC. 237/XVIII–107. К. 75–77.
- ²⁹ AIPN 0236/175, t. 1. К. 25–26.
- ³⁰ AIPN 01334/371. К. 9.
- ³¹ *Ibid.* К. 14.
- ³² AIPN 0236/175, t. 1. К. 31–100.
- ³³ *Ibid.* К. 94.
- ³⁴ *Ibid.* К. 94–95.
- ³⁵ Об этом прямо говорилось в надписи на титульном листе доклада (*Ibid.* К. 31).
- ³⁶ *Ceranka P.* Op. cit. S. 94–96.
- ³⁷ *Jedlicki W.* Klub... S. 77.

- ³⁸ *Friszke A.* Op. cit. S. 94.
- ³⁹ Trybuna ludu. 1956. 01.07; *Friszke A.* Op. cit. S. 94; ПГАНИ Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 128.
- ⁴⁰ *Szczurkowski R.* Kluby inteligencji // Robotnik (Londyn), 1956, а 12. *Zabłocka-Skupieńska D.* Kluby inteligencji. 1955–1957 // Chrześcijanin w świecie. Zeszyty ODiSS. X. 1986, № 157. S. 32–33; *Maziarski J.* Od ZMP do ZMS // Tygodnik Powszechny, 1957, № 40.
- ⁴¹ AIPN 0236/175 t. 2. K. 112.
- ⁴² AIPN 01334/371. K. 13.
- ⁴³ Цит. по: *Władyka W.* Op. cit. S. 45.
- ⁴⁴ *Ambroziewicz J., Namiotkiewicz W., Olszewski J.* Na spotkanie ludziom z AK // Po Prostu. Wybór... S. 115–125.
- ⁴⁵ Co robić? // Co się dzieje w ZMP? Pod red. W. Winkiel i S. Wojtas. Warszawa, 1956. S. 81.
- ⁴⁶ См.: *Władyka W.* Op. cit. S. 223–226.
- ⁴⁷ *KAT.* Z własnego prawa bez nadania // *Władyka W.* Op. cit. S. 228–230.
- ⁴⁸ *Władyka W.* Op. cit. S. 66.
- ⁴⁹ *Friszke A.* Op. cit. S. 85.
- ⁵⁰ Ōčň. đŤ: *Friszke A.* Op. cit. S. 103.
- ⁵¹ См.: Zielony Sztandar, 1956, № 28.
- ⁵² Co się dzieje w ZMP?.. S. 96.
- ⁵³ For the restoration of the citizen's right. Report by Antony Slonimski before the 19th Session of the Council of Culture and Art, march 24–25, 1956 // National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe. New-York, 1957. P. 49–54.
- ⁵⁴ AAN. PZPR KC 237/XVIII–108. K. 44–48.
- ⁵⁵ AAN. PZPR KC 237/XVIII–153. K. 82.
- ⁵⁶ Ibid. K. 86–93.
- ⁵⁷ Ibid. K. 94, 96, 103–104.
- ⁵⁸ *Drozdowski M. M.* Warszawa wobec wydarzeń poznańskich // Wydarzenia czerwcowe... S. 131.
- ⁵⁹ *Godek W., Turski R.* Program // Po Prostu. Wybor... S. 245–255.
- ⁶⁰ Фраза А. Рапацкого звучала несколько иначе: «Ничего о вас без вас» (Co robić? // Co się dzieje w ZMP?.. S. 86).
- ⁶¹ *Walczak J.* Ruch studencki w Polsce. 1944–1984. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1990. S. 111–112.
- ⁶² Z dyskusji na III Plenum Zarządu Głównego ZMP // Co się dzieje w ZMP?.. S. 204–206.
- ⁶³ *Friszke A.* Op. cit. S. 86–87.
- ⁶⁴ AIPN 0236/175 t. 2. K. 115.

- ⁶⁵ *Piasecki B.* Instykt państwowy // Słowo Powszechne, 16.10.56, № 248.
- ⁶⁶ AIPN BU 01334/371. K. 17.
- ⁶⁷ *Walczak J.* Op. cit. S. 113–114, 116.
- ⁶⁸ *Władyka W.* Op. cit. S. 385–416.
- ⁶⁹ *Zimand R.* Kilka zwykłych dni we Wrocławiu // Po prostu, 1956, № 50.
- ⁷⁰ *Kossak J., Turcki R., Zimand R.* Internacjonalizm // Po prostu, 1956, № 44.
- ⁷¹ *Kotakowski L.* Intelktualiści a ruch komunistyczny // Nowe Drogi, 1956, № 9. S. 23.
- ⁷² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 128–135.
- ⁷³ AIPN 0236/175 t. 2. K. 116.
- ⁷⁴ *Turcki R., Lasota E.* Polski Październik // Po prostu, 1956, а 45.
- ⁷⁵ Т. Штембош относил послевоенное харцество к одной из форм открытой антикоммунистической оппозиции, наравне с Польской крестьянской партией (ПСЛ) и Партией труда (СИ). См.: *Strzembosz T.* Polacy w PRL: sprzeciw, opozycja, opór (Zachowania opozycyjne w systemie totalitarnym) // Arkana (Kraków), 2000, № 5. S. 127.
- ⁷⁶ См.: *Friszke A.* Op. cit. S. 88–89.
- ⁷⁷ Co robić? // Co się dzieje... S. 82–83.
- ⁷⁸ *Friszke A.* Op. cit. S. 75–76.
- ⁷⁹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 38. П. 27. Д. 178. Л. 32–33.
- ⁸⁰ См.: *Jordan Z.* Ideologia lewicy marksistowskiej // Kultura (Paryż), 1957, № 1–2. S. 21.
- ⁸¹ *Godek W., Turcki R.* Program // Wybor... S. 253.
- ⁸² Z dyskusji na III Plenum Zarządu Głównego ZMP // Co się dzieje... S. 189.
- ⁸³ *Chelstowski S., Godek W.* Pierwszy zwiad // Po prostu, 1956, № 45; *Kossak J., Lasota E., Wirpsza W.* Przywódca czy administrator // Po prostu, 1956, № 46.
- ⁸⁴ Цит. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 122.
- ⁸⁵ Там же. Л. 128–135.
- ⁸⁶ Там же. Л. 31–39.
- ⁸⁷ *Starsky S.* Class struggle in classless Poland. Boston, 1982. P. 25.
- ⁸⁸ AAN. PZPR XIA/42. K. 45–53.
- ⁸⁹ *Zaremba M.* Biedni Polacy 68. Społeczeństwo polskie wobec wydarzeń marcowych w świetle raportów KW i MSW dla kierownictwa PZPR // Marzec 1968. Trzydzieści lat później. Т. 1. Pod red. M. Kuli, P. Oseki i M. Zaremby. Warszawa, 1998. S. 168.
- ⁹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 9–14.
- ⁹¹ Цит. по: *Юсупов Р. Р.* Польская интеллигенция в период народной демократии. 1944–1980 гг. Казань, 1998. С. 256.
- ⁹² *Sołtysiak G.* Żołnierze Partii // Gazeta Wyborcza, 11.12.93.
- ⁹³ *Eisler J.* Marzec 1968... S. 28–29.

- ⁹⁴ *Sołtysiak G.* Op. cit.; AAN. PZPR KC IX/907. K. 3–4, 15–17, 42–64.
- ⁹⁵ См, например: *Kołąkowski L.* Tendencje, perspektywy i zadania // *Życie Warszawy*, 4.02.57; *Колаковский Л.* Похвала... С. 2–21.
- ⁹⁶ *Toeplitz K. T.* “Normalność” // *Przegląd Kulturalny*, 1962, № 32; *Kijowski A.* Kto nas budzi? Kto usypia? // *Przegląd Kulturalny*, 1962, № 36; *Beylin P.* Niepokoje amerykańskie i nasze // *Przegląd Kulturalny*, 1963, № 1.
- ⁹⁷ *ĀAN. PZPR KC 237/XVIII–180.* K. 62–64.
- ⁹⁸ *Echrllich S.* Sejm i partia // *Nowa Kultura*, 1956, № 47.
- ⁹⁹ *Jordan Z.* Op. cit. S. 19.
- ¹⁰⁰ *AIPN 01334/371.* K. 35–36.
- ¹⁰¹ *АВП РФ. Ф. 122. Оп. 39. Пор. 36. П. 140. Д. 728. Л. 6;* *Орехов А. М.* Указ. соч. С. 241–243.
- ¹⁰² *АВП РФ. Ф. 122. Оп. 39. Пор. 36. П. 140. Д. 728. Л. 11, 20–21.*
- ¹⁰³ *AAN. PZPR KC XIA/217.*
- ¹⁰⁴ *AIPN MSW DSA AK/29.* K. 64.
- ¹⁰⁵ *Ibid.* K. 69.
- ¹⁰⁶ Цит. по: *Калугина Т. Г.* Указ. соч. С. 202.
- ¹⁰⁷ *АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 747. Д. 1383. Л. 469.*
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 342.
- ¹⁰⁹ О współpracy marksistów i katolików // *Po prostu*, 1957, № 14.
- ¹¹⁰ *Колаковский Л.* Похвала непоследовательности. Firenze, 1974. С. 22–63.
- ¹¹¹ *Pomianowski J.* Cena krachu polityki barona Muenchausena // *Nowa Kultura*, 1957, № 15.
- ¹¹² *Eilstein H.* «Rewizjonizm»–«dogmatyzm» // *Nowa Kultura*, 1957, № 17.
- ¹¹³ *Żarnowska A., Drozdowski M.* Spór o dług i skarb // *Przegląd Kulturalny*, 1957, № 9.
- ¹¹⁴ *Hochfeld J.* Rewizje i tradycje // *Przegląd Kulturalny*, 1957, № 15.
- ¹¹⁵ *Kołąkowski L.* Tendencje, perspektywy i zadania // *Życie Warszawy*, 4.02.1957.
- ¹¹⁶ Фронт национального единства (В. Гомулка, С. Игнар, С. Кульчинский, Я. Франковский). Варшава, 1956. С. 20–22.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Maneli M.* Wokół marksistowskiej teorii prawdy // *Przegląd Kulturalny*, 1959, № 32.
- ¹¹⁸ *Czerwiński M.* Contra Schaff // *Przegląd Kulturalny*, 1957, № 13.
- ¹¹⁹ *Przyboś J.* Ciąg dalszy rozmowy // *Przegląd Kulturalny*, 1960, № 45.
- ¹²⁰ *Phużański T.* Czy kanonizacja Giordano Bruno? // *Nowa Kultura*, 1957, № 41.
- ¹²¹ *Jankowski H.* Wokół filozofii człowieka // *Przegląd Kulturalny*, 1961, № 50.

¹²² *Toeplitz K. T.* «Normalność» // *Przegląd Kulturalny*, 1962, № 32; *Kijowski A.* Kto nas budzi? Kto usypia? // *Przegląd Kulturalny*, 1962, № 36; *Bejlin P.* Niepokoje amerykańskie i nasze // *Przegląd Kulturalny*, 1963, № 1.

¹²³ *Bejlin P.* Filozoficzne spory w marksizmie // *Przegląd Kulturalny*, 1963, № 21; *Idem.* O potrzebie współczesnego świata albo O zaangażowaniu // *Przegląd Kulturalny*, 1959, № 51–52.

¹²⁴ *Колаковский Л.* Похвала... С. 19.

¹²⁵ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 41. П. 148. Д. 720. Л. 4.

¹²⁶ *Szacki J.* Kilka uwag o marksizmie dzisiejszym // *Przegląd Kulturalny*, 1957, № 16.

¹²⁷ O współpracy... // *Po prostu*, 1957, № 14.

¹²⁸ *Friszke A.* Op. cit. S. 137–138.

¹²⁹ *Borowska M., Balcerzak J., Gilejko L.* Rady czy system rad? // *Po prostu*, 1957, № 1; *Chelstowski S., Godek W.* Samorząd robotniczy w niebezpieczeństwie // *Po prostu*, 1957, № 3.

¹³⁰ *Ejsler J.* Marzec 1968... S. 89–90, 93.

¹³¹ *Friszke A.* Op. cit. S. 138–139.

¹³² *Przegląd Kulturalny*, 1957, № 36, 44; 1961, № 29, 31; 1962, № 20.

¹³³ *Friszke A.* Op. cit. S. 141–142; *Jedlicki W.* Op. cit. S. 135.

¹³⁴ *Lipiński E.* Prywatna inicjatywa? // *Nowa Kultura*, 1957, № 7; Co będzie za 10 lat? // *Przegląd Kulturalny*, 1957, № 16.

¹³⁵ Ńż.: *Perspektywy kapitalizmu* // *Przegląd Kulturalny*, 1960, № 39.

¹³⁶ *List S. Kurowskiego do W. Gomułki* // *Listy do pierwszych sekretarzy KC PZPR (1944–1970). Wybór i oprac. J. Stępień.* Warszawa, 1994. S. 225–230.

¹³⁷ *Pajestka J.* O sytuacji gospodarczej i perspektywie // *Przegląd Kulturalny*, 1963, № 20; *Brus W.* Rozważania na półmetku // *Przegląd Kulturalny*, 1963, № 21.

¹³⁸ *Pajestka J.* Swoboda wymiany // *Przegląd Kulturalny*, 1959, № 50.

¹³⁹ *Schaff A.* Humanizm czy rewizjonizm? // *Przegląd Kulturalny*, 1962, № 38.

¹⁴⁰ *Schaff A.* Op. cit.; *Wieczorkowski A. J.* Nad paryską “Kulturą” // *Przegląd Kulturalny*, 1957, № 8.

¹⁴¹ *Юцынов П. П.* Указ. соч. С. 273.

¹⁴² AAN. PZPR KC 237/ XVIII–109. K. 20–24; 237/XVIII–172. K. 1–2.

¹⁴³ AAN. PZPR KC 237/XVIII–172. K. 3–8.

¹⁴⁴ *Записки некоторых из упомянутых литераторов с обоснованием такого шага см.: AAN. PZPR KC 237/XVIII–183. K. 1–5.*

¹⁴⁵ AAN. PZPR KC 237/XVIII–172. K. 1–2.

¹⁴⁶ Цит по: *Орехов А. М.* Указ соч. С. 257.

- 147 Там же. С. 258.
- 148 AAN. PZPR KC 237/XVIII-172. К. 13-14.
- 149 Ibid. К. 68-69.
- 150 Ibid. К. 134-137.
- 151 AAN. PZPR KC 237/XVIII-180. К. 1-161.
- 152 Юсупов П. П. Указ. соч. С. 278-279.
- 153 AAN. PZPR KC 237/XVIII-227. К. 1-2.
- 154 Mieroszewski J. Wizyta u Luboniów // Kultura (Paryż), 1962, № 12. S. 16.
- 155 Persak K. Sprawa Henryka Hollanda. Warszawa, 2006. S. 226-262.
- 156 Eisler J. Marzec 1968... S. 32.
- 157 Цит. по: Ceranka P. Zamknięcie Klubu Krzywego Koła // Zeszyty historyczne, 2006, zesz. 158. S. 74.
- 158 Ibid.
- 159 AIPN 01334/371. К. 26-27.
- 160 AIPN 0236/175. Т. 3. К. 20.
- 161 Ibid. К. 59-63.
- 162 Ibid. К. 29-31.
- 163 Ibid. К. 65.
- 164 Ibid. К. 44.
- 165 Ibid. К. 52.
- 166 Ibid. К. 69-70.
- 167 Ibid. К. 37-39.
- 168 AIPN 0236/175 т. 2. К. 28.
- 169 Ceranka P. Op. cit. S. 78-79.
- 170 AIPN 0236/175 т. 2. К. 91-160.
- 171 Ibid. К. 384.
- 172 AIPN 0236/175 т. 3. К. 110.
- 173 Jedlicki W. Klub... S. 156.
- 174 Ceranka P. Zamknięcie Klubu Krzywego Koła // Zeszyty Historyczne (Paryż), 2006, z. 158. S. 91-92.
- 175 AIPN 0365/9 т. 2. Informacja ą 1/3/63. К. 1-6, 21-28; AIPN 0236/248 т. 3. К. 40-50.
- 176 Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. 1956-1989. Т. 1. Warszawa, 2000. S. 44-45; AAN. PZPR KC 237/XVIII-218. К. 77.
- 177 AAN. PZPR KC 237/XVIII-186. К. 48.
- 178 AAN. PZPR KC 237/XVIII-193. К. 203-211.
- 179 Ibid. К. 216-220.

- 180 AAN. PZPR KC 237/XVIII-218. K. 103-105.
- 181 AAN. PZPR KC 237/XVIII-193. K. 236-242.
- 182 AAN. PZPR KC 237/XVIII-218. K. 120.
- 183 Ibid. K. 121.
- 184 AAN. PZPR KC 237/XVIII-194. K. 1-5.
- 185 AAN. PZPR KC 237/XVIII-218. K. 132-139.
- 186 AAN. PZPR KC 237/XVIII-186. K. 14-44.
- 187 Ibid. K. 48.
- 188 *Gomulka*. O aktualnych problemach i ideologicznej pracy partii. Warszawa, 1963. S. 37, 43, 75.
- 189 AIPN 0365/8 t. 2. K. 101-103.
- 190 AIPN 0365/32 t. 2. K. 29.
- 191 AAN. PZPR KC 237/XVIII-194. K. 110-130.
- 192 *Friszke A.* Polska. Losy państwa i narodu. 1939-1989. Warszawa, 2003. S. 253.
- 193 AIPN 0236/175. K. 29-31.
- 194 AIPN 0365/8 t. 2. K. 86-87.

Глава вторая

Внутрипартийные течения оппозиции от XIII пленума ЦК ПОРП до студенческих выступлений 1968 года

1. Развитие «ревизионистской» критики в 1964–1968 годах

В начале 1960-х годов казалось, что правящая элита сумела справиться с основными очагами «ревизионизма» в науке и культуре. Проводники партийной линии в Союзе польских литераторов рапортовали начальству об ослаблении оппозиционной деятельности среди польских писателей¹. Окончательным ударом по недовольным в рядах партийных писателей должно было стать дробление первичной парторганизации в СПЛ и перевод некоторых ее членов в партийные организации больших предприятий. Этот план, позаимствованный у советских коллег, был предметом беседы Э. Охаба с представителем исполкома первичной парторганизации СПЛ в декабре 1961 г. и встретил полное одобрение².

Однако в конце ноября 1962 г. на заседании первичной парторганизации СПЛ с резкой критикой работы исполкома, а также правления СПЛ выступила А. Лисецкая. По ее мнению, некие самозванцы (речь шла о Е. Путрамента) неправильно информировали руководство партии о ситуации в литературном сообществе. Именно по этой причине сложилось положение, когда из-за действий цензуры советская литература пользовалась куда большей свободой у себя в стране, чем польская в ПНР. Лисецкая потребовала перевыборов исполкома и 90% правления СПЛ. Ее поддержали В. Ворошильский, К. Брандыс, Л. Пшемский, А. Браун и некоторые другие члены первичной парторганизации³. Такая критика в преддверии очередного съезда СПЛ в декабре 1962 г. звучала особенно грозно. Обнадеживающим фактом для власти явилось то, что ряд закоренелых «ревизионистов» (Важик, Яструн и др.) решил не баллотироваться в делегаты съезда⁴. И действительно, несмотря на отдельные выпады против цензуры, критика в ее адрес звучала на съезде уже куда более умеренно, чем четырем годами ранее, и носила характер не требований, а нареканий. На этом фоне едва ли не самой радикальной оказалась речь Я. Ивашкевича, который упрекнул власть в неумении прислушиваться к часто справедливому недовольству писателей и выражал озабоченность ухудшением их материального положения. Главным же вопросом, обсуждавшимся на съезде, был острый недостаток бумаги для издания художественной литературы⁵.

17–18 января 1964 г. в Варшаве было созвано расширенное заседание Главного правления СПЛ. По данным Службы безопасности, о его созыве ходатайствовала «группа “Европы”», хотя официальная инициатива исходила от Я. Ивашкевича. Судя по всему, оппозиция воспринимала это собрание как решительную схватку и тщательно готовилась к нему: в конце декабря и в первой половине января участники писательской «фронды» (Е. Анджеевский, П. Герц, Я. Котт, А. Важик, А. Ковальская, М. Яструн, Р. Матушевский и др.) провели две неформальные встречи, где согласовали тактику действий. На заседании присутствовало около 200 человек, съехавшихся со всей Польши. Многие выступавшие остро критиковали работу правления, действия цензуры и всю культурную политику партии. В этой связи не раз вспоминалось упразднение «Новой культуры» и «Пшеглэнда культурального», и создание на их базе «Культуры» – этого «худшего из всех возможных журналов», по выражению А. Слонимского, поскольку он «действует под охраной цензуры... и с ним нельзя полемизировать». Несмотря на то, что такие взгляды получили отпор со стороны лояльных партии писателей, в целом, как подытожили авторы информационной записки для СБ, «нынешний пленум... не сильно отличался от съезда писателей во Вроцлаве (в 1958 г. – В. В.)»⁶. По окончании собрания оппозиция продолжала проводить неофициальные встречи, на которых среди прочего обсуждалась возможность создания «блока самообороны» для защиты польской культуры⁷. 5 февраля 1964 г. на общем собрании варшавского отделения СПЛ снова поднимался вопрос о недостатке бумаги и бесцеремонном вмешательстве цензуры в творческий процесс. На этом собрании оппозиции удалось добиться избрания П. Герца в правление СПЛ. 24 февраля в Варшаве без согласия большинства правления прошла встреча «писательского актива» для выработки общей позиции по вопросу создания взамен закрытых еженедельников нового журнала и обращения с этим требованием в инстанции, причем, эту инициативу поддержали также писатели, не принадлежавшие к оппозиции⁸.

Наконец, 14 марта грянул гром. Тридцать четыре заслуженных представителя польской науки и культуры (среди них Е. Анджеевский, А. Ковальская, П. Герц, А. Рудницкий, Я. Котт, М. Яструн, Э. Липиньский, С. Дыгат, Я. Щепаньский, К. Выка, А. Важик и др.) направили письмо премьер-министру Ю. Циранкевичу, в котором заявляли: «Ограничение количества бумаги на издание книг и журналов, а также ужесточение цензуры создают угрожающую ситуацию для развития национальной культуры. Мы, нижеподписавшиеся, признавая наличие общественного мнения, права на критику, свободную дискуссию и правдивую информацию необходимым элементом прогресса, движимые гражданской заботой, требуем изменения культурной политики в духе

прав, гарантированных Конституцией польского государства и сообразных с благом нации»⁹. Две недели власть никак не реагировала на это письмо. Между тем сведения о нем просочились за рубеж, и вскоре его содержание огласило радио «Свободная Европа». В литературных кругах начали шириться комментарии относительно такого шага писателей и ученых. Варшавские литераторы и журналисты, согласно донесениям СБ, восприняли новость о появлении письма со смесью злорадства и снисходительной усмешки. Те из представителей печатных изданий, которые подвергались нападкам со стороны оппозиционеров, надеялись, что этот шаг заставит власть перейти к решительным мерам в отношении непокорной интеллигенции. Многие высказывались в том смысле, что ситуация, конечно, тяжелая, но подобные выступления не принесут ничего, кроме новых неприятностей. Составителей письма называли «донкихотствующими стариками». «Большинство... журналистов, – общались сотрудники СБ, – согласны во мнении, что во-первых, руководство партии и правительства должно официально выразить свое отношение к высказанным упрекам... а во-вторых, передача подобных документов в западные страны заслуживает резкого осуждения»¹⁰.

Некоторые из тех, кто позитивно отнесся к письму, критиковали его авторов за отсутствие конкретики и вовлечение в затею «реакционных» деятелей (таких как С. Цат-Мацкевич). «Волнение по поводу письма вышло за пределы литературного сообщества, – констатировала СБ в майском отчете. – ...Оно вызвало многочисленные комментарии творческой интеллигенции, ученых и журналистов, выдержанные в негативном для партии духе. Отмечены также отдельные случаи письменной благодарности участникам группы “34-х”. Им выражают признательность “за мужественную и патриотическую позицию в деле защиты польской национальной культуры”»¹¹.

Поняв, что шила в мешке не утаишь, власть перешла к действиям. Представитель польского МИД провел пресс-конференцию для репортеров западных агентств, где высказал официальную позицию власти по этому вопросу. Одновременно всем подписавшим письмо было запрещено печататься, выступать в СМИ и выезжать за границу. Служба безопасности начала следствие по делу об утечке информации за рубеж.

В западных средствах массовой информации началась кампания в защиту преследуемых. С протестом против ущемления свободы слова в Польше выступили многие деятели культуры: Гор Видал, Роберт Пенн Уоррен, Сол Беллоу, Элиа Казан, Норман Майлер, Артур Миллер и др. В этой ситуации Я. Ивашкевич, находившийся тогда в Италии, направил послание премьер-министру ПНР. Он назвал «Письмо 34-х» «идиотским шагом серьезных вроде бы людей», но выразил протест против их преследования. «Письмо» он счел

вотумом недоверия самому себе как председателю Главного правления СПЛ, в связи с чем просил об оставке по собственному желанию¹². Отставка эта принята не была. 8 апреля некоторые из «подписантов» (К. Выка, Э. Липиньский, С. Дыгат, А. Ковальская, Е. Анджеевский, А. Рудницкий, Т. Котарбиньский, Е. Загурский, М. Домбровская, Я. Щепаньский, Я. Парандовский, К. Эстрайхер, А. Гейштор, Ю. Кшижановский) были приглашены на встречу с Ю. Циранкевичем. На встрече также присутствовали Ю. Пшибось, А. Шафф, секретарь ЦК ПОРП профессор Х. Яблоньский, Е. Путрамент и вице-председатель Главного правления СПЛ А. Малишевский. Судя по всему, А. Шафф и Х. Яблоньский были призваны идеологически уравновесить дискуссию, Путрамент представлял партийных писателей, Малишевский заменял отсутствовавшего Ивашкевича, а Пшибось должен был воздействовать на оппозиционеров как пример «раскаявшегося грешника» (в 1962 г. он заявил о «пересмотре своего отношения к социализму», т. е. об отходе от оппозиции¹³). Как явствует из рассказов участников этой встречи, активнее всех атаковали «подписантов» Шафф и Пшибось, в то время как Циранкевич разыгрывал благодушного хозяина и сокрушался по поводу того, что содержание «Письма» стало известно заграничной прессе¹⁴.

Тем временем В. Намёткевич, секретарь В. Гомулки, подготовил для своего шефа обширную записку о ситуации в СПЛ начиная с 1955 г. По словам Намёткевича, в 1955–1957 годах среди литераторов задавали тон так называемые «левые интеллектуалы» (Е. Анджеевский, П. Герц, Р. Карст, С. Поляк, К. Брандыс, Р. Магушевский, Я. Котт, А. Важик, В. Ворошильский, В. Вирпша, А. Мандалян, А. Браун, Я. Бохеньский и др.), которых поддерживали некоторые «немарксистские деятели» (С. Киселевский, Е. Завейский, П. Ясеница, Я. Ю. Липский), а также ряд партийных публицистов, ученых и чиновников (Л. Колаковский, Р. Зиманд, К. Волицкий, Р. Гранас, С. Сташевский, П. Бейлин, С. Арский, Э. Верфель, С. Жулковский). Общим для них было «своеобразное понимание роли литературы как “совести нации”... Своеобразие этого понимания, – говорилось в записке, – опирается на полное отрицание роли партии как руководящей силы общества. По сути дела, речь идет о противопоставлении литературы партийному руководству». Одну из исходных точек такой позиции Намёткевич усматривал в том, что для этих людей «общим является поиск в [критикуемом ими] “сталинизме” причин собственных писательских неудач и всех бед литературы. Для многих из них понятие “сталинизм” отождествляется с социализмом». Все это приводит к тому, что сообщество «левых интеллектуалов» «склонно принимать на себя функции политической оппозиции». К счастью, продолжал Намёткевич, в последнее время в Польше появилось поколение писателей, которые «серьезно воспринимают

голос партии... и не настолько циничны, как литераторы, что уже пережили все возможные “этапы”» (Э. Брыль, С. Гроховяк, Ю. Ленарт, Б. Дроздовский и др.). Почему-то министерство культуры до недавнего времени пренебрегало ими, всячески поддерживая как раз «левых интеллектуалов». XIII пленум ЦК ПОРП, – констатировал референт, – положил конец этой порочной практике. Такую линию следует приветствовать. «Однако процессы, о которых идет речь, имеют место в области сознания, поэтому решающее воздействие на них оказывает не деятельность аппарата, а более широкое явление – развитие общественно-политической жизни». Пока же «важнейшим вопросом в области взаимодействия партии и литературного сообщества является ежедневная политическая работа [издательского отдела министерства культуры]. Все другие проблемы, как например количество бумаги, размеры гонораров, те или иные настроения, высказывания писателей являются второстепенными...». Отсюда следовал вывод: «пока министерство культуры не введет в руководство издательским делом серьезных товарищей, будут продолжаться искусственно вызванные конфликты во взаимоотношениях партии и литературы»¹⁵.

Интересна эволюция общественных настроений относительно «Письма 34-х», зафиксированная в донесениях СБ. В марте органы госбезопасности сообщали, что «в творческих сообществах господствует убеждение, будто это событие является продолжением серьезной, согласованной политической акции так называемых «либералов» (представленных Слонимским, а также несколькими философами и социологами вроде Л. Колаковского) и группы «бешеных» в парторганизации СПЛ (Ворошильский, Лисецкая, Вирпша и Браун). Часть из них... стремится к тому, чтобы скомпрометировать партийных литераторов из нынешнего руководства СПЛ и не допустить подлинного диалога между творческим сообществом и партийным руководством»¹⁶. В дальнейшем тональность донесений СБ начинает меняться. Из Вроцлава сообщали: «содержание письма... местным журналистам и литераторам известно. Часть из них поддерживает его тезисы...»¹⁷. Краковское отделение СБ информировало: «Известие о том, что литераторы и ученые отправили письмо, дошло до научных сотрудников Ягеллонского университета разными путями из Варшавы и по радио “Свободная Европа”. Это дело обсуждается ими негласно, и из различных высказываний следует, что большинство выражает скорее положительное отношение к содержанию письма... По данным, полученным из литературного сообщества, следует, что в целом содержание письма поддерживается и принимается, однако осуждается то, что перед отправкой его премьеру оно было передано западным корреспондентам и распространялось по всей стране»¹⁸. Из Ополя информировали: «В дискуссиях... первое место занимает широко распространенный слух о протесте... ведущих варшавских писателей

и ученых против ограничения свободы искусства и науки... Говорят, что в отношении подписантов применены суровые меры... Материал для таких дискуссий поставляется главным образом "Свободная Европа"... Кроме того, в среде научных сотрудников... встречается мнение, что цензура в Польше придирчива до абсурда, затрудняя публикацию научных работ...»¹⁹. Из Гданьска доносили: «Ученые... комментируют письмо 34-х, обвиняя в сложившемся положении правительство ПНР и партию. Они утверждают, что среди писателей, направивших письмо, встречаются не только люди с устаревшими взглядами, но также и уважаемые личности, крепко связанные с Народной Польшей. Они считают, что... письмо к власти было протестом против ненормальной ситуации в польской литературе и культуре. Иного мнения придерживается техническая интеллигенция, занятая в кораблестроительной промышленности. Она решительно осуждает письмо 34-х, полагая его вредным в нынешней международной ситуации...»²⁰. В Лодзи председатель тамошнего отделения СПЛ заявил буквально следующее: «В любом случае это нам не повредит, а наоборот, морально поднимет в глазах власти и заграницы... Ведь в свете всех тех скандалов, что у нас творятся, нельзя было молчать»²¹.

Распространением «Письма» занялось студенчество. Первые экземпляры попали в студенческую среду уже 18 марта через выпускника истфака Варшавского университета Е. Р. Новака. Их вручил ему А. Слонимский с предупреждением, чтобы он никому не показывал этого документа, кроме своих знакомых. Представляется, что Слонимский намеренно кривил душой, подготавливая запасной ход на случай дальнейшего молчания правительства. И действительно, Е. Р. Новак передал «Письмо» своему знакомому Я. К. Стодольняку, который размножил его и передал журналисту агентства Франс-Пресс²². Уже в начале апреля во время встречи С. Киселевского со студентами в Ополе звучали вопросы о том, стоит ли его подпись под обращением к премьеру²³. 28 апреля, встречаясь со студентами Варшавского университета, о «Письме» упомянул Е. Путрамент. Он признал частичную правоту его авторов, однако осудил «ультимативный» характер документа, а также то, что он послужил поводом для атак на Польшу со стороны западных СМИ²⁴. В конце апреля массовое распространение «Письма» было отмечено в Гданьском политехническом институте²⁵.

Другим источником сведений о «Письме 34-х» было радио «Свободная Европа». Под влиянием его передач у некоторых студентов Варшавского университета (в частности, у известного впоследствии политика Я. Корвин-Микке) созрела мысль созвать митинг, который и состоялся в университете 14 апреля. На нем зачитали «Письмо», после чего ректор велел студентам немедленно разойтись. Известие о митинге быстро разнеслось по Польше. 16 апреля о нем

на одном из научных собраний Вроцлава сообщил студент К. Коморницкий, 18 апреля листовки с призывом организовать свой митинг были разбросаны в одном из студенческих общежитий Кракова²⁶.

Власть наносила контрудары сразу по нескольким направлениям. Очень быстро были выявлены и задержаны лица, причастные к распространению «Письма 34-х» (например, Я. Ю. Липский). В прессе была развернута кампания, обвинявшая «подписантов» в том, что своими действиями они играют на руку враждебным центрам за рубежом. На них оказывали давление с целью заставить написать опровержение «заграничных инсинуаций» о репрессиях, будто бы постигших подписантов. Многие поддались натиску. 22 апреля в газете «Таймс» появилось «Заявление 10-ти» польских ученых и литераторов, поставивших свои подписи под «Письмом 34-х». В нем А. Гейштор, К. Гурский, Л. Инфельд, К. Куманецкий, Ю. Кшижановский, Э. Липиньский, Я. Щепаньский, В. Серпиньский, В. Татаркевич и К. Выка отмежевывались от «антипольской кампании», развернутой в западных СМИ²⁷.

Остальные подписанты «Письма» оказались более стойкими и отказались поддержать «Заявление 10-ти»²⁸. Более того, польский Пен-клуб, председателем которого был один из 34-х — Я. Парандовский, в начале мая большинством голосов отклонил проект резолюции, в котором говорилось о неприятии протеста исполкома Международного Пен-клуба против преследований несогласных²⁹. Тем временем власть развернула новую акцию, теперь уже среди литераторов, призывая их подписать протест против «вмешательства радио «Свободная Европа» во внутренние дела Польши». С этой инициативой выступил член Политбюро З. Клишко, обращаясь к делегатам съезда писателей западных земель в Познани. Он назвал «Письмо 34-х» делом «нескольких поджигателей», озабоченных не благом польской культуры, а совсем иными целями, да к тому же находящихся под влиянием западной пропаганды³⁰.

Тем временем готовилась встреча первого секретаря ЦК ПОРП с Президиумом Правления СПЛ. В преддверии этой встречи Я. Ивашкевич передал В. Гомулке предложения по нормализации обстановки: отменить санкции против «подписантов» (в противном случае Ивашкевич намекал на возможность ухода с поста председателя Правления), увеличить тиражи и количество изданий, изменить состав цензоров, создать новый журнал вместо варшавской «Культуры», активнее подключать Правление СПЛ к разрешению возникающих споров, дать положительный ответ на просьбу М. Домбровской о личной встрече с В. Гомулкой³¹. В итоге последний встретился с членами Президиума, а к М. Домбровской поехал Е. Путрамент. Из всего этого литераторы сделали вывод: «четыре года делегация писателей добивалась встречи с Владыславом Гомулкой; но произошло это лишь после протеста 34-х. Стало быть,

протест принес результаты»³². Другим выводом было то, что конфликт начинает переходить «из фазы истерической в фазу историческую»³³.

В начале июля Служба безопасности подготовила доклад о «вдохновляющей роли парижской “Культуры” и радио “Свободная Европа” в деле “Письма 34-х”». Кроме того, в конце мая был составлен рапорт о связях литературных оппозиционеров с бывшим первым секретарем варшавского комитета ПОРП С. Сташевским, причем в рапорте как бы незначай упоминалось имя главного «пулавянина» Р. Замбровского³⁴. Таким образом, Служба безопасности стремилась придать истории с «Письмом 34-х» контуры политического заговора.

12 июня 1964 г. прошло собрание варшавского отделения СПЛ для избрания делегатов на общепольский съезд писателей, который должен был состояться в сентябре в Люблине. Борьба вокруг «Письма 34-х» разгорелась с новой силой. Делегатами съезда из числа 34-х «подписантов» были избраны Я. Парандовский, А. Рудницкий, Е. Загурский, С. Киселевский, П. Ясеница, П. Герц, а также двадцать один литератор, отказавшийся принять участие в протесте против деятельности радио «Свободная Европа». Вместе они набрали наибольшее количество голосов. Одновременно проиграло выборы большинство писателей и публицистов, сотрудничавших с журналами «Вспулчесность» и варшавская «Культура». На собрании в поддержку «Письма» выступили Н. Модзелевская (вдова министра иностранных дел ПНР З. Модзелевского) и М. Домбровская. Особенно большую известность получила речь Домбровской. В своем выступлении она дала ответ словам З. Клишко, произнесенным на писательском съезде в Познани, перечислила все нападки властей на «подписантов», и потребовала прекратить их. Кроме того, знаменитая писательница заявила, что «Письмо 34-х» было всего лишь сигналом о проблеме, а не протестом, и обвинила Я. Ивашкевича в том, что он не сумел стать посредником в улаживании конфликта³⁵. Речь Домбровской, как отметила Служба безопасности, «была встречена бурными аплодисментами и вставанием с мест большинства собравшихся»³⁶.

После этого началась дискуссия, в ходе которой со стороны представителей Правления СПЛ и членов ПОРП слышалось немало критики в адрес М. Домбровской и «Письма 34-х», в то время как люди, не связанные с партией (С. Киселевский, С. Цат-Мацкевич, Я. Гжендзиньский, М. Ванькович, П. Ясеница, А. Сандаур), активно защищали коллегу. «Ревизионисты» и литераторы левого толка (Я. Котт, Е. Анджеевский, М. Яструн, А. Слонимский, А. Важи́к) предпочли уклониться от спора и отказались баллотироваться в делегаты съезда, когда Н. Модзелевская выступила с подобным предложением (равным образом отказалась делать это и М. Домбровская)³⁷.

Осуждение политики партийной верхушки, впервые прозвучавшее из уст выдающейся писательницы, имело в обществе огромный резонанс. Руководство ПОРП, чтобы не усугублять ситуацию, отказалось от преследования авторов и сторонников «Письма 34-х». Более того, как заметил В. Ворошильский, для писателей наступило время «золотой вольности». Другой партийный писатель, В. Домбровский, отмечал, что с писателями вдруг стали встречаться члены ЦК, у них брали интервью на радио. Из этого он делал вывод: власть нервничает и меняет свои решения. К. Брандыс и В. Ворошильский, обнадуженные этими переменами, заявляли в узком кругу, что не собираются атаковать на съезде СПЛ политику партии, если партийные власти сами не примутся их критиковать. В свою очередь Я. Секерская утверждала, что партийные делегаты развернут натиск на ПОРП с целью либерализации культурной политики, а руководство партии со своей стороны будет вынуждено изменить некоторые решения, принятые на XIII пленуме³⁸.

Люблинский съезд СПЛ состоялся 18–21 сентября 1964 г., в год 20-летия Народной Польши. В связи с юбилейными торжествами на съезде кроме министра культуры Т. Галиньского и руководителя Отдела культуры ЦК В. Красько присутствовали В. Гомулка и З. Клишко. Во вступительной речи Я. Ивашкевич обрушился с резкой критикой на сторонников «Письма 34-х», припомнив А. Важику, М. Яструну и К. Брандысу ту неблагоприятную роль, которую они играли в период директивного насаждения соцреализма. Выступавший упрекнул оппозицию в подрыве доверия ко всему литературному сообществу Польши, взял под защиту СПЛ и указал, что ситуация была бы куда лучше, если бы не «Письмо 34-х». Затем слово взял В. Гомулка. Он подробно остановился на успехах Народной Польши, в том числе в области развития культуры, не преминув уколоть недовольных: «только слепцы и люди, не высовывающие носа из варшавских кафе, могут этого не видеть». Далее первый секретарь ЦК ПОРП заявил, что кроме философии отчаяния есть еще философия надежды, представленная марксизмом-ленинизмом. «И мы стремимся к тому, чтобы философия марксизма стала философией всех наших творческих работников». Развивая свою мысль, Гомулка неожиданно вспомнил о Сталине, деятельность которого, по его утверждению, принесла Польше немало пользы³⁹. Речь Гомулки была восторженно встречена «лояльными» литераторами, оппозиция же предпочла промолчать, хотя в кулуарах выражала свое недовольство⁴⁰.

Прения разгорелись под занавес съезда, когда началось обсуждение проекта изменений в устав СПЛ. Одной из поправок предусматривалось, что членом СПЛ может быть только гражданин Польши. Если бы поправка была принята, то из Союза польских литераторов были бы исключены писатели-эмигранты (например, М. Хласко). Провал этой поправки обеспокоил работников

«идеологического фронта». Они разработали предложения, направленные на предотвращение создания «единого фронта оппозиции»⁴¹.

5 октября в Варшаве на открытом собрании первичной парторганизации СПЛ большую полемическую речь произнес З. Клишко. Поскольку его выступление задумывалось как опровержение тезисов М. Домбровской, на собрание были приглашены все члены варшавского отделения СПЛ. «Никогда еще ни одно собрание во дворце на Краковском Предместье (в варшавском отделении СПЛ. – В. В.) не привлекало такого внимания, – отмечает свидетель событий. – В зале не хватало мест не только для сидящих, но даже для стоящих, так что пришлось открыть двери в переполненный коридор»⁴². Сначала была зачитана стенограмма выступления М. Домбровской на собрании варшавского отделения СПЛ 12 июня (сама писательница по причине болезни отсутствовала), затем слово предоставили З. Клишко. Его речь была наполнена многочисленными выпадами против А. Слонимского и М. Ваньковича, которых партийная верхушка сочла главными виновниками возникшей ситуации в связи с «Письмом 34-х». Опираясь на материалы начатого в марте следствия, высокопоставленный функционер представил весь ход событий как хорошо спланированную акцию по компромитации Народной Польши⁴³. С ответными речами выступили некоторые беспартийные писатели (А. Слонимский, П. Ясеница, А. Сандауэр), ряд других литераторов. В примирительном духе было выдержано выступление Я. Ивашкевича, который признал частичную ответственность власти за произошедшее, и заявил: «Ни на минуту не допускал я мысли, что письмо 34-х было написано на потребу заграницы»⁴⁴.

Вопреки ожиданиям власти, это собрание оказалось скорее победой оппозиции. Литературные фронтеры поздравляли А. Слонимского с блестящей речью, лояльные же политике партии писатели и публицисты выражали свое недовольство, что собрание вновь вернулось к разрешенному казалось бы вопросу⁴⁵.

События вокруг «Письма 34-х» свидетельствовали о начале открытого конфликта между частью интеллигенции и правящим режимом, причем по мере того, как разворачивался этот конфликт, неконформистская интеллигенция левой демократической направленности все отчетливее превращалась в оппозиционное сообщество, отторгаемое партийным руководством. В то же время, эпизод с «Письмом 34-х», несмотря на большой резонанс, затронул лишь небольшую часть образованной прослойки населения, активно участвовавшей в общественной жизни страны. Среди интеллигенции и рабочих в Польше тогда господствовало убеждение, что радикальные протесты создают угрозу лучшим по сравнению с первой половиной 50-х гг. условиям жизни и работы⁴⁶. Это в значительной мере ослабляло потенциал оппозиционных настроений среди населения.

2. «Открытое письмо»

Другим событием, взволновавшим варшавскую интеллигенцию, было исключение из ПОРП и последующий арест Я. Куроня и К. Модзелевского. Оба приобрели известность в 1956 г. как активисты студенческого движения. Параллельно Я. Куронь занимался воспитательной работой в Союзе польских харцеров (СПХ), где создавал ультракоммунистические «вальтеровские» дружины (в память о генерале К. Сверчевском – «Вальтере», возглавлявшем интернациональные бригады в период гражданской войны в Испании). В 1961 г. «вальтеровские» дружины были распущены, а на следующий год Куронь вместе с двумя другими инструкторами (М. Краевским и М. Гульчинским) был выведен из состава правления СПХ за создание, как было сказано в отчете Службы безопасности, «китайской группы»⁴⁷. Вероятно, на тот момент официальные структуры связывали взгляды Куроня с так называемой догматической позицией, главным оплотом которой считалась Компартия Китая. После исключения из СПХ Куронь сосредоточился на работе в Союзе социалистической молодежи. Там же поначалу пытался продолжить политическую деятельность и К. Модзелевский. В 1957 г. его избрали в состав Секретариата варшавского комитета ССМ, однако в период студенческих волнений октября 1957 г. по поводу закрытия «По просту» он вместе с некоторыми другими членами Секретариата выступил против закрытия издания и был вынужден оставить свой пост. После этого Модзелевский посвятил себя научной работе. Одновременно он завязал тесные отношения с левым радикалом Л. Хассом, встречался с приезжавшими в Польшу западными троцкистами.

В 1962 г. у К. Модзелевского и Я. Куроня созрела мысль противопоставить Союз социалистической молодежи ПОРП, не переходя, однако, открыто в лагерь оппозиции. С этой целью осенью 1962 г. в Варшавском университете под эгидой ССМ был создан Политический дискуссионный клуб. Он стал своего рода студенческим аналогом Клуба кривого колеса. Сюда приглашали известных людей (В. Бруса, З. Залусского, М. Раковского, З. Баумана, члена редколлегии «Тыгодника повсехного» Т. Мыслика и др.), обсуждали животрепещущие темы: о советско-китайском споре, об экономической реформе в стране, о морально-политических конфликтах в Польше и т. д.⁴⁸ На собрания приходили самые разные люди: А. Замбровский, Л. Хасс, члены подпольной группировки Национально-демократическая лига М. Бараньский и Р. Островский, будущие активные участники студенческих волнений А. Смоляр, С. Гомулка, В. Кучиньский и многие др. На заседания временами являлось более ста человек. Кредо Клуба выразил К. Модзелевский: не следует опасаться проявления антимарксистских и антисоциалистических взглядов, поскольку только их обнаружение может способствовать успешной борьбе с ними⁴⁹.

Однако на собраниях быстро стала нарастать критика политического режима ПНР. В марте 1963 г. во время обсуждения книги официального публициста З. Залуского «Семь главных польских грехов» (сочтенной многими манифестом партийной фракции «партизан») звучали заявления, что в социалистической революции 1917 г. «было сердце, но не было разума», и лишь сейчас, через сорок лет, начался поиск новой модели коммунизма. В мае того же года, в момент обсуждения доклада «Клерикальная идеология и правые убеждения в обществе» многие участники дискуссии указывали, что подлинными правыми в Народной Польше являются не католики во главе с епископатом, а бюрократия, которая противостоит интернационализму рабочих. Это, утверждали выступавшие, типичный пример того, что В. И. Ленин назвал «бюрократическим вырождением государства». Звучало немало голосов о том, что власть преследует католиков, словно во времена фашизма. 30 октября, после доклада главного редактора «Политики» М. Раковского «О ситуации в международном коммунистическом движении», один из диспутантов под аплодисменты присутствовавших подверг уничтожающей критике внешнюю политику СССР, особенно в отношении Китая, и выразил резкое недовольство господствовавшей в Польше системой управления экономикой⁵⁰. Эти и другие высказывания заставили вузовский комитет ССМ закрыть Клуб на рубеже 1963–1964 годов.

Аналогичная судьба постигла и детище воспитанников Я. Куроня – дискуссионный клуб для варшавской школьной молодежи, известный как Клуб искателей противоречий, или, как его называли сами основатели, «Клуб ползучих ревизионистов». Идею клуба подал Я. Ю. Липский. Незадолго до роспуска Клуба кривого колеса он познакомился с двумя «вальтеровцами» – Адамом Михником и Яном Гроссом, которые заглядывали на заседания клуба в конце 1961 г. Вскоре, в марте 1962 г., было объявлено о создании Межшкольного дискуссионного клуба. Шефство над ним взяли Я. Куронь, С. Мантужевский и А. Шафф⁵¹ (последний объяснял свою позицию тем, что любая марксистская мысль, пусть даже и ревизионистская, на вес золота⁵²). Первоначально Клуб искателей противоречий не имел собственного помещения и действовал при факультете философии Варшавского университета (с разрешения первого секретаря вузовского комитета ССМ Стефана Меллера – позднейшего министра иностранных дел Третьей Речи Посполитой). Через структуры Союза социалистической молодежи ему удалось получить часть Дома культуры в Старом городе – того самого, где недавно проходили собрания ККК. Участники клуба не скрывали своего скептического отношения к официальной идеологии и государственным учреждениям, призванным заниматься работой с молодежью. Уже в декабре 1962 г. в беседе с директором

ДК Старого города члены правления клуба заявили, что деятельность в рамках Союза социалистической молодежи им не подходит, так как ССМ скомпрометировал себя. Они назвали своей целью познание новых идеологий и мировоззренческих систем⁵³, и в рамках осуществления этой линии наладили контакт с Клубом католической интеллигенции⁵⁴.

Среди членов Клуба искателей противоречий было немало детей высокопоставленных чиновников, ученых и публицистов: Ирена Грудзиньская (дочь заместителя министра лесной промышленности), Ян Литыньский (сын заместителя директора департамента в министерстве транспорта), Эльжбета Светлик (дочь бывшего заместителя министра общественной безопасности), Юзеф Блясс (сын генерального директора в министерстве финансов), Хелена Брус (дочь заместителя председателя Экономического совета при Совмине), Хелена Гуральская (дочь бывшего заведующего Иностранным отделом ЦК ПОРП), Марек Боровский (позднейший известный политик, сын заместителя главного редактора «Трыбуны люду») и многие другие (всего по данным Службы безопасности до 109 человек). Основатели клуба – А. Михник и Я. Гросс – происходили из семей участников революционного движения Польши межвоенного периода и членов номенклатуры 1950-х годов.⁵⁵ В целом в числе членов Клуба искателей противоречий было немало представителей тогдашней «золотой молодежи» Народной Польши, поколения, стремившегося переосмыслить идейное наследие отцов.

Клуб искателей противоречий был разделен на секции: политическую, экономическую, социологическую и религиоведческую. Среди докладов, с которыми выступали приглашенные гости, были, например, такие: «Что такое общество?» (З. Бауман), «История и личность» (Б. Бачко), «Общество и личность» (А. Валицкий), «О прослойках и классах» (Б. Минц), «Смысл жизни в христианстве» (Я. Кучинский), «Экономические идеалы социализма» (В. Брус), «Новая волна в Советском Союзе» (В. Домбровский), «Критерии веры современного католика» (ксендз Б. Дембовский). На одно из первых собраний Клуба был приглашен Л. Колаковский, который читал там свою запрещенную пьесу «Вход и выход»⁵⁶.

Долгое время клуб не привлекал к себе внимания властей. Лишь в апреле 1963 г., после того, как Служба безопасности под влиянием острых выступлений в Клубе хорошей работы предприняла проверку всех товариществ, действовавших при ДК Старого города, творение «вальтеровцев» попало в поле зрения официальных структур. Вывод был однозначен: «полученная информация свидетельствует, что деятельность дискуссионного Клуба искателей противоречий оказывает негативное влияние на молодежь. Мы считаем, что следует сменить кураторов клуба и обеспечить соответствующее политическое шеф-

ство и руководство»⁵⁷. После этой резолюции клуб просуществовал всего несколько месяцев, и летом 1963 г. был закрыт. Отзвук этих событий прозвучал на XIII пленуме ЦК ПОРП (4–6 июля 1963 г.), когда В. Гомулка в качестве примера ревизионизма указал на деятельность Куроня и Михника⁵⁸.

Осенью 1964 г. многие из участников Клуба искателей противоречий (А. Михник, Т. Богуцкая, Ю. Дайчгеванд, М. Боровский, С. Бломштайн, И. Грудзиньская, А. Перский и др.) поступили в Варшавский университет, где образовали неформальное сообщество «командосов». Под руководством Куроня и Модзелевского они принялись создавать кружки самообразования и выступать с провокационными заявлениями на собраниях членов Союза социалистической молодежи (именно за эту тактику «диверсии», напомилавшей действия израильских спецподразделений в тылу арабских войск, они и получили свое название)⁵⁹.

После закрытия Политического клуба Я. Куронь и К. Модзелевский пытались продолжить деятельность неофициально. Вместе с некоторыми единомышленниками они собирались на частных квартирах, где обсуждали насущные проблемы марксизма и рабочего движения. Между участниками этих встреч вскоре обозначились идейные расхождения. Если сами инициаторы дискуссий придерживались мнения, что Польше необходимы общественно-политические реформы, то их оппоненты (в частности, бывший лидер революционного студенчества Кракова Б. Тейковский) упирали на необходимость экономических реформ⁶⁰. Весной 1964 г. Куронь и Модзелевский сумели организовать перевыборы руководства комитета ССМ в университете, после чего выступили с предложением возобновить собрания Политического дискуссионного клуба. Однако руководство университетской парторганизации воспротивилось этому. Тогда два оппозиционера решили написать брошюру с изложением своих взглядов на политическую и экономическую ситуацию в Польше⁶¹. Чтобы размножить ее, они обратились за помощью к Л. Хассу. Тот, однако, текста не одобрил, и Модзелевский попросил знакомого историка Ромуальда Смеха снести с другим старым коммунистом троцкистского толка – Казмежом Бадовским, жившим в Кракове. К тому времени весть о существовании некоего «антигосударственного» документа уже разнеслась в студенческих кругах. 14 ноября 1964 г., во время обсуждения на квартире у студента С. Гомулки полной версии программы, туда явились сотрудники госбезопасности. Документ был конфискован, а всех участников собрания задержали на 48 часов.

27 ноября вузовский комитет ПОРП на своем заседании с участием заведующего Отделом науки и просвещения ЦК А. Вербляна и секретаря варшавского комитета партии Ю. Кемпы принял решение об исключении из ПОРП

Я. Куроня, К. Модзелевского, С. Гомулки, Й. Маерчик-Гомулки, а из числа кандидатов в члены ПОРП – Э. Хыли (студента математического факультета, также приходившего на собрания). 14 декабря К. Модзелевский, С. Гомулка и Э. Хыля были исключены из ССМ.

Поскольку партком университета постарался использовать эту историю в пропагандистских целях, Я. Куронь и К. Модзелевский решили написать «Открытое письмо» членам первичной парторганизации и вузовской организации ССМ, чтобы объяснить причины расхождения с партией. В начале марта документ был готов и в количестве 14 экземпляров роздан студентам и работникам университета. Две копии Модзелевский передал в вузовские комитеты ПОРП и ССМ, а еще две Куронь вручил Л. Хассу, чтобы тот отправил их в парижскую «Культуру» и руководству IV Интернационала⁶².

На содержание «Письма» наложили отпечаток троцкистские и анархистские увлечения его авторов. Я. Куронь позднее говорил, что на него большое впечатление произвела работа В. И. Ленина «Государство и революция», где был высказан ряд анархистских и анархо-синдикалистских положений, под влиянием которых он и критиковал тогда деятельность ПОРП⁶³. Многие тезисы «Открытого письма» имели свои параллели и с программой, принятой в октябре 1957 г. участниками V Всемирного конгресса IV Интернационала: начало мировой революции в соцстранах, переход высшей власти в руки рабочих советов, соблюдение демократических свобод, замена армии рабочей милицией, многопартийность, независимость профсоюзов и т. д. Это не могло быть случайным, учитывая связи К. Модзелевского с западными троцкистами⁶⁴.

В «Письме» критиковалась деятельность ПОРП, которая, по утверждению его авторов, выродилась в организованную бюрократию, а партийно-государственная элита стала «центральной политической бюрократией», превратившейся в класс и установившей свою диктатуру. В соответствии со своими классовыми интересами «центральная политическая бюрократия» преобразовала и производственные отношения, а также отношения собственности, присвоив себе все права распоряжения последней. Подобный процесс, утверждали Куронь и Модзелевский, неизбежно порождает экономический кризис, основанный на противоречии между «бюрократической собственностью» на средства производства и развитием производительных сил. Кризис ведет к революции, которая закончится уничтожением существующих производственных отношений, то есть свержением классового господства бюрократии. Необходимым условием успешной революции является гегемония рабочего класса. Там, где произойдет революция, должна быть установлена система рабочих советов во главе с Центральным советом делегатов, имеющим за-

конодательные, исполнительные, полицейские и экономические функции. Кроме того, во избежание восстановления однопартийной диктатуры, рабочие должны организоваться в несколько партий, чтобы действовать в свободной конкурентной борьбе. Права рабочих должны защищать независимые профсоюзы, армия как орудие классового господства заменена рабочей милицией. Крестьянство также должно будет выработать свое политическое представительство производителей на основе экономических организаций и политических партий, и объединиться в общую организацию, ведающую снабжением и сбытом.

Авторы выражали глубокое недоверие партийным «либералам», которые отрицали роль рабочих советов как основу новых производственных отношений. В 1956 г., заявляли Я. Куронь и К. Модзелевский, «левые» не отмежевались от этих деятелей, что имело роковые последствия: рабочее движение осталось стихийным, его участники не осознали стоявших перед ними политических задач, а революционная интеллигенция не смогла их осмыслить и сформулировать. В результате, «центральная политическая бюрократия» сумела удержаться у власти. «Письмо» также содержало резкую критику правящей элиты СССР, западного империализма и католической церкви, а лейтмотивом имело лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁶⁵.

Постулаты «Открытого письма» высказывались его авторами еще в 1956 г. и с тех пор почти не изменились. Критика «центральной политической бюрократии» мало чем отличалась от статей оппозиционной польской прессы образца 1956 г. Новым было лишь распространение этой критики на режим В. Гомулки, и, как следствие, на всю систему управления Народной Польши.

20 марта 1965 г. Я. Куронь и К. Модзелевский были арестованы, а вскоре задержали всех, кто так или иначе приложил руку к распространению «Открытого письма»: А. Михника, Л. Хасса, Р. Смеха, В. Нагурского, С. Бломштайна, К. Бадовского и др. «Командосов» отпустили сразу же или по истечении нескольких недель, а в отношении Хасса, Смеха и Бадовского было начато следствие. Студент В. Нагурский перед своим задержанием успел созвать открытое собрание ССМ на физико-математическом факультете университета, где среди прочих выступила жена Я. Куроня Гражина, заявившая под аплодисменты присутствующих, что партия скомпрометировала себя делом Куроня-Модзелевского⁶⁶. Университетский комитет ПОРП создал специальную группу ученых, которая должна была дать научную оценку «Открытому письму». Эксперты пришли к мнению, что этот документ отрицал социалистический характер существующего в Польше строя и провозглашал борьбу с ним. В связи с этим группа рекомендовала не выносить за пределы партии дискуссию относительно «Открытого письма»⁶⁷.

Суд состоялся в июле 1965 г. и привлек к себе большое внимание. Подсудимых защищали известные адвокаты, двое из которых ранее уже участвовали в политических процессах (А. Стейнберг и Я. Ольшевский). Среди свидетелей были люди, также арестованные за свою оппозиционную деятельность (Р. Смех, К. Бадовский, Ю. Снециньский, М. Бараньский). Доверенными лицами Куроня и Модзелевского выступали М. Брандыс и Л. Колаковский. В обвинительной речи прокурор вменил подсудимым авторство «Открытого письма», в котором, по его словам, содержались враждебные марксизму концепции, заимствованные из сочинения М. Джиласа «Новый класс» и резолюций V конгресса IV Интернационала; «осуществление политической диверсии» путем обмана рабочих; измену родине и призыв к упразднению армии. Он также утверждал, что пагубные идеи обвиняемые почерпнули в трудах Л. Колаковского.

Позицию защиты обосновал Я. Ольшевский. Он доказывал, что «Открытое письмо» не противоречит марксизму, ссылаясь при этом на работы О. Лянге, С. Оссовского и З. Баумана, и резко обрушился на цензуру. «Единственным преступлением обвиняемых, – заявил он, – было то, что они призывали к дискуссии и свободомыслию, а это сейчас стало прерогативой определенной группы людей». Вызванный в качестве свидетеля В. Брус признал, что тезисы «Открытого письма» следовало обсудить в узком партийном кругу, а не делать всеобщим достоянием, однако при этом он оговорился, что марксизму сейчас не хватает новых методов и приемов, поэтому брошюра Куроня и Модзелевского важна как свежий подход к старым проблемам. Суд не внял этим доводам и приговорил Модзелевского к 3,5 годам лишения свободы, а Куроня – к трем.

«Модзелевского и Куроня судят люди, которые стоят на страже полицейской системы, – поделился своими соображениями со знакомыми Л. Колаковский. – Этот процесс является признаком страха власть имущих и доказательством отсутствия свободы в Польше»⁶⁸. В октябре была рассмотрена апелляция по делу. На этот раз к прежним адвокатам присоединились не менее маститые юристы Т. де Вирион и В. Сила-Новицкий. Доверенными лицами обвиняемых (по совету Я. Ю. Липского) были А. Слонимский, Л. Инфельд, Л. Колаковский и Т. Котарбиньский. Возле зала суда собралось несколько десятков человек, среди которых было немало деятелей оппозиции (А. Михник, С. Гомулка, С. Блюмштайн, В. Нагурский, А. Смоляр, Б. Тейковский и др.). Для опровержения обвинений в распространении «порочащих сведений» М. Оссовская, Л. Колаковский и Т. Котарбиньский составили заключение о том, что следует считать сведениями, а что – взглядами, однако это заключение не было принято судом к рассмотрению. Адвокат А. Стейнберг заявила, что статья уголовного кодекса, по которой судят обвиняемых, превратилась в ору-

дие подавления оппозиции. Словно в подтверждение этих слов суд отклонил апелляцию и оставил в силе прежний приговор⁶⁹.

В ноябре 1965 г. дисциплинарная комиссия Варшавского университета рассмотрела дело судентов, замешанных в историю с «Открытым письмом». А. Михник, В. Нагурский, Э. Хыля были на год поражены в студенческих правах, С. Блюмштайн и М. Чаховский получили выговоры с предупреждением, еще двое признаны комиссией невиновными⁷⁰.

В январе 1966 г. к трем годам заключения были приговорены Л. Хасс, Р. Смех и К. Бадовский. Они составляли своеобразный кружок троцкистов, сложившийся примерно в 1962 г. В отличие от Куроня и Модзелевского, они не ставили под сомнение монопольное положение ПОРП, но выступали за ограничение всевластия ЦК путем расширения полномочий органов местного самоуправления. По их мысли, эти органы должны были получить реальную автономию и влиять на политическую линию партии. Они заявляли о необходимости демократизации управления производством посредством передачи всех предприятий в руки рабочих советов, настаивали на полноценной свободе слова и праве на критику действий партийного руководства⁷¹. Первоначально их хотели отдать под суд за распространение «Открытого письма», но в ходе следствия это подозрение отпало, и единственным обвинением осталось распространение резолюции IV Интернационала «Падение сталинизма». На суде, обвиняемые не запирались, наоборот, с гордостью говорили о своей деятельности, рассматривая ее как продолжение борьбы за коммунизм⁷². Дело «троцкистов» не получило отклика в обществе, что свидетельствовало об утрате в середине 1960-х годов интереса интеллигенции к вопросам о путях и методах строительства социализма в ПНР и о роли коммунистической партии.

На новую расстановку сил в лагере оппозиции и на изменение ее идейного облика указывают документы Службы безопасности. В 1966 г. ею было проведено социологическое исследование репрезентативной группы лиц (103 человека), замеченных во «враждебной деятельности» на территории Варшавы в 1963–1966 годах. В итоговой записке отмечен тревожный факт: «около 40% исследуемых не имеют за плечами никакого политического прошлого [...]. Это свидетельствует, с одной стороны, о замирании враждебной деятельности среди сообществ, некогда активно боровшихся с Народной Польшей, с другой же – об образовании новых оппозиционных групп, которые до сих пор не занимали враждебной позиции, а некоторые из них на определенном этапе участвовали в социалистическом строительстве (С. Сташевский, Л. Колаковский, В. Ворошильский), тогда как сейчас атакуют политику партии с ревизионистских позиций»⁷³.

Говоря о появлении «новых оппозиционных групп», СБ подчеркивала, что для них, несмотря на «ревизионистские позиции», главным направлением деятельности становится борьба с ПОРП, а не совершенствование ее политики. К подобным группам смело можно отнести и «командосов». Идеейные и политические позиции этой группы весьма противоречивы. С одной стороны, среди «командосов» преобладали левацкие убеждения, но они уже не были столь рьяными коммунистами, как их идейные предшественники – молодые «смутьяны» 1956 г. Они сомневались в осуществимости программы рабочей демократии и не выступали категорически против парламентаризма, как многие представители «поколения 56 года». А. Михник, в частности, осуждал неприятие парламентаризма авторами «Открытого письма», а доклад Я. Куроня об исторической роли рабочего класса, сделанный 3 марта 1968 г., был и вовсе «разнесен в щепки» «командосами»⁷⁴. «Мы искали истинного социализма, – вспоминал то время А. Михник, – изучали Маркса, не любили консерваторов и церковь. На студенческих митингах пели «Интернационал»... Я не обобщаю. Большинство этого поколения было другим. Но мы, командосы, были именно такими – довольно красными»⁷⁵. Исследователи отмечают, что группа возникла как протест против реального социализма с его конформизмом и ограничением свободы⁷⁶.

«Командосы» не стремились войти в конфликт с властью и даже не рассматривали себя как оппозицию, хотя активисты Союза социалистической молодежи, напротив, считали их оппозицией и предостерегали первокурсников осенью 1967 г. от контактов с «враждебной группой». Однако режим В. Гомулки большинство из «командосов» считало диктатурой. В этом смысле «командосы» видели себя находящимися как бы между двумя равными опасностями: диктатурой выродившихся коммунистов и диктатурой церкви. По выражению А. Михника, «командосы» придерживались мнения, что «Гомулка и [примас Польши] Вышиньский стоят друг друга»⁷⁷. Впрочем, это не мешало им смотреть на свои столкновения с партией как на сугубо внутреннее дело коммунистов, а на конфликты государства с церковью – как на борьбу прогресса с невежеством и мракобесием. В то же время «командосы» не отгораживались от католицизма глухой завесой неприятия. Еще в период существования Межшкольного дискуссионного клуба некоторые из них контактировали с варшавским клубом католической интеллигенции. 30 марта 1966 г. часть группы организовала в одном из студенческих общежитий дискуссию на тему «Патриотизм-нация-государство», куда был приглашен С. Киселевский⁷⁸.

От своих идейных наставников «командосы» отличались и большим вниманием к проблеме независимости Польши. Если в «Открытом письме» этот

вопрос практически не рассматривался, то «командосы» обращались к «патриотизму Жеромского», т. е. к общественному освобождению, тесно связанному с национальным. В октябре 1967 г. они распространяли в Варшавском университете листовки солидарности с вьетнамским народом, заявляя, что у поляков и вьетнамцев одна цель – борьба за свободу. В этой связи в листовке упоминалась венгерская революция, задавленная иностранной интервенцией⁷⁹. В то же время «командосы» не ставили под сомнение прогрессивное значение послевоенной «революции» и отвергали консервативный «патриотизм Сенкевича и Велёпольского», основанный на сохранении общественного неравенства, и следовательно, не способный привести к подлинному национальному освобождению⁸⁰.

В своих идейных поисках «командосы» обращались и к эмигрантской политической мысли. Большое влияние на них оказали статьи Ю. Мерошевского, объединенные в сборнике «Эволюционизм». Отрицательное отношение к национализму, восприятие США и СССР в качестве партнеров, одинаково заинтересованных в сохранении существующего миропорядка, и признание отсутствия подлинной многопартийности в нынешней Польше роднили эмигранта-антикоммуниста и сторонников А. Михника из Варшавского университета. Мерошевский призывал «европеизировать» Россию, т. е. включить ее как активного партнера в систему европейских государств. Именно такое положение должно было, по мысли публициста, уберечь Польшу от опасности с Востока. Пока же существует «железный занавес», говорил Ю. Мерошевский, «не мы европеизируем Россию, а Россия тянет нас в Азию». Отводя ключевую роль в оздоровлении правящего режима в Польше гуманитарной интеллигенции, Ю. Мерошевский считал, что только она могла «рационализировать систему», т. е. поднять на один уровень гуманизм и потребности технологического развития, ибо «разница между Востоком и Западом заключается исключительно и единственно в том, что неосталинизм устанавливает «blue-print» нового прекрасного мира, где интересы технического прогресса и производительности труда ставятся превыше гуманизма». В качестве методов «рационализации системы» Ю. Мерошевский предлагал давление на руководство страны с помощью акций солидарности, основанных на профессиональном, а не на политическом единстве. Классическим примером такой акции он называл «Письмо 34-х»⁸¹.

Наметившаяся среди «командосов» смена идеологических ориентиров весьма показательна и характерна в целом для так называемого польского «ревизионизма». Одним из основополагающих тезисов составлявших его идейных течений было признание длительной перспективы установленного в ПНР после октября 1956 г. политического режима, а также надежда на его транс-

формацию. Однако эти надежды оказались тщетными. События выявили недостаточную эластичность «октябрьской модели», что повлекло за собой нарастающее разочарование строем. Со своей стороны это возраставшее недовольство создавало почву для заимствования «ревизионистами» некоторых антикоммунистических концепций.

3. Собрание на историческом факультете Варшавского университета 21 октября 1966 года

В 1960-е годы основным центром свободной мысли в стране оставался Варшавский университет. Там преподавали наиболее известные представители «ревизионизма» (Л. Колаковский, З. Бауман, М. Гиршович, С. Моравский, В. Брус, К. Помян, Я. Закшевская и др.), а также видные представители реформаторского крыла ПОРП (С. Жулкевский, Я. Стшелецкий) – участники научных семинаров в 1964–1968 годах, в ходе которых предпринимались попытки выработать идейно-политическую программу и осуществить принципы социалистической демократии хотя бы на территории университета⁸².

21 октября 1966 г. в ознаменование 10-й годовщины VIII пленума ЦК ПОРП, вернувшего к власти В. Гомулку, организация ССМ на историческом факультете университета провела открытое собрание, куда пригласили Л. Колаковского и К. Помяна. Инициаторами встречи выступили А. Михник, С. Кретковский и А. Нотковский. Планировалось также пригласить последнего главного редактора «По prostu» Р. Турского и В. Ворошильского, однако Турский был в то время болен, а участию Ворошильского воспротивилась университетская организация ССМ.

В ЦК ПОРП весьма подозрительно отнеслись к собранию. Руководство партии не было заинтересовано в напоминании народу о кратком периоде свободомыслия и общественной активности. Только «Трибуна люду» посвятила годовщине общую статью, остальные органы прессы под давлением цензуры проигнорировали юбилей⁸³. Поэтому собрание вызвало большие опасения у властей. На всякий случай туда было направлено пять сотрудников СБ со спрятанными диктофонами, благодаря чему сохранилась запись выступлений. Явилось на собрание и несколько десятков партийных активистов, которые должны были включиться в дискуссию, если она примет нежелательный оборот.

Сначала Л. Колаковский выступил с большой речью на тему «Польская культура в последнее десятилетие». Он во всеуслышанье заявил, что завоевания «польского Октября» попораны: в стране не существует свободных выборов, нет свободы критики и информации; руководящие органы деградируют, ибо не несут ответственности перед народом. Даже при сталинизме, продолжал философ, процесс вырождения власти не шел так быстро, ибо тогда

имелась идеология, в которую искренне верили многие люди. Сейчас же тормозящим фактором деградации системы управления является лишь технический прогресс, но он не демонстрирует такой эффективности, как идеология. Утверждение, будто социализм несовместим с демократическими свободами, абсурдно, заявлял Колаковский. Но все же наиболее свободным периодом в новейшей истории Польши было время непосредственно перед октябрём 1956 г. Невозможно исправить положение в экономике, сохранив в неизменности систему управления страной, «систему, в которой отсутствует ответственность власть предержащих перед общественным мнением». Выступавший признал, что после 1956 г. польское общество больше не живет в постоянном страхе перед репрессиями, однако «нет никаких институтов, которые бы сделали невозможным возврат к той системе»⁸⁴. К. Помян в основном говорил о творческой роли молодежного движения и настаивал на необходимости создания подлинно независимой и равноправной с ПОРП организации молодежи.

В дискуссии приняло участие 14 человек. Студенты А. Дурач и А. Михник предложили принять обращение к властям с требованием освободить Я. Куроня и К. Модзелевского. М. Савицкий зачитал принесенный с собой проект резолюции с протестом против ограничения гражданских свобод. А. Лявина потребовал осудить «полицейскую систему». Профессора истории А. Гарлицкий и Е. Хольцер пытались спорить с выступавшими, но им не давали говорить. В свою очередь декан факультета С. Хербст заявил, что не одобрит принятия каких бы то ни было резолюций⁸⁵.

Реакция властей была скорой. Уже 26 октября Варшавский комитет ПОРП и Идеологическая комиссия ЦК разослали членам Политбюро и секретарям ЦК записку о произошедшем. Министерству высшего образования рекомендовалось исключить из университета Михника, Лявину, Блюмштайна, Дурача, Савицкого, Дайчгеванда, Свицерского и Шляйфера, а также наложить дисциплинарные взыскания на ряд других студентов⁸⁶. Дисциплинарная комиссия университета лишила семерых участников собрания на год студенческих прав, а еще семеро получили выговоры. Руководство Министерства высшего образования решило, что наказание слишком мягкое, и потребовало исключения А. Михника. В его защиту выступили многие участники собрания 21 октября, которые направили в Дисциплинарную комиссию заявление, где говорилось, что высказывания Михника не несли в себе ничего противозаконного. Тем не менее, спустя три месяца Михнику было предъявлено обвинение. При этом к прежним «грехам» добавилось «неподобающее» поведение на встрече студентов с главным редактором «Политики» М. Раковским 3 ноября. Сам Раковский настаивал, что не имеет никаких претензий к Михнику. По инициа-

тиве Я. Ю. Липского был начат новый сбор подписей, в результате чего в защиту студента высказались 1037 учащихся университета (в том числе несколько детей весьма высокопоставленных чиновников⁸⁷) и 150 научных работников. Невзирая на это, Дисциплинарная комиссия в марте 1967 г. лишила Михника студенческих прав на 12 месяцев (считая с октября 1966 г.). Я. Ю. Липский вторично с 1964 г. был задержан на 48 часов⁸⁸. Кроме того, несколько студентов (Х. Шляйфер, Э. Смоляр, Б. Свидерский, З. Левицкая, Я. Литыньский и др.) в наказание за поддержку Михника были исключены из ССМ.

Исключенные написали ректору письмо, где, в частности, заявляли, что ССМ перестал быть активной политической организацией, трансформировавшись в бюрократическую структуру, которая стоит в стороне от марксистских диспутов, что ведет к политической безликости ее членов. Авторы письма указывали, что существует множество концепций социализма и методов его построения, поэтому «миф» о том, что все конфликты в обществе и идеологии – это происки классового врага, глубоко вреден⁸⁹. Письмо стало идеологической декларацией левого крыла студенческой оппозиции в университете, хотя его авторы и отрицали существование «организованной группы», о чем твердили активисты ССМ.

В ноябре 1966 г. К. Помяна и Л. Колаковского исключили из ПОРП. Это стало сенсацией. Когда 15 ноября З. Клишко на партконференции университета сообщил о лишении Колаковского членства в партии, в поддержку ученого выступило несколько профессоров⁹⁰. 19 ноября письмо с протестом против исключения Колаковского направил ряд членов первичной парторганизации СПЛ: П. Бейлин, Я. Бохеньский, М. Брандыс, В. Домбровский, Ф. Беньковская, Т. Древновский, М. Гжешак, Т. Конвицкий, И. Неверли, С. Поляк, Л. Пшемский, А. Слуцкий, Ю. Стрыйковский, В. Вирпша, В. Ворошильский. Чуть позже к ним присоединились Р. Матушевский и М. Мирский. В большинстве своем это были люди, до той поры не замеченные в оппозиционных действиях, вдобавок некоторые из них состояли в свое время в КПП. Свой протест они обосновывали тем, что исключение такой выдающейся личности как Колаковский может повредить партии в глазах общества⁹¹.

24 ноября философ направил собственное послание в Политбюро ЦК, в котором просил восстановить его в ПОРП, но от слов своих не отказывался, говоря, что нужно исправлять те стороны жизни, которые противоречат социализму и программе партии, а не репрессировать людей, которые на них указывают⁹². Была создана комиссия для рассмотрения вопроса с письмом протеста. В ночь с 25 на 26 ноября 1966 г. она провела беседы с подписавшими. Ни один из них, как выяснилось, не присутствовал на пресловутом собрании и не слышал речи Колаковского, поэтому каждому дали прочесть стено-

грамму выступления, основанную на пленках СБ. Все сходились во мнении, что речь путанная и вообще малопонятная. Причину этого усматривали либо в искажениях при перепечатке текста, либо в болезненном состоянии Колаковского, страдавшего от туберкулеза. Тем не менее, ни один из авторов письма не отозвал своей подписи. Все старались отвести от Колаковского обвинение в антипартийной позиции, настаивая, что несогласие с текущей политической еще не означает перехода во вражеский (то есть социал-демократический) лагерь⁹³. В итоге пребывание в партии Конвицкого, Бейлина, Беньковской, Бохеньского, Гжешака, Неверли, Полляка, Вирпши и Ворошильского было приостановлено. И. Неверли, не дожидаясь исключения, сам положил партбилет на стол. Всех «подписантов» попросили написать заявление в Центральную комиссию партийного контроля (Т. Конвицкий отказался сделать это).

В начале декабря Политбюро получило еще одно письмо аналогичного содержания, подписанное на этот раз Е. Помяновским, Ю. Стройновским, А. Пивоварчиком, Р. Карстом и В. Завадским. 6 декабря с ними провели беседы руководитель Отдела культуры ЦК В. Красько, шеф Бюро прессы ЦК С. Ольшовский и секретарь ЦК А. Старевич. Авторы второго письма также не знали содержания речи Колаковского, и в своем поступке руководствовались теми же мотивами, что и их предшественники. В. Завадский без обиняков заявил, что в таких понятиях как «ревизионизм» и «догматизм» вместо обстоятельной дискуссии господствует старый принцип «чья власть, того и вера»⁹⁴. На протяжении декабря с подписавшими первое письмо было проведено еще несколько бесед, которые ничего не изменили по сути. В январе 1967 г. Завадский, Бохеньский, Бейлин и Конвицкий были исключены из ПОРП. В свою очередь Полляк, Ворошильский, Слуцкий, Стрыйковский, М. Брандыс и Пивоварчик сами вышли из партии. Чуть раньше сделали это К. Брандыс и Р. Карст. В Кракове от партбилета отказался поэтесса, будущая нобелевская лауреатка В. Шимборская. Некоторые из покинувших ряды партии, впрочем, оговаривались, что их решение не означает разочарования в коммунизме. «После 22 лет пребывания в партии, – писал С. Полляк, – после 43 лет участия в социалистическом движении я не перестал и не перестану быть коммунистом... тем не менее в сложившейся ситуации считаю невозможным оставаться в рядах партии». «Двуличным быть не умею, – писал М. Брандыс, – а в роли партийного оппозиционера чувствую себя невыносимо, поскольку за 24 года привык верить, что партия – это единственная сила, способная изменить к лучшему страну, в которой я живу»⁹⁵.

9 декабря состоялось закрытое партийное собрание варшавского отделения СПЛ, посвященное разбору сложившейся ситуации. В нем принимали участие секретари ЦК ПОРП А. Старевич и В. Красько. Это собрание было

едва ли не самым бурным со времени 1956 г. О царившей там атмосфере свидетельствует выступление А. Лисецкой, которое авторы информационной записки для руководства СБ посчитали самым сдержанным. Публицистка, в частности, заявила следующее: «Если учитель отправляет большую часть класса в угол, значит, что-то неправильно в учителе, а не в классе»⁹⁶.

Тон выступлений вывел из себя А. Старевича, который в эмоциональной речи пригрозил роспуском первичной парторганизации на том основании, что СПЛ уже десять лет находится в оппозиции к ЦК. В ответ поднялась Я. Секерская (она «была бледна и в высшей степени взвинчена»), отмечают авторы записки) и стала кричать, что «руководство партии не может быть безгрешно, это мы являемся партией, ее члены, а не только руководство». «Не дошло ни до голосования, ни до резолюции. Все были страшно распалены», – подытожили авторы⁹⁷.

Почти столь же напряженным выдалось отчетно-выборное собрание университетской парторганизации 11 декабря, на котором присутствовали А. Верблян и первый секретарь варшавского комитета партии С. Коцёлек. Сразу после отчетного доклада разразилась дискуссия, в ходе которой ряд преподавателей и научных работников (В. Брус, Б. Бачко, Н. Ассородобрай, Е. Хольцер и др.) выступили в защиту Л. Колаковского и К. Помяна. Гневной была речь молодого социолога А. Смоляра. Он заявил, что партия все больше клонится вправо, к национализму и интегрizmu, в то время как выразителей левых взглядов ущемляют, а временами даже преследуют, как это произошло с Колаковским и Помяном. Упомянул Смоляр и о проявлениях антисемитизма со стороны партийных работников⁹⁸.

Подобные высказывания привели к партийной чистке в Варшавском университете. В декабре специальные комиссии провели беседы со партийными работниками на тему «почему отдельные члены партии и ССМ попадают под влияние чуждых и враждебных тенденций». Результатом этих бесед стало выявление потенциально «нестойких» лиц и составление плана работы по укреплению партийной дисциплины в университете. Первой жертвой чистки стал А. Смоляр, исключенный из ПОРП в январе 1967 г.⁹⁹

20 декабря 1966 г. прошла встреча редакций «Месенчника литерацкого», «Культуры» и «Вспулчесности». Редколлегии этих изданий состояли в большинстве своем из людей, лояльных руководству ПОРП. На собрании 9 декабря они отмалчивались, не решаясь поддержать представителей ЦК, теперь же заместитель главного редактора «Культуры» Р. Братны (участник варшавского восстания в рядах АК) потребовал публичной полемики с тезисами Л. Колаковского и оппозиционными литераторами, сокрушаясь при этом, что цензура в своей работе не делает различий между его изданием и католическим ежене-

дельником «Тыгодник повсехных». Главный редактор «Культуры» Я. Вильгельми утверждал, что оппозиционные настроения в СПЛ подогревались С. Сташевским. «Это была комедия, – говорил он, – когда мы вместе с оппозиционерами вроде К. Брандыса притворялись, будто состоим в одной и той же партии. Надеюсь, теперь эта комедия закончена»¹⁰⁰.

20 января 1967 г. прошло очередное собрание парторганизации СПЛ. Вновь дошло до острой перепалки. Я. Секерская остановилась на многочисленных акциях партийного руководства против творческой интеллигенции и потребовала, чтобы Политбюро выступило с самокритикой. М. Мирский сравнил действия партии с репрессивными кампаниями в СССР и Китае (осудив при этом и авторов писем в защиту Колаковского). Е. Помяновский рассуждал о вреде для партии дела Колаковского, произнеся напыщенную фразу: «Наша партия имеет за плечами 25 лет истории, а наш строй – 50 лет»¹⁰¹ (имея в виду революцию 1917 г. в России).

Сторонники курса партийного руководства не намерены были обороняться, и перешли в наступление. С большой установочной речью выступил Е. Путрамент. Он сказал, что в 1956 г. партия уже отошла от левацкого курса, и дальнейшее смещение вправо означает возврат к капитализму. Поэтому как бы ценны ни казались те союзники, которые помогли тогда новому руководству преодолеть сопротивление «натолинецв» и спасти страну от гражданской войны, сейчас с ними нужно вести борьбу, ибо они выступают за второй этап перемен. К этим союзникам Путрамент отнес редакцию «По prostu» и ряд членов парторганизации СПЛ. В Польше, подчеркивал писатель, велика опасность национализма. С одной стороны, говорил он, в стране построен самый либеральный социализм из всех, что существуют в государствах, управляемых коммунистами, с другой – коммунистам противостоит громада польского католицизма – наиболее отсталого, тоталитарного и фетишистского в мире. Поэтому, утверждал Путрамент, любая оппозиционная партия будет опираться прежде всего на католицизм. О какой свободе говорит в таком случае Колаковский? – задавался вопросом писатель. – О свободе для реакции?

Публицист «Культуры» З. Митцнер напомнил, как во времена сталинизма в 1952 г. одну женщину, потерявшую партбилет, едва не низвели до положения врага. Ныне же, продолжал он, к проступкам членов партии совсем другое отношение. Инакомыслящим вовсе не грозят репрессии. Поэтому «сегодня, товарищи, никто не ждет вас у выхода, кроме ваших собственных автомобилей». Отсюда следовал вывод: Колаковский должен сравнивать нынешние времена с прошедшими, а не заниматься демагогией. Тем более, говорил Митцнер, что исключение из партии – это вовсе не изобретение коммунистов. Его самого исключили в 1935 г. из Польской социалистической партии за то,

что он рассказал, как на похоронах Ю. Пилсудского собственными глазами видел двух лидеров этой партии¹⁰².

Все эти высказывания свидетельствовали, что проводники влияния партийного руководства в среде творческой интеллигенции постепенно приходили в себя после скандала с Колаковским. Литературная оппозиция на время замерла. Прошедшее в мае 1967 г. общее собрание варшавского отделения СПЛ не только обошлось без «нежелательных» выступлений, но и вообще было отмечено полной апатией присутствовавших¹⁰³.

Зато в Варшавском университете в это время происходили бурные события. Группа «командосов» постепенно объединяла вокруг себя всех оппозиционно настроенных студентов. Одновременно внутри этого сообщества формировались идейные течения и происходила кристаллизация взглядов. В январе 1966 г. примыкавшие к «командосам» аспиранты экономического факультета В. Кучиньский и А. Замбровский выступили на партийном собрании против антицерковной кампании властей, за что в июне того же года были исключены из ПОРП.

А. Замбровский и В. Кучиньский были не единственными членами партии, которые выражали сомнение в правильности антицерковного курса Политбюро. Еще в 1965 г. Л. Колаковский написал эссе «Иисус Христос: пророк и реформатор», которое сыграло огромную роль в дальнейшем развитии мировоззрения «ревизионистской» интеллигенции. Колаковский перечислил основные черты, которые христианство привнесло в европейскую («средиземноморскую», по выражению автора) культуру, сделав следующий вывод: «любая попытка “упразднения Христа”, вытеснения его из нашей культуры... на том основании, что мы не верим в Бога, в которого верил он... смешна и бессмысленна. Такая попытка – удел людей темных, которые воображают, будто сам по себе примитивно написанный атеизм не только является исчерпывающим мировоззрением, но и, кроме того, дает нам право по собственному произволу, согласно своему доктринерскому представлению урезать культурную традицию, лишая ее животворных соков»¹⁰⁴.

В сущности, Л. Колаковский не сказал в своем эссе ничего нового. В подобном духе ранее не раз высказывались другие представители атеистической интеллигенции. Кроме того, он не обошелся в своем сочинении без резких выпадов в адрес католической церкви вообще, и польской – в частности. Однако публикация подобного сочинения накануне торжеств, посвященных тысячелетию христианства в Польше, в обстановке острого конфликта государства с церковью демонстрировала, что в этом конфликте философ выступал против власти.

Весной 1966 г. на встречах «командосов» А. Замбровский и В. Кучинский высказались за участие в праздновании тысячелетия крещения Польши, однако не были поддержаны большинством. Произошел раскол, и новая группа (А. Замбровский, В. Кучинский, А. Мазур, Е. Р. Новак, С. Гомулка и др.) стала собираться на квартире у Б. Тейковского¹⁰⁵. Заглядывал туда и приезжавший из Лодзи деятель подпольного антикоммунистического движения К. Глоговский.

А. Замбровский объяснял свою позицию тем, что подавляющая часть рабочего класса – люди верующие, поэтому диалог с католиками есть вопрос поддержки партии широкими слоями населения. Эта позиция проистекала из личного жизненного опыта Замбровского, работавшего долгое время экономистом на заводе после своего возвращения из СССР в 1956 г. Программа Замбровского также включала развитие внутрипартийной демократии на основе ленинских норм (т. е. свободное обсуждение различных предложений на съездах и собраниях), независимость профсоюзов и молодежных организаций, альтернативные выборы в рамках Фронта национального единства, допуск легальной оппозиции, стоящей на платформе построения социализма¹⁰⁶.

В мае 1967 г. из тюрьмы вышел Я. Куронь, а в августе – К. Модзелевский. Это привело к консолидации тех оппозиционных студентов, которые поддерживали оппонентов А. Замбровского – А. Михника и Ю. Дайчгеванда. Они формировали кружки и включились в работу студенческих дискуссионных центров, создаваемых по инициативе университетской организации ССМ¹⁰⁷. Модзелевский к тому времени уже расстался с марксистскими убеждениями и не считал себя коммунистом¹⁰⁸. Поэтому его связь с «командосами» носила в этот период скорее организационный, чем не идейный характер. Трудно сказать, какую цель ставила перед собой эта группа, да и была ли эта цель вообще, но события приняли неожиданный оборот. В Польше разразилась «антисионистская» кампания.

Причиной ее явилось, несомненно, желание партийной фракции «партизан» окончательно вытеснить всех соперников из органов власти и госучреждений, а поводом стала «шестидневная война» 1967 г. на Ближнем Востоке, после которой страны советского блока (кроме Румынии) разорвали дипломатические отношения с Израилем. Начало кампании было положено 19 июня 1967 г. выступлением В. Гомулки на конгрессе польских профсоюзов. Первый секретарь ЦК ПОРП заявил на всю страну (его речь транслировалась по радио), что израильская агрессия встретила поддержку сионистских кругов в Польше, и что власть не может оставаться равнодушной ввиду присутствия в стране «пятой колонны». При этом Гомулка дал понять, что у всех граждан ПНР должна быть одна родина, те же, кто выступает в защиту агрессии, могут

свободно уезжать¹⁰⁹. Сразу после этой речи в самых разных учреждениях и предприятиях начались проверки сотрудников на предмет симпатий к «сионизму». Нередко такие проверки заканчивались увольнением с работы.

Главной целью антисюнистской кампании были прежние противники В. Гомулки в партийном руководстве С. Сташевский и Р. Замбровский, которых обвиняли в подрывной деятельности в пользу сионизма, империалистических сил и именовали «политическими банкротами». В дальнейшем под наблюдение СБ были взяты все бывшие высокопоставленные функционеры партии еврейского происхождения (А. Альстер, Я. Берман, А. Фейгин, В. Комар, М. Метковский, Р. Ромковский)¹¹⁰.

Первыми жертвами так называемой борьбы с сионизмом стали люди, являвшиеся в период «польского сталинизма» наиболее последовательными проводниками «догматического курса» Б. Берута и поддерживавших его сил в СССР. Для обоснования направленных на них гонений в недрах МВД даже возник документ, якобы написанный сразу после войны, где указывалось, что главной целью коммунистов-евреев, входивших тогда в высшие сферы власти, было установление своего безраздельного господства в Польше¹¹¹.

В том, что истинной целью кампании была расправа с партийной верхушкой еврейского происхождения, имевшей немалый вес в 1944–1956 гг., а потом частично составившей костяк «пулавян», фактически признался министр внутренних дел М. Мочар, когда 12 апреля 1968 г. в одном из интервью лишь вскользь упомянул сионистов (притом заграничных), а в основном обрушился на тех коммунистов-евреев, которые после вторжения гитлеровцев в Польшу укрылись в СССР (Замбровского, Радкевича, Бермана). Именно этих людей он считал ответственными за «зло, которое творилось до 1956 г.», и прежде всего, за преследования патриотов¹¹².

Однако антисюнистская кампания, возникнув в результате обострения противоречий внутри партийных верхов, значительно повлияла на взаимоотношения власти и оппозиции, той ее части, которая была названа В. Гомулкой «ревизионистами».

Антисюнистская кампания приобрела немалый размах, что свидетельствовало о стремлении властей не только использовать ее во фракционной борьбе внутри ЦК ПОРП, но и в более широком плане на волне националистических настроений снять с себя ответственность за одиозные стороны политики ПОРП в 1944–1956 годах, возложив ее на агентов внешних сил и укрепив свое влияние в обществе. Нарастание борьбы с «сионизмом» вовлекало в водоворот гонений все больше и больше людей. Для их компрометации Служба безопасности теперь извлекала из архивов документы, свидетельствовавшие о приверженности «догматической» позиции вплоть до 1956 г. (это произош-

ло, например, со С. Сташевским и В. Брусом)¹¹³. К потенциальной оппозиции отныне причислялись все лица еврейского происхождения, занимавшие ответственные должности либо активно участвовавшие в общественной жизни (прежде всего, деятели науки и искусства). Первым ударом по так называемой «пятой колонне» была чистка в редакции «Большой польской энциклопедии», где работало несколько известных персон периода «польского сталинизма»: С. Сташевский, П. Хоффман, Т. Заблудовский, Е. Баумриттер¹¹⁴. Многие люди, не имевшие ничего общего с оппозицией, теперь попадали под подозрение. Особенной трагедией это было для тех польских евреев, которые некогда с энтузиазмом приняли новый строй и были членами КПП, а теперь клеймились как пособники враждебных сил (например, А. Шафф). Значительная часть известных деятелей еврейского происхождения вынуждена была эмигрировать или попросить политического убежища за рубежом (например, С. Выгодский, Е. Помяновский, Я. Котт). Избежали преследований лишь те, кто всемерно поддерживал усилия партийного руководства по разоблачению «скрытых сионистов» и вдобавок никогда не ассоциировался с «пулавянами», невзирая на свои еврейские корни (А. Старевич, А. Верблян, Е. Путрамент).

Гонения на так называемых «сионистов» непосредственно затронули многих представителей «ревизионистской» оппозиции. Повлияли на оппозиционеров и методы, применявшиеся руководством ПОРП для расправы с политическими противниками и инакомыслящими. Антисионистская кампания показала, что политический компромисс с властями практически невозможен, а идеологическая дискуссия бесплодна, что противоречия между правящим режимом и его критиками со стороны марксизма все более углубляются. Это в свою очередь подталкивало «ревизионистскую» оппозицию к переходу в лагерь непримиримых оппонентов ПОРП. В то же время развернутая в стране борьба с «сионизмом» повлекла за собой радикализацию оппозиции как внутри страны, так и в эмиграции, и привела в оппозиционный лагерь немало людей (в первую очередь среди интеллигенции), которые ранее не выступали против правящего режима. Таким образом, развернув антисионистскую кампанию, власти в определенной мере достигли иного результата, нежели ожидали.

До конца 1967 г. антисионистская кампания в основном сводилась к митингам протеста против «империалистической политики Израиля» и отставкам тех «пулавян», которые еще находились на высоких постах (Л. Касман, В. Боровский, Я. Жажицкий, Э. Пшулковский и др.). Подлинный размах преследование «сионистов» приобрело после событий, связанных со снятием со сцены Национального театра спектакля «Дядя».

4. Общественное движение марта 1968 года

В середине 1960-х годов большинство граждан ПНР в целом разделяло базовые принципы социального устройства, основанного на общественном равенстве. Подтверждением этого служат социологические опросы рубежа 1950–1960-х годов. Тогда подавляющее большинство респондентов высказывалось за развитие человечества по социалистическому пути, а также за уничтожение или уменьшение социальной дифференциации польского народа¹¹⁵. Подобные же взгляды бытовали и среди студенчества.

Наряду с этим, важной чертой идейного облика польского студенчества 1956–1968 годов стал, по определению социологов того времени, «кризис великих идеалов». В сознании молодежи ценности революционных свершений уступили место этике общественной полезности и гражданской активности, а также личного преуспевания и благосостояния, счастья в любви. Студенчество поставило во главу угла прагматические ценности, которые многим из них усиленно прививали родители¹¹⁶. В предшествующий период, завершившийся кризисом 1956 г., активная жизненная позиция польской молодежи, обусловленная происхождением или принадлежностью к общественным движениям, решительно выступавшим на политической арене, побуждала молодых людей налаживать контакты с предприятиями и селами, устанавливая тем самым союз «прогрессивной интеллигенции» с «трудящимися массами города и деревни». Теперь же студенчество превращалось в корпорацию, плохо восприимчивую к лозунгам переустройства мира. По опросам, практически никто из студентов не читал общественно-политической прессы, в том числе оппозиционной, и не собирался отмечать годовщины польской «революции» 1944 г.¹¹⁷ При этом данная корпорация была весьма чувствительна, когда задевались интересы каждого ее члена, вне зависимости от идейных установок последнего. Таковы были правила, которым подчинялись даже проводники партийного влияния в вузах – первичные организации Союза социалистической молодежи и Союза польских студентов.

Согласно опросу, проведенному в 1961 г. среди студентов-историков, 54,3% оценили период 1945–1955 годов как скорее позитивный с элементами негативного. В 1958 г. тот же ответ давали всего лишь 25,7% респондентов¹¹⁸. Это показывает, что уже к началу 1960-х годов из памяти людей начали стираться бурные события 1956 г. Соответственно, к середине 1960-х годов, когда выросло поколение, для которого 1956 г. остался в детстве, процент молодежи, смотрящей скептически на антитоталитарную «революцию», еще больше вырос. Иными словами, в глазах поколения середины 60-х годов В. Гомулка лишился романтического ореола вождя «революции». На фоне повторяющихся

ся экономических трудностей и резко антицерковной политики он постепенно утрачивал свой авторитет в обществе, хотя по-прежнему считался гарантом укрепившегося после октября 1956 г. суверенитета Польши. История со снятием со сцены «Дзядов» показала ошибочность последнего представления.

Премьера спектакля состоялась 25 ноября 1967 г. и вызвала восторженный прием у зрителей. Единственным, кому представление не понравилось, был член Политбюро З. Клишко, выразивший недовольство излишне религиозным звучанием постановки. 28 ноября в «Трибуне люду» появилась критическая рецензия на инсценизацию, на следующий день К. Деймеку сообщили, что в ЦК ПОРП недовольны его спектаклем, а 12 декабря – что Отдел культуры ЦК оценил постановку как антироссийскую¹¹⁹.

13 декабря заведующий Отделом культуры В. Красько в записке, адресованной З. Клишко, предложил снять Деймека с поста художественного руководителя Национального театра, а пьесу с 1 января 1968 г. убрать из репертуара, предостерегая при этом, что нужно быть готовыми к возможным политическим последствиям данного шага¹²⁰. 21 декабря К. Деймек был вызван в ЦК ПОРП на беседу с руководством Отдела культуры, где ему поставили в вину антироссийскую и антисоветскую окрасченность спектакля, а также его религиозную направленность.

По Варшаве разнесся слух о скором запрещении пьесы. Главным виновником этого называли советского посла А. Б. Аристова, который якобы выражал недовольство режиссерской трактовкой польской национальной поэмы. 30 декабря на предновогодней встрече с деятелями культуры и искусства В. Гомулка вынес свой вердикт: «Дзяды» вонзают нож в спину польско-советской дружбы. 15 января генеральный директор министерства культуры и искусства С. В. Балицкий написал докладную записку партийному руководству, где обвинил режиссера в том, что его спектакль стал поводом для выступлений реакции (участников «Письма 34-х» и клерикалов), которая возбуждает публику и провоцирует скандал¹²¹. В середине января 1968 г. К. Деймеку сообщили, что 23 и 30 числа пройдут последние представления, после чего спектакль будет исключен из репертуара. Примечательно, что именно 30 января в «Правде» появился положительный отзыв о пьесе¹²². Можно предположить, что таким образом советское руководство заранее отмежевывалось от непопулярной меры польских «товарищей».

Сложившейся вокруг «Дзядов» обстановкой воспользовались радикально настроенные студенты университета. За несколько дней до последнего представления они стали готовить манифестацию протеста. Независимо от них к аналогичной акции готовились студенты Государственной высшей театральной школы.

На последнее представление прибыла группа учащихся Варшавского университета, возглавляемая К. Модзелевским. Во время спектакля, аплодируя актерам, они выкрикивали: «Долой цензуру!», а после окончания представления скандировали: «Независимость без цензуры». Затем вместе с собравшимися возле здания театра студентами Театральной школы (всего там было от двухсот до трехсот человек) они двинулись к памятнику А. Мицкевичу, скандируя: «Требуем упразднения цензуры», «Хотим свободы без цензуры» и «Мицкевич-Деймек». Студенты театральной школы несли транспаранты: «Хотим правды Мицкевича» и «Требуем дальнейших представлений». Возле памятника участники демонстрации положили транспаранты и цветы. Милиция разогнала манифестантов¹²³. 35 человек было задержано, девять наиболее активных (М. Альстер, Ю. Дайчгеванд, М. Домбровский, С. Кретковский, Я. Литыньский, Э. Моравская, В. Нагурский, А. Полёвчик, А. Северин) были приговорены к крупным штрафам.

Эта акция протеста совпала с другим событием – выходом из ПОРП профессоров В. Бруса и З. Баумана. Особенный резонанс вызвало решение Бруса – в недавнем прошлом заместителя председателя Экономического совета при правительстве, одного из наиболее известных экономистов страны. К этому шагу его подтолкнуло исключение из партии жены, Х. Волиньской, с формулировкой «за публичную поддержку израильской агрессии... и критику позиции правительства ПНР». Х. Волиньская подала апелляцию, но она была отклонена. Тогда 30 января отказался от партбилета и В. Брус. В своем заявлении он писал, что «в реализации программы Октября 1956 г. не только нет прогресса, наоборот, обозначился явный и стремительный регресс». Однако при этом он заявлял: «как марксист, я убежден, что общественное развитие подчиняется определенным закономерностям, и что социалистический прогресс будет во все большей степени требовать демократизации политических отношений, особенно внутри партии. Несмотря на все зигзаги, социалистический мир идет дорогой перемен, но Польша, к сожалению, утратила в ней ту роль, которую могла бы играть»¹²⁴.

31 января А. Михник и Х. Шляйфер встретились с корреспондентом французской «Монд» и рассказали о состоявшейся манифестации после спектакля «Дядя» и о выходе из партии В. Бруса и З. Баумана. В тот же день на собрании «командосов» была составлена петиция следующего содержания: «Мы, варшавская молодежь, протестуем против запрета на выставление “Дядюв” Мицкевича на сцене Национального театра. Мы протестуем против политики отгораживания от прогрессивных традиций польского народа». В течение двух недель под петицией было собрано 3145 подписей. 16 февраля ее направили председателю Сейма. Кроме того, 1098 подписей собрали во Вроцлаве,

эта петиция была передана депутату католической фракции «Знак» Т. Мазовецкому. В Познани и Гливицах акция по сбору подписей не удалась¹²⁵.

В университете и в студенческих общежитиях Варшавы началась «война листовок». Первую написали Я. Куронь и К. Модзелевский. Она называлась «Политическое содержание петиции о “Дзядях”». В основном листовки готовили «командосы» и сотрудничавшие с ними студенты. В них авторы обращались к учащимся с призывом защитить национальную культуру, резко критиковали позицию ССМ и опровергали слухи о причастности советского посольства к запрету спектакля. Вскоре начали распространяться антисемитские листовки, в которых вина за последние события возлагалась на студентов-евреев, содержались призывы не поддаваться на провокации возмутителей спокойствия и дать отпор подрывной деятельности сионистов. Некоторые исследователи полагают, что стилистика «антисионистских листовок» слишком напоминала почерк МВД¹²⁶.

Тем временем акцию протеста начали готовить писатели. В авангарде здесь шли как партийные, так и недавно исключенные из ПОРП деятели литературы (А. Слущкий, С. Полляк, А. Лисецкая, Ф. Беньковская, В. Леопольд). В начале февраля они стали собирать подписи под протестом против запрета «Дзядов» и требованием созыва чрезвычайного собрания варшавского отделения СПЛ. Очень быстро им удалось собрать достаточное количество голосов. Подписи под документом поставили даже четыре члена редколлегии варшавской «Культуры». Подписал его и председатель правления Я. Ивашкевич, хотя и с согласия секретаря первичной парторганизации СПЛ Е. Путрамента. Кроме того, П. Ясеница, Ю. Жулавский и композитор З. Мычельский (главный редактор журнала «Музыкальное движение») собирали подписи под обращением к председателю Госсовета Э. Охабу с требованием возобновить спектакль. Председатель польского Пен-клуба Я. Парандовский назначил на 7 февраля чрезвычайное заседание правления организации.

Органы власти были сильно обеспокоены такой активностью интеллигенции. Они разработали ряд предложений для удержания ситуации под контролем¹²⁷. На партсобраниях СПЛ 6 и 16 февраля, проходивших с участием представителей высших партийных органов, была выработана линия на предстоящем собрании варшавского отделения СПЛ и составлен проект резолюции, которую партийные литераторы должны были представить на рассмотрение коллегам. На заседании правления польского Пен-клуба 7 февраля А. Слонимский предложил принять резолюцию с категорическим осуждением действий цензуры, однако она была отвергнута. Решено было только обратиться за разъяснениями к руководству Министерства культуры и искусства. Встреча прошла 9 февраля и запомнилась высказываниями А. Слонимского

и П. Ясеницы. Министру вручили резолюцию с протестом против ужесточения цензуры в СМИ и разных областях культуры. 25 февраля прошло бурное заседание Общества актеров театра и кино. На заседании присутствовали министр культуры Л. Мотыка, заведующий Отделом культуры ЦК ПОРП В. Красько, генеральный директор Министерства культуры С. В. Балицкий, а также К. Деймек и исполнитель главной роли в его спектакле Г. Холоубек. Решение снять «Дзяды» со сцены подверглось резкой критике, была принята резолюция с требованием возвратить спектакль в репертуар Национального театра¹²⁸.

29 февраля состоялось внеочередное собрание варшавского отделения СПЛ. Оно превратилось в настоящую битву сторонников и противников партийного курса. Оппозиция впервые за несколько лет действовала сообща. С пылкими речами выступили Е. Анджеевский, А. Слонимский, П. Ясеница, Л. Колаковский, С. Киселевский, М. Гжещак, М. Яструн и др. Лейтмотивом обличительных выступлений явились слова Л. Колаковского: «постановка Деймека не имеет никакого значения. Существенным в нынешней дискуссии является то, что власти наделяют себя исключительным правом трактовать Мицкевича и всех остальных авторов. Это – попытка вернуться к ждановским временам». С осуждением запрета спектакля выступил даже связанный с ПАКСом писатель А. Лашовский: «никто из молодежи, принимавшей участие в протестах против снятия “Дзядов”, не действовал наперекор социализму. Молодежь всего лишь встала на защиту певца нации. Нельзя утверждать, будто протесты были направлены против союза с СССР.. ведь все мы хотим, чтобы Польша в будущем стала великой державой. Интеллигенция ждет перемен, ждет “Весны народов”». Здесь явно содержался намек на реформы, начатые в Чехословакии. Этим высказываниям оппонировали партийные писатели. Р. Братный утверждал, что благом нации сейчас прикрываются те, кто еще недавно (до 1956 г.) иначе понимал слово нация. Б. Навроцкая сравнила предлагаемую оппозицией резолюцию с «Письмом 34-х». Е. Путрамент вновь противопоставлял режим Народной Польши католической церкви и риторически вопрошал, кого оппозиционеры представляют себе на месте лидера нации, если не Гомулку? Впрочем, признавал он, первый секретарь ЦК действительно трудный собеседник, так как страдает отсутствием чувства юмора и недолюбливает литераторов.

Вниманию собравших были предложены два проекта резолюции: умеренный, разработанный С. Р. Добровольским, и радикальный, составленный А. Киевским и Е. Загурским. Прошел второй вариант, звучавший следующим образом: «Польские писатели... обеспокоенные запретом дальнейших представлений “Дзядов” Мицкевича на сцене Национального театра, заявляют:

1) На протяжении долгого времени усиливается вмешательство властей, осуществляющих руководство культурным процессом, в художественное творчество; вмешательство это затрагивает не только содержание произведений, но также их распространение и восприятие общественным мнением. 2) Система цензуры и руководства культурной деятельностью носит скрытый характер, в ней отсутствует точное распределение полномочий между отдельными ведомствами и механизм оспаривания решений. 3) Такое положение угрожает национальной культуре, тормозит ее развитие, лишает ее животворных соков и обрекает на выхолащивание... 4) Требования писателей, представленные в форме решений и обращений руководящих органов СПЛ и ведущих деятелей писательского сообщества, остались без внимания. Движимые гражданским долгом, призываем власти ПНР восстановить в соответствии с нашей вековой традицией терпимость и свободу творчества. 5) Требуем вернуть “Дзяды” Мицкевича в постановке Казимежа Деймека, ибо снятие этого спектакля вызвало справедливое возмущение жителей столицы». Поздно вечером президиум вдруг получил известие, что к зданию варшавского отделения СПЛ подтягиваются грузовики с «рабочим активом». Незваные гости высказывали желание войти внутрь, чтобы «выразить свое возмущение тем, что творится на сцене». Представители президиума В. Жулкевская и Е. Путрамент с трудом уговорили прибывших не вмешиваться в прения. Дабы не играть с огнем, собрание решено было закрыть¹²⁹.

В тот же день главный редактор польского агентства «Интерпресс» Е. Солецкий провел пресс-конференцию для иностранных журналистов, изложив официальную причину снятия со сцены «Дзядов». Он категорически отверг слух о причастности к этому советского посольства и возложил всю ответственность за произошедшие инциденты на «хулиганские выходы» некоторых групп зрителей¹³⁰.

Тем временем в среде студенческой оппозиции продолжались дебаты о дальнейших действиях. Лидеры «командосов» настаивали на массовом митинге в защиту постановки К. Деймека. При этом истинной целью было отнюдь не возвращение пьесы на сцену, но, как потом признал в своих тюремных записях, сделанных в 1968 г., Х. Шляйфер, создание независимой молодежной организации. «Мы шли к студентам с сугубо политической программой. Однако огласить сразу все наши постулаты не представлялось возможным, поскольку студенческое сообщество еще не было готово к этому [...] Мы исходили из предпосылки, что когда студенты пойдут на митинг, никто кроме “командосов” не сумеет придать протесту определенные рамки и направление. Если в результате митинга политические организации в Варшавском университете потеряют голову и утратят всяческое влияние, появится шанс превратить сту-

денческий комитет, который образуется на этом митинге, в единственную реальную власть в вузе, к тому же власть законную... Этот студенческий комитет планировалось преобразовать в так называемый Революционный комитет студентов [...] К чему мы стремились?.. Мы хотели создать организацию студенческой молодежи, которая, будучи независимой от существующих политических партий в стране, могла бы служить платформой для сил, борющихся за социализм, но желающих видеть этот социализм не в виде диктатуры узкой группки людей, а в виде эффективно действующего механизма воздействия общества на окружающую действительность»¹³¹. Против митинга выступил К. Модзелевский, опасавшийся волны репрессий и потери тех островков свободы, которые еще существовали в университете. Его позицию поддержали К. Помян и Л. Колаковский. «Эти сопляки хотят нас свергнуть туда, куда мы вовсе не хотим попасть», – без обиняков заявил последний. На время возобладала осторожность. Но в начале марта министр высшего образования Х. Яблоньский исключил А. Михника и Х. Шляйфера из университета. Это в корне изменило ситуацию. Теперь речь уже шла о защите репрессируемых. 3 марта, в день рождения Я. Куроня, «командосы» приняли решение о митинге (Куронь отмечал свой праздник на чужой квартире, так как в его собственной работала подслушивающая аппаратура)¹³². При этом условились пресекать любые антигосударственные и антисоветские высказывания, а также попытки затеять драку¹³³.

6 марта А. Михник и Х. Шляйфер были задержаны на 48 часов. В тот же день на имя ректора университета поступило письмо от П. Ясеницы, М. Ваньковича, Т. Конвицкого, М. Яструна, А. Слонимского, А. Важики, Я. Бохеньского и Е. Анджеевского с просьбой отменить дисциплинарные взыскания, наложенные на студентов, которые пострадали в результате акций в защиту «Дзядов». Авторы аргументировали свое обращение тем, что учащиеся «нарушая, быть может, общественный порядок, оказались верны национальной и общечеловеческой культуре»¹³⁴. Призыв остался без ответа.

Митинг состоялся 8 марта перед зданием университетской библиотеки. Поддержать исключенных студентов пришло несколько сотен человек. Это был первый за истекшие десять лет случай столь массовой поддержки оппозиции в университете.

До января 1968 г. студенты не отдавали себе отчета в существовании организованной группы оппозиции, поскольку «командосы» были замкнутым сообществом. Притом большинство не разделяло их левых взглядов, а зачастую отрицательно относилось и к самой коммунистической фразеологии, используемой «командосами»¹³⁵. Тем не менее на призыв поддержать репрессируемых откликнулись многие учащиеся, даже отнюдь не левых убеждений.

Причиной этого, видимо, было то, что митинг по сути своей был акцией не за, а против. Против режима, от которого уже не ждали ничего хорошего.

Еще до начала митинга Служба безопасности арестовала К. Модзелевского, Я. Куроня, С. Блюмштайна, Я. Литыньского и Х. Шляйфера. Однако это не помешало осуществлению плана «командосов». В 12.00 перед собравшимися выступила студентка И. Лясота. Она зачитала проект резолюции, в котором выражался протест против антиконституционных преследований студентов, и содержалось требование отмены всех взысканий, наложенных на защитников «Дзядов». Затем студенты В. Гурецкий и М. Савицкий огласили проект другой резолюции, где заявлялось о поддержке решений недавно прошедшего собрания варшавского отделения СПЛ. Все это происходило под аккомпанемент голосов активистов ССМ, которые скандировали: «Долой провокаторов!», «Долой смутьянов!», «Дайте нам спокойно учиться!». Не успели митингующие принять обе резолюции, как на территорию университета въехало несколько автобусов с надписью «Экскурсия». Из них высыпали люди в гражданской одежде, которые окружили студентов и стали по одному вытаскивать их из толпы и вталкивать в автобусы. Послышались крики: «Гестапо!». В знак протеста митингующие уселись на землю и стали требовать ректора. На балконе ректората появился проректор З. Рыбицкий и потребовал прекратить неразрешенный властями митинг. Однако поскольку главные ворота были закрыты, проректор согласился принять студенческую делегацию и дать митингующим время на выход из университета. В состав делегации попали семь человек, в том числе три «командоса» (И. Лясота, Я. Левицкая, Б. Торуньник), а также сын бывшего премьера Э. Осубки-Моравского Михал, учившийся на юридическом факультете. Митингующие потянулись к выходу. Отступили также и люди в штатском из «экскурсионных» автобусов. Однако им на смену явились функционеры ОРМО (Добровольного резерва гражданской милиции). Увидев это, студенты остановились и принялись петь национальный гимн и «Интернационал». Сотрудники ОРМО бросились на митингующих, избивая всех подряд резиновыми палками. Вскоре к месту событий подтянулись хорошо экипированные отряды милиции. Это было явным нарушением принципа университетской автономии, согласно которому доступ работников охраны порядка на территорию университетов был запрещен. Выбегающие из университета студенты собирались большими группами в центре города, но на них немедленно нападали отряды сил правопорядка. Доходило до гротеска. Несколько десятков человек в поисках спасения укрылись в костеле святого Креста (одном из крупнейших храмов польской столицы). Кто-то издевательски выкрикнул: «Глядите, как партия загоняет людей в церковь!»¹³⁶. Милиция устремилась внутрь, студенты с пением «Интернационала» попытались забаррикадировать двери, но без успеха.

Жестокая расправа со студенческим митингом всколыхнула всю Польшу. Уже на следующий день в Варшаве состоялась крупная манифестация студентов (вновь разогнанная милицией), а с понедельника 11 марта волнения охватили все университетские центры страны. На протяжении недели демонстрации протеста и столкновения с милицией прокатились по Кракову, Лодзи, Вроцлаву, Гданьску, Люблину, Ополо, Торуню, Катовицам, Познани, Ченстохове, Щецину. Продолжалось противостояние в Варшаве, где забастовками были охвачены все вузы. Выступления были отмечены также в городах, где не было больших учебных заведений: Лигнице, Радоме и Зеленой Гуре¹³⁷.

Анализируя выдвинутые протестовавшими лозунги, польская историография отмечает преобладание среди них требований «социалистической демократии». Высказывается мнение, что этот лозунг был характерен лишь для студентов Варшавского университета, но чем дальше от столицы, тем меньше в лозунгах оставалось социализма, зато все громче звучали романтическо-повстанческие идеи¹³⁸. Однако в резолюциях вроцлавского или краковского студенчества социалистической риторики было не меньше, чем у студентов Варшавы. И в то же время, именно учащиеся Варшавского университета одними из первых вышли на демонстрацию с требованиями свободы и демократии без обычной апелляции к социализму¹³⁹.

Действительно, несмотря на обилие упоминаний о социализме, которые содержались в многочисленных декларациях студенческого движения в марте 1968 г., напрашивается мысль, что постоянное подтверждение своей верности принципам социалистической демократии было уступкой, необходимой для налаживания диалога бастующих студентов с властью, которая не признавала других теоретических основ функционирования общественно-политического строя Народной Польши. По свидетельству одного из активных участников мартовского движения М. Круля, первым такой прием предложил использовать К. Помян¹⁴⁰. Сыграло свою роль, видимо, и воспитание в социалистическом духе, которое хотя и не сделало из большей части молодежи убежденных марксистов, но привнесло ряд мировоззренческих установок, которые уже вошли в сознание польского студенчества 1960-х годов. З. Бауман, которого репрессии 1968 г. вынудили эмигрировать, среди таких установок называет убежденность в изначальном равенстве всех людей и стремление дать всем одинаковые шансы в жизни как воплощение общества социальной справедливости¹⁴¹. Аналогичным явлением было также пение на студенческих митингах «Интернационала», и лозунг того периода «Рабочие с нами», что было отголоском романтических представлений о пролетарской революции.

Участники волнений подчеркивали общечеловеческое содержание своих требований, их демократическое содержание. По мнению одного из авторов студенческих программ марта 1968 г., Я. Карпиньского, студенты боролись не

за равный уровень потребления, но за свободу; не ликвидация материального неравенства была целью забастовщиков, но демократия. И главным лозунгом движения был не «Социализм», а «Нет хлеба без свободы!»¹⁴². Анонимный автор, в феврале 1969 г. пославший письмо в редакцию «Культуры», утверждал, что «смыслом молодежного движения было стремление к демократии, осознание недостаточности перемен по типу октябрьских (1956 г. – В. В.), требование свободы, легальной оппозиции, всеобщих выборов, эффективной хозяйственной системы и политической независимости»¹⁴³.

Действительно, в «Воззвании» учащихся Вроцлавского университета от 25 марта и «Декларации студенческого движения», принятой на митинге в Варшавском университете 28 марта, не было апелляций к социализму, зато там перечислялись конкретные претензии к ПОРП и содержались требования политических и экономических реформ: упразднение цензуры, создание новой молодежной организации (без конкретизации), экономические преобразования, опирающиеся на рынок и самоуправление предприятий, независимость профсоюзов и суда, создание Конституционного трибунала¹⁴⁴. В то же время нельзя сказать, что участники мартовского движения ставили своей целью радикальное преобразование политической системы ПНР в духе западной демократии. В студенческих лозунгах не отвергалась руководящая роль ПОРП. Протестующие не стремились возродить идеалы «истинного социализма», за что выступали их предшественники – студенты 1956 г.

Рассматривая состав участников волнений, Е. Эйслер подметил, что среди 2725 задержанных властями было всего около 600 студентов, зато 937 рабочих¹⁴⁵. М. Заремба обратил внимание, что все задержанные рабочие были молодыми людьми – не старше тридцати лет¹⁴⁶. Это наводит на мысль, что события марта 1968 г. по сути были бунтом части молодежи против косной системы. Новое поколение поляков в отличие от людей старшего возраста не склонно было сравнивать окружающую действительность с довоенным временем, поэтому оставалось глухо к пропаганде успехов Народной Польши. Молодежь имела перед глазами пример западных стран, где более высокий жизненный уровень сочетался с широкой демократией. Именно это стало для нее ориентиром, а не умозрительный коммунизм официальной идеологии.

5. Реакция власти

Во время мартовских волнений 1968 г. пресса и представители партийного руководства продолжали трактовать их как следствие провокационной деятельности сионистов и зарубежных «поджигателей», и в то же время обвиняли А. Слонимского и С. Киселевского в потворстве антисемитизму. Официальная пропаганда стремилась убедить общественность, что выступления играют на руку империализму и его польским союзникам (к последним причис-

лялась антикоммунистическая эмиграция, А. Слонимский, П. Ясеница, С. Киселевский, В. Брус, Б. Бачко, Л. Колаковский, З. Бауман, С. Моравский, а также «командосы»), и в то же время неустанно пыталась подчеркнуть, что у истоков случившегося стоят люди, скомпрометированные в период «догматизма», а ныне пытающиеся вернуть себе власть (прежде всего, С. Сташевский и Р. Замбровский). «Командосов» называли «банановой молодежью», которая сходит с ума от безделья. В прессе публиковались данные об их высокопоставленных родителях. На предприятиях созывались многотысячные митинги, принимавшие резолюции с осуждением «смутьянов» и поддержкой В. Гомулки¹⁴⁷.

«Антисионистская кампания» и мартовские волнения явились прелюдией к волне репрессий против оппозиционеров и многих представителей научной и творческой интеллигенции. В 1968–1969 гг. страну покинуло без права возврата более 15000 граждан, среди них несколько сот ученых (в том числе Л. Колаковский и З. Бауман), около 200 работников печати и издательств, 91 артист, 26 кинематографистов и более 300 врачей. Кроме того, была проведена кадровая чистка. Уже к сентябрю 1968 г. с ответственных постов в Варшаве было снято 774 человека, в том числе 5 министров, 22 заместителя министра, 133 заведующих и заместителей заведующих отделами. Из армии уволено около 2000 офицеров, в том числе 17 генералов. Среди отправленных в отставку были председатель Госсовета Э. Охав и министр иностранных дел А. Рапацкий. Кроме того, министр обороны М. Спыхальский, которого негласно обвиняли в связях с сионистами, был переведен на почетную, но менее значимую должность председателя Госсовета, а его место занял В. Ярузельский. В целом эта волна отставок способствовала обновлению кадров в ПОРП. 82 члена руководящих органов партии не были переизбраны на V съезде ПОРП¹⁴⁸.

События 1968 г. ознаменовали исчезновение «ревизионизма» как альтернативного течения марксистской мысли. «В марте 1968 – декабре 1970 гг. умерли надежды на обновление коммунизма, а с ними умер и ревизионизм», – написал Я. Куронь спустя несколько лет¹⁴⁹. Показателем отхода оппозиционеров от коммунистической идеологии были слова А. Михника, произнесенные им на суде в 1969 г. по поводу деятельности Я. Куроня и К. Модзелевского: «Они смело и талантливо показали зло в общественном устройстве, но не показали источник этого зла и как с ним бороться. Более того, они не могли этого сделать, так как в своей деятельности не выходили за рамки идей, в которых выросли»¹⁵⁰. Это высказывание достаточно определенно указывает на то, что сам Михник окончательно растаял с прежними убеждениями. Нечто подобное ощущала и правящая элита, с той только разницей, что в ее восприятии

исчезновение «ревизионизма» было явлением сугубо позитивным. Об этом единодушно говорили в 1968 г. В. Гомулка и Е. Путрамент¹⁵¹.

Как рецидивы «ревизионизма» можно упомянуть деятельность в конце 1960-х годов В. Беньковского и Я. Древновского. Первый говорил, что общественно-экономическая и политическая системы ПНР уже не удовлетворяют уровню развития производительных сил. В связи с этим он призывал ПОРП совершить «контролируемую революцию», заключающуюся в демократизации избирательной системы, ограничении цензуры и полномочий органов госбезопасности, а также в повышении роли Сейма. Книга В. Беньковского «Что развивает и что тормозит социализм» была опубликована парижской «Культурой», за что автора в 1969 г. исключили из ПОРП. В свою очередь Я. Древновский, попросивший в 1969 г. политическое убежище в Нидерландах, утверждал, что существующий в Польше строй вообще не имеет ничего общего ни с социализмом, ни с марксизмом. Строй, который Древновский предложил именовать «советизмом», возник, по мысли автора, как деградация социализма. «Советизм» характеризуется переплетением политического и экономического притеснения трудящихся со стороны господствующего класса – «аппаратной бюрократии». Однако обострение классовой борьбы в Народной Польше, утверждал он, неизбежно приведет к свержению этого строя, построению «гуманистического социализма» и завоеванию полноценной независимости страны¹⁵².

Часть социалистически ориентированной интеллигенции после событий 1968 г. перестала идейно отождествлять себя с властью и таким образом перешла в разряд явной оппозиции. Знаменательно, что когда осенью 1968 г. Т. Ковалик, В. Брус и К. Помян решили возродить частные семинары в Варшавском университете, туда стали приглашать уже только беспартийных¹⁵³. Власть же, в свою очередь, окончательно рассталась с идейным наследием «Октября 1956 г.», причем своеобразным моментом истины здесь послужило не подавление мартовских выступлений, а участие польских войск во вторжении в Чехословакию в августе 1968 г.¹⁵⁴

Оппозиция почти не проявила себя в этот драматический момент. Лишь некоторые представители интеллигенции отважились на открытый протест (Е. Анджеевский, С. Мрожек, З. Мычельский и А. Татаркевич)¹⁵⁵. Кроме того, некоторые студенты (Б. Бляйфер, Э. Смоляр и др.) попытались распространять листовки протеста, однако были вскоре арестованы. Самой же громкой акцией протеста явилось самосожжение рабочего Р. Сивеца, совершенное 8 сентября 1968 г. на крупнейшем в Варшаве стадионе во время праздника урожая. Наблюдать это могли не только собравшиеся там десятки тысяч человек, но также представители партийно-государственной верхушки во главе с В. Гомулкой¹⁵⁶.

В конце 1968 г. две группы молодых оппозиционеров, участвовавших в мартовском движении, предприняли сбор материалов о студенческих волнениях для передачи их в парижскую «Культуру». Все они были схвачены. Процессы над ними, а также над «командосами», состоялись в 1968–1970 годах. Всего среди участников мартовских волнений было осуждено 80 человек. Особенно громким был процесс Я. Куроня и К. Модзелевского. Оба были приговорены к трем с половиной годам заключения. Кроме них сроки от полутора лет до трех получили: А. Михник, Я. Литыньский, С. Блюмштайн, Ю. Дайчгеванд, В. Гурецкий, Б. Торуньчик, С. Кретковский, Х. Шляйфер, А. Замбровский и др. Многие из тех, кто не попал под суд, были вынуждены уйти из вузов¹⁵⁷.

Власть взяла под контроль те организации, которые пользовались некоторой самостоятельностью. На прошедшем в октябре 1968 г. IV съезде Союза польских харцеров делегаты приняли дополнение к уставу об идейном руководстве со стороны ПОРП¹⁵⁸. На быдгощском съезде СПЛ в феврале 1969 г. прошла поправка о возможности исключения из состава организации людей, чья деятельность противоречила идейным принципам Союза литераторов и вредила ПНР. Было принято постановление о создании верификационной комиссии, которая должна была оценивать политический облик польских литераторов¹⁵⁹. Была фактически ликвидирована автономия университетов. Служба безопасности начала сбор компрометирующих материалов на «Политику» – единственное издание, которое осталось в стороне от «антисионистской кампании» (под подозрение, в частности, попали его главный редактор М. Раковский и Е. Урбан)¹⁶⁰.

Анализируя спустя много лет истоки «ревизионистского» течения, А. Михник писал: «Социальной базой ревизионизма были коммунисты первого поколения, то есть люди, которые, выбирая коммунизм, выбирали также и идеологию, и жизнь, полную жертв и самоотдачи... Их ментальность изначально формировалась на основе понимания слова «социализм» в двух значениях: с одной стороны, будучи воспитанниками советского коммунизма, они признавали его практику, с другой же – высказывались за универсальные идеи братства людей труда. Их позицию... можно было бы охарактеризовать как «бунт цветов против своих корней». Таким образом, источником ревизионизма было противоречие гуманистических лозунгов и тоталитарной практики»¹⁶¹.

Высшее партийное руководство особенно остро реагировало на «ревизионистскую» критику, поскольку она исходила из одного с ним лагеря, в то время как противников, не разделявших ценности социализма, легко можно было обвинить в «буржуазном влиянии» и не обращать внимания на их аргументы. Подобный образ мышления Колаковский впоследствии назвал отличительной

чертой коммунистического менталитета¹⁶². Однако в этом крылась и слабость «ревизионизма». Своей критикой это течение политической мысли разрушало идеологию партии. Престиж доктрины ПОРП усилиями «ревизионистов» постепенно снижался, вследствие чего власть все меньше обращала внимания на свою идеологию, которая превращалась в пустой ритуал, и критика теряла свою эффективность.

Примечания

¹ См., например, записки Е. Путрамента и секретаря первичной парторганизации в СПЛ В. Залевского от 1962 г.: AAN. PZPR KC 237/XVIII–219. К. 24–29, 39–47.

² AAN. PZPR KC 237/XVIII–192. К. 160.

³ Ibid. К. 320–324.

⁴ Ibid. К. 230–232.

⁵ AAN. PZPR KC 237/XVIII–211. К. 1–13.

⁶ AIPN 0365/32 t.2. К. 1–6.

⁷ Ibid. К. 26.

⁸ Ibid. К. 27–28.

⁹ *Eisler J. Marzec* 1968... S. 59.

¹⁰ AIPN 01820/5 t. 3. К. 39–41, 57–60.

¹¹ AIPN 0365/32 t. 2. К. 32–33.

¹² AAN. PZPR KC 237/XVIII–267. К. 3.

¹³ AAN. PZPR KC 237/XVIII–219. К. 25.

¹⁴ *Gaston de Gerezyay [S. Cat-Mackiewicz]. Polska Gomułki i List "34" // Kultura* (Парыж), 1964, № 10. S. 18–20.

¹⁵ AIPN 0365/106 t. 1. К. 44–63.

¹⁶ AIPN 01820/5 t. 1. К. 29.

¹⁷ AIPN 01820/5 t. 3. К. 72.

¹⁸ Ibid. К. 80–81.

¹⁹ Ibid. К. 85–86.

²⁰ Ibid. К. 98.

²¹ Ibid. К. 145.

²² AIPN 01820/5 t. 1. К. 239.

²³ Ibid. К. 86.

²⁴ Ibid. К. 95–96.

- ²⁵ Ibid. K. 100.
- ²⁶ AIPN 01820/5 t. 3. K. 69–70.
- ²⁷ AAN. PZPR KC 237/XVIII–267. K. 169.
- ²⁸ *Gaston de Gerezay [S. Cat-Mackiewicz]. Polska Gomułki...* S. 20.
- ²⁹ AAN. PZPR KC 237/XVIII–267. K. 218–219.
- ³⁰ *Żyromski W. Zenon Kliszko i list “34” // Kultura (Paryż), 1964, № 12. S. 147.*
- ³¹ AAN. PZPR KC 237/XVIII–267. K. 170–172.
- ³² AIPN 01820/5 t. 3. K. 140.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ AIPN 01820/5 t. 3. K. 154–157, 198–204.
- ³⁵ AAN. PZPR KC 237/XVIII–267. K. 173–193.
- ³⁶ AIPN 0365/32 t. 2. K. 39.
- ³⁷ Ibid. K. 38–41; *Gaston de Gerezay [S. Cat-Mackiewicz]. Polska Gomułki...* S. 24–25.
- ³⁸ AAN PZPR KC 237/XVIII–291. K. 12–17.
- ³⁹ AAN. PZPR KC 237/XVIII–281. K. 2–4, 22–25.
- ⁴⁰ Ibid. K. 18–26.
- ⁴¹ Ibid. K. 18–21.
- ⁴² *Żyromski W. Zenon Kliszko i list “34” // Kultura (Paryż), 1964, № 12. S. 148.*
- ⁴³ AAN. PZPR KC 237/XVIII–267. K. 53–76.
- ⁴⁴ AIPN MSW II 3068. K. 1–25.
- ⁴⁵ AIPN 0365/106 t. 1. Informacja ą 0100.
- ⁴⁶ *Sonntag S. Rola komandosów w ruchu studenckim 1968 roku // Studia i materiały z dziejów opozycji i oporu społecznego. Pod red. Ł. Kamińskiego. T. II. Warszawa, 1999. S. 57.*
- ⁴⁷ AIPN 0296/172 t. 11. K. 5, 15.
- ⁴⁸ Ibid. K. 94; *Na pewno czas najważniejszy. Rozmowa z Karolem Modzelewskim // Jankowska J. Portrety niedokończone. Warszawa, 2004. S. 263.*
- ⁴⁹ *Eisler J. Marzec...* S. 94.
- ⁵⁰ AIPN 0365/9 t. 2. K. 55–56, 102–103.
- ⁵¹ Ibid. K. 1.
- ⁵² *Eisler J. Marzec...* S. 91.
- ⁵³ AIPN 0365/97 t.2. K. 2.
- ⁵⁴ Ibid. K. 3.
- ⁵⁵ Ibid. K. 5-7; *Eisler J. Op. cit. S. 90.*
- ⁵⁶ AIPN 0296/248 t. 3. K. 226–227.

- 57 AIPN 0365/97 t.2. K. 7.
- 58 *Eisler J.* Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 65.
- 59 *Eisler J.* Marzec 1968... S. 96.
- 60 *Eisler J.* Polski rok 1968... S. 67.
- 61 Na pewno czas... S. 263–264.
- 62 *Eisler J.* Polski rok... S. 70; Na pewno czas... S. 264–265.
- 63 *Kuroń J.* Wiara i wina. Do i od komunizmu. Warszawa, 1990. S. 39.
- 64 *Kossecki J.* Op. cit. S. 13–17; *Eisler J.* Marzec 1968... S. 89–90.
- 65 *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów komunistycznych... S. 157–245.
- 66 AIPN 0365/8 t. 2. K. 215.
- 67 *Eisler J.* Polski rok... S. 72.
- 68 AIPN 0365/8 t. 2. K. 233.
- 69 Ibid. k. 229–244.
- 70 *Eisler J.* Polski rok... S. 75–76.
- 71 *Jan Z.* Cena myślenia // *Kultura* (Paryż), 1966, № 7–8. S. 152.
- 72 AIPN 0365/8 t. 2. K. 251–255; *Eisler J.* Polski rok... S. 73.
- 73 AIPN 0296/259 t. 2. Notatka wyników sondy socjometrycznej niektórych osób z terenu Warszawy – znanych z antysocjalistycznej postawy lub wrogiej działalności. K. 2–3.
- 74 *Friszke A.* Op. cit. S. 236–237.
- 75 Цит. по: *Gawin D.* Potęga mitu. O stylu politycznego myślenia pokolenia Marca 68 // *Marzec 1968...* S. 289.
- 76 *Sonntag S.* Op.cit. S. 58.
- 77 *Мухник А.* Польский диалог: церковь–левые. Лондон, 1980. С. 64.
- 78 AIPN 0365/8 t. 2. K. 244.
- 79 *Friszke A.* Op. cit. S. 238.
- 80 *Perski A.* Nie istnieje konflikt pokoleń, tylko konflikt postaw // *Więź*, 1968, № 1.
- 81 *Mieroszewski J.* Ewolucjonizm. Paryż, 1964. S. 22, 39, 46–47.
- 82 *Siwek A.* Uniwersytet Warszawski w marcu '68. Warszawa, 1989. S. 20.
- 83 *Eisler J.* Polski rok... S. 77.
- 84 *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów.... S.279–280. AAN. PZPR KC IX/962. K. 1–12.
- 85 AAN. PZPR KC IX/962. K. 72–77.
- 86 Цит. по: *Eisler J.* Polski rok... K. 80.
- 87 AAN. PZPR KC IX/962. K. 3.
- 88 *Eisler J.* Polski rok... S. 81–82.

- ⁸⁹ AAN. PZPR KC IX/962. K. 29–33.
- ⁹⁰ *Eisler J. Polski rok...* S. 154–155.
- ⁹¹ AAN. PZPR KC XI/961. K. 13–14; *Eisler J. Polski rok...* S. 148–149.
- ⁹² List L. Kołakowskiego do Biura Politycznego KC PZPR // *Listy...* S. 251–254.
- ⁹³ AAN. PZPR KC XI/961. K. 15–67.
- ⁹⁴ *Ibid.* K. 96.
- ⁹⁵ *Ibid.* K. 119–126.
- ⁹⁶ *Ibid.* K. 98.
- ⁹⁷ AIPN MSW II 3068. K. 235–236; AAN. PZPR KC. XI/961. K. 97–101.
- ⁹⁸ *Eisler J. Polski rok...* S. 156.
- ⁹⁹ *Ibid.* S. 156–157.
- ¹⁰⁰ *Ibid.* S. 153.
- ¹⁰¹ AAN. PZPR KC 237/XVIII–268. K. 107.
- ¹⁰² *Ibid.* K. 87–113; Ośrodek “Karta”. AO IV/43.1.
- ¹⁰³ AIPN MSW II 3068. K. 245.
- ¹⁰⁴ *Kołakowski L. Eseje.* Warszawa, 1981. S. 86–101.
- ¹⁰⁵ *Eisler J. Polski rok...* S. 83–84; *Eisler J. Marzec 1968...* S. 111–112.
- ¹⁰⁶ *Zambrowski A. Oświadczenie dla wojewódzkiej komisji kontroli partyjnej // Kultura (Paryż), 1968, № 1–2.* S. 125; аудио-запись беседы с А. Замбровским. 20.06.05. В личном архиве автора.
- ¹⁰⁷ *Eisler J. Polski rok...* S. 84–85.
- ¹⁰⁸ *Na pewno czas...* S. 265.
- ¹⁰⁹ *Stola D. Kampania antysyjonistyczna.* Warszawa, 2000. Aneksy, s. 274.
- ¹¹⁰ *Eisler J. Polski rok...* S. 211; *Stola D. Op. cit.* S. 56.
- ¹¹¹ *Eisler J. Marzec 1968...* S. 112.
- ¹¹² *Stola D. Op. cit.* S. 120–121.
- ¹¹³ AIPN MSW II 2944. K. 1–2, 244–245.
- ¹¹⁴ Подробно см.: *Eisler J. Polski rok...* S. 158–164.
- ¹¹⁵ *Huszczo A. Public opinion in Poland // Public opinion in European socialist systems.* Edited by W. D. Connor and Z. Y. Gitelman. New York–London, 1977. P. 44–62.
- ¹¹⁶ *Dyoniziak R. Op. cit.* S. 26; *Kozłowski K. Antyrewoleucjoniści // Tygodnik Powszechny, 1961, № 50.*
- ¹¹⁷ *Huszczo A. Op. cit.* P. 48–49.
- ¹¹⁸ *Pawelczyńska A., Nowak S. Op. cit.*
- ¹¹⁹ Подробно см.: *Eisler J. Polski rok...* S. 164–172.

- ¹²⁰ AAN. PZPR KC 237/XVIII–312. K. 1–2.
- ¹²¹ *Ibid.* K. 92–103.
- ¹²² *Eisler J.* Polski rok... S. 174–175.
- ¹²³ *Ibid.* S. 175–180; AIPN 0365/46 t. 4. K. 17–18; AAN PZPR KC IX/978. K. 334–336.
- ¹²⁴ AIPN MSW II 2944. K. 238–243.
- ¹²⁵ AIPN 0365/46 t. 4. K. 18; *Eisler J.* Polski rok... S. 181–182.
- ¹²⁶ AIPN 0365/46 t. 4. Oświadczenie Teresy Boguckiej. K. 23–27; *Eisler J.* Polski rok... S. 224–225.
- ¹²⁷ AAN. PZPR KC 237/XVIII–312. K. 11–14, 20; *Eisler J.* Polski rok... S. 190–192.
- ¹²⁸ AAN. PZPR KC 237/XVIII–312. K. 15–20, 30–32; AIPN MSW DSA AK/145. K. 364–366; *Eisler J.* Polski rok... S. 185–186, 193–195.
- ¹²⁹ AIPN 0746/8. K. 1–11; *Eisler J.* Polski rok... S. 195–204.
- ¹³⁰ AAN. PZPR KC 237/XVIII–312. K. 69–72.
- ¹³¹ AIPN 0365/46 t. 4. Oświadczenie Henryka Szlajfera. K. 35–37.
- ¹³² *Eisler J.* Polski rok... S. 225–227.
- ¹³³ AIPN 0365/46 t. 4. Oświadczenie Teresy Boguckiej. K. 36.
- ¹³⁴ AIPN 0746/7. K. 2–3.
- ¹³⁵ *Siwek S.* Op. cit. S. 15, 73.
- ¹³⁶ AIPN 0746/41. K. 158.
- ¹³⁷ Подробное описание всех перипетий мартовского движения 1968 г. см.: *Eisler J.* Polski rok... S. 283–395.
- ¹³⁸ *Gawin D.* Potęga mitu... S. 293.
- ¹³⁹ *Eisler J.* Marzec 1968... S. 235.
- ¹⁴⁰ *Gawin D.* Op. cit. S. 194.
- ¹⁴¹ *Bauman Z.* O frustracji i o kuglarzach // *Kultura* (Paryż), 1968, № 12. S. 6.
- ¹⁴² Nie o egalitaryzm chodziło // *Kultura* (Paryż), 1969, № 5. S. 116–123.
- ¹⁴³ Nie zgadzam się z Baumanem // *Kultura* (Paryż), 1969, № 4. S. 116–119.
- ¹⁴⁴ *Eisler J.* Marzec 1968... S. 313–320.
- ¹⁴⁵ *Eisler J.* Polski rok... S. 396.
- ¹⁴⁶ *Zaremba M.* Biedni Polacy 68... S. 159.
- ¹⁴⁷ *Eisler J.* Polski rok... S. 525–559; Przemówienie I Sekretarza PZPR Wł. Gomułki na spotkaniu z partyjnym aktywnym stolicy // *Słowo Powszechne*, 03.20.68; Do studentów Uniwersytetu Warszawskiego // *Słowo Powszechne*, 11.03.68; AAN. PZPR KC 237/XVIII–312. K. 121–150.
- ¹⁴⁸ *Friszke A.* Polska... S. 300–301.

¹⁴⁹ *Kuroń J.* Polityka i odpowiedzialność... S. 111.

¹⁵⁰ Цит. по: *Siwek A.* Op. cit. S. 137.

¹⁵¹ AAN. PZPR KC XI/978. K. 393–395; XI/1079. K. 48.

¹⁵² *Friszke A.* Opozycja polityczna... S. 286–288; *Drewnowski J.* Socjalizm w Polsce // *Kultura* (Paryż), 1970, № 9.

¹⁵³ *Halberstadt J.* Tadeusz Kowalik // *Opozycja w PRL. Słownik...* T. 2. S. 171–173.

¹⁵⁴ *Friszke A.* Nauki Października w myśli politycznej środowisk opozycyjnych 1956–1980 // *Więź*, 1992, № 6. S. 106.

¹⁵⁵ *Friszke A.* Opozycja polityczna... S. 249; AAN. PZPR KC 237/XVIII–331. K. 41–42.

¹⁵⁶ *Eisler J.* Polski rok... S. 750–752; *Siwek Ryszard* // *Opozycja w PRL...* t. 2. S. 282–283.

¹⁵⁷ *Friszke A.* Polska... S. 302; *Siwek A.* Op. cit. S. 73.

¹⁵⁸ AAN. PZPR KC 237/XXXV–18. K. 134.

¹⁵⁹ AAN. PZPR KC XI/999. K. 12–14.

¹⁶⁰ AIPN 365/43 t. 5.

¹⁶¹ *Michnik A.* Szanse polskiej demokracji. Londyn, 1984. S. 41–42.

¹⁶² *Kotakowski L.* Główne nurty... S. 1150.

Глава третья

Национально-патриотические и светско-католические течения политической оппозиции. 1956–1970 годы

1. Светские католики

Движение светских католиков представляло интересы католической интеллигенции перед светским государством. Оно возникло в довоенной Польше как реакция на утверждение и распространение в обществе идеологий санации и эндеции. Поскольку обе характеризовались отчетливым национализмом, одной из основополагающих черт светского католического движения стало отрицание всякого рода ксенофобии, и прежде всего антисемитизма¹. Установление после Второй мировой войны нового политического режима в стране внесло коррективы в движение светских католиков.

Осенью 1945 г. группа светских католиков объединилась вокруг журнала «Дзись и ютро», в 1947 г. она получила название Объединение ПАКС. Ее идеология представляла синтез христианских и некоторых социалистических идей. Лидеры движения (Б. Пясецкий, З. Пшетакевич, Р. Рейфф и др.) до войны придерживались ультра националистических взглядов, но после 1945 г. от прежних взглядов отказались. Причиной такой метаморфозы многие считают контакты будущего председателя ПАКСа Б. Пясецкого с НКГБ СССР, которые он наладил после своего ареста советскими спецслужбами в 1944 г. Однако не исключено, что Пясецкий сознательно выбрал сотрудничество с новой властью, стремясь создать немарксистскую организацию, которая была бы лояльна правящему режиму и одновременно сохраняла автономию от официальных структур. В своей политике ПАКС провозглашал курс на коренное переустройство общества, активно ратовал за отход католической церкви от «реакционных» позиций, но при этом пытался стать посредником между властью и епископатом. Организация проводила благотворительную деятельность, поддерживая ветеранов АК, и финансировала образовательные программы, пропагандировавшие патриотизм и католическое мировоззрение. Но поскольку в ее рядах не было практически ни одного представителя светского католического движения довоенной Польши, говорить о какой-то преемственности в данном случае не приходится.

Польский епископат никогда не рассматривал ПАКС в качестве подлинно католической организации, зато власть, наоборот, видела в нем одну из своих опор и всячески покровительствовала. В силу этого Объединение ПАКС не может считаться оппозицией политической линии ППР–ПОРП, хотя на определенном этапе в него входили люди, известные своими антисоциалистическими взглядами и рассматривавшие Объединение как организацию скорее антикоммунистическую (например, К. Лубеньский сражался в рядах АК; В. Аулейтнер 1946–1948 годы входил в редколлегию закрытого властями католического издания «Тыгодник Варшавский»; Я. Заблоцкий и П. Ясеница вплоть до 1947 г. выступали против коммунистов с оружием в руках). Пережив тяжелый кризис в 1956 г., ПАКС и дальше продолжал играть ошутимую роль в общественно-политической жизни Польши – в частности, как орудие власти против католической церкви и как помощник режима в разного рода пропагандистских кампаниях. Последняя функция особенно ярко проявилась в 1967–1968 годах, когда печатный орган ПАКСа газета «Слово повсехне» встала в первых рядах «антисионистской кампании». Следует также добавить, что ПАКС пользовался определенными привилегиями в своей издательской политике. Именно там публиковались многие немарксистские писатели, чьи произведения не пропускала официальная цензура. Это дало повод С. Киселевскому заметить, что по всей видимости Б. Пясецкий войдет в польскую историю не как публицист и политик, а как второй Гебетнер и Вольф (основатели крупнейшего издательства довоенной Польши)².

Другим направлением светско-католической мысли Польши того периода было течение, которому С. Стомма дал название «позитивизма» по аналогии с течением общественной мысли, заявившем о себе на польских землях в 1870–1890-х годах. В программной статье 1957 г. он следующим образом выразил суть нового «позитивизма»: союз Польши с СССР, основанный на общности геополитических интересов; отрицание политического романтизма и склонность к компромиссу; недоверие к громким лозунгам, критическое отношение к прошлому своей страны³.

«Новый позитивизм» был рожден в среде католической интеллигенции, отрицавшей социализм, но не пожелавшей покинуть родину после прихода к власти сторонников идеологии марксизма. В 1945 г. эти люди возобновили издание в Кракове еженедельника «Тыгодник повсехне», а на следующий год основали еще и журнал «Знак». С самого начала данные издания заняли лоялистскую позицию, принимая новый режим, но отстаивая свое право на независимое мнение (С. Киселевский назвал такую политику «эндецко-позитивистским мышлением»⁴). В период, когда отношения между церковью и властью накалялись день ото дня, положение католических изданий было довольно трудным,

но все же они просуществовали до 1953 г., когда были закрыты вследствие отказа написать верноподданныческий некролог И. В. Сталина. «Тыгодник повшехнь» был передан ПАКСу и оставался проправительственным органом вплоть до начала 1956 г., после чего на волне перемен краковские издания были восстановлены почти в прежнем составе. Однако их идейная направленность претерпела существенную эволюцию по сравнению с предшествующим периодом.

До 1953 г. краковские издания действовали под патронатом Епископата, тон в них задавали люди, тяготевшие к доктрине церкви и отвергавшие программу «католического минимализма», послужившую прообразом для концепции С. Стоммы. Последний определял католический максимализм как принцип, связывающий сущность католицизма не только с моральными предписаниями, но и с общественным строем, в то время как минимализм – это лишь подчеркивание морального учения церкви, а не общественно-политического. Кроме того, Стомма настаивал на необходимости реформы церкви и призывал обратиться за поддержкой к народам более высокой культуры, т. е. к Западу⁵. Такие деятели, как ксендз Я. Пивоварчик и профессор М. Свенцицкий не принимали скептического отношения С. Стоммы к различного рода патриотическим выступлениям поляков в прошлом и выступали за большую роль церкви в общественно-политической жизни страны⁶.

Восстановленные в 1956 г. «Тыгодник повшехнь» и «Знак» были изданиями, вставшими на позицию церковного обновления, поэтому ни для Я. Пивоварчика, ни для М. Свенцицкого там места не нашлось. Идеино-политической платформой для концепции церковного обновления служила доктрина «открытого католицизма», суть которой состояла в готовности воспринять истины других учений, а также в способности откликаться на изменение социально-экономических, политических и прочих условий жизни людей. Другими словами, подразумевалась возможность гибкого подхода не только к формам деятельности католиков, но и к содержанию доктрины католицизма в условиях развития человеческой цивилизации⁷.

Публицисты «Знака» и «Тыгодника повшехного» отвергали национализм, капитализм и коммунизм, выступали в защиту прав трудящихся и находились под влиянием философии персонализма Ж. Маритена⁸. Французский философ не признавал социальную доктрину церкви составной частью католического мировоззрения, но в то же время отвергал и коммунизм, понимая его как атеизм в стадии реализации⁹. Развивая эти мысли, наиболее яркие деятели «нового позитивизма» С. Стомма и С. Киселевский не могли принять национализации промышленности, отмены частной собственности, а также нарушения демократических норм, что было характерно для политики властей

в послевоенной Польше. Поэтому деятели «Знака» хотя временами и конфликтовали с католической церковью, но неизменно принимали ее сторону в разногласиях с государством. В 1956 г. они организовали в Варшаве Общепольский клуб прогрессивной католической интеллигенции и в январе 1957 г. приняли участие в выборах в Сейм, проведя туда шесть депутатов, которые образовали там фракцию «Знак».

В клубном светско-католическом движении «новые позитивисты» видели два направления деятельности: конфессиональное и общественное. Что касается первого, то здесь целью их работы провозглашалось создание новой формации католической интеллигенции в Польше, которая бы одновременно занималась вопросами религии и католического мировоззрения, и в то же время глубоко изучала актуальную проблематику современности, «ибо только находясь в гуще общественной жизни, нации и народа, можно плодотворно служить этой жизни»¹⁰.

По отношению к первой задаче общественно-политическая проблематика деятельности клубов католической интеллигенции занимала подчиненное место и была направлена то, чтобы клубы стали своего рода связующим звеном между государством и церковью, между верующими и атеистами. Светские католики надеялись, что «отношения между церковью и партией вполне можно уладить без конфликтов, при условии доброй воли обеих сторон»¹¹, и сокрушались, что государство не хочет поддерживать нормальных отношений с церковью, и даже новые веяния именует не иначе как «политическим клерикализмом»¹². В связи с этим движение «Знак» предпринимало со своей стороны шаги, направленные на сближение позиций социалистического государства и католической церкви, причем не всегда ставили в известность о своих намерениях кардинала С. Вышиньского, что вызывало бурную ответную реакцию церкви. Так, в 1958 г. депутаты «Знака» К. Лубеньский, С. Стомма, Е. Завейский и З. Макарчик направили руководителям ПОРП послание, в котором призывали власти смягчить свою позицию в отношении церкви и нейтрально относиться к религии¹³.

Говоря о «посредничестве» между государством и церковью, верующими и атеистами, участники движения «Знак» отнюдь не имели в виду политическую деятельность. «Лучше всего такое положение, когда все вопросы, касающиеся церкви и государства, регулируются с помощью непосредственных контактов между представителями епископата и правительства, — заявлял С. Стомма. — Мы твердо убеждены в этом и поэтому не предпринимали никаких посреднических действий между обеими сторонами, и не претендуем на эту роль. В то же время понятно, что мы стремимся к нормальным отношениям между церковью и государством. И с этой точки зрения мы не можем

отказаться от собственной инициативы»¹⁴. Но такую инициативу «новые позитивисты» рассматривали лишь в контексте взаимоотношений между представителями разных мировоззрений. «Мне представляется, – говорил член редколлегии «Тыгодника повсехного» А. Велёвский, – что [клубы католической интеллигенции] должны быть прежде всего посредническим институтом, действующим на стыке разных общественных областей». Он выделил главные из этих областей: католики и внешний мир, а также церковь (т. е. духовенство) и светские люди¹⁵. Подобная миссия была немислима без терпимости к разным мнениям и идейным установкам, поэтому основополагающим принципом деятельности католических клубов были плюрализм и толерантность.

Светские католики понимали, что о серьезном воздействии на политику властей с их стороны не может быть и речи. С. Киселевский в письме главному редактору «Культуры» Е. Гедройцу утверждал, что политические и экономические изменения 1956 г. отнюдь не означают ликвидации тоталитаризма¹⁶. Однако участники движения «Знак» считали, что в подобных условиях следует не замыкаться в себе, а наоборот, как можно активнее включаться в общественную жизнь, ибо каждый должен брать на себя моральную ответственность за внутреннее и внешнее положение страны, независимо от того, разделяет он идеологию правящего режима или нет¹⁷. Участники «Знака» признавали послевоенные перемены в Польше бесповоротными, но не вследствие так называемой революции, а исключительно по геополитическим причинам, которые вынуждают «сотрудничать с Россией несмотря ни на что»¹⁸. Эти геополитические причины, по мнению светских католиков, заключались в опасности, исходящей от германского реваншизма, и эгоистической позиции Запада, что в условиях раскола мира на два враждующих блока заставляло Польшу искать сильного союзника, каковым в данных обстоятельствах они признавали только СССР¹⁹. Соответственно, в этих условиях и руководящая роль могла принадлежать только ПОРП, поскольку изменение такого положения неминуемо привело бы Польшу к экономической катастрофе и угрожало бы национальному суверенитету. «Пример Венгрии весьма поучителен», – говорилось по этому поводу в редакционной статье «Тыгодника повсехного» в марте 1957 г.²⁰ Однако «новые позитивисты» все же были не прочь видеть свою страну более суверенной, полагая за идеал ситуацию Югославии. Об этом писал С. Киселевский Е. Гедройцу в начале сентября 1956 г.²¹ Поэтому движение «Знак», в целом не соглашаясь с социально-экономическими преобразованиями, проведенными правящей партией в послевоенное время, поддерживали основы существующей системы (национализация производства, торговли и банков, сохранение индивидуального крестьянского хозяйства и т. д.),

и указывали, что «единственная возможная экономическая система [в нынешних условиях] – это новая модель социализма, реализующая соответствующим образом дух и традиции польского народа»²². «Огромные перемены, которые произошли в Польше после 1945 г., мы считаем бесповоротными..., – говорилось в заявлении фракции «Знак» в августе 1961 г. – [Они] направили народ на универсальную, современную линию развития... Союз с СССР обеспечивает защиту Польши перед... германским милитаризмом и гарантирует политическую стабилизацию Польши в международных отношениях...»²³.

Политика «Знака» в 1960-е годы не претерпела существенных изменений по сравнению с серединой 1950-х годов. Основной упор в политической деятельности «новые позитивисты», как и тогда, делали на работу в Сейме, где их присутствие было заметным, несмотря на малочисленность фракции. Выступления С. Киселевского и З. Макарчика на заседании Сейма 16 ноября 1960 г., направленные против законопроекта о материальной ответственности членов семей злостных неплательщиков налогов, а также против предложения сократить количество религиозных праздников, имели широкий резонанс не только в стране, но и за рубежом²⁴. А пассивная позиция депутатов «Знака» во время обсуждения нового административного кодекса в июне 1960 г. была особо отмечена наблюдателями из советского посольства, указавшими, что такое поведение католических представителей противоречит устоявшейся практике и говорит об отрицательном отношении светских католиков к новому кодексу²⁵.

С. Киселевский был активным членом Союза польских литераторов. На вроцлавском съезде писателей в 1958 г. он произнес большую речь о произволе цензуры и выдвинул собственный проект резолюции, в котором требовал ясного определения полномочий управления по контролю за прессой, публикациями и зрелищами²⁶. Однако участники съезда проголосовали за еще более радикальный проект Я. Котта. Во время люблинского съезда 1964 г. С. Киселевский был единственным, кто отважился бросить вызов В. Гомулке, потребовав большей свободы для католиков, которые выступают с иными взглядами, чем партия. Кроме того, публицист противопоставил Польше Венгрию, где, по его мнению, положение сторонников немарксистского мировоззрения было заметно лучше. За эту речь Киселевский подвергся обструкции на съезде и единодушному осуждению в кулуарах (укоряли его даже католические писатели). Лишь В. Ворошильский, А. Киёвский и А. Браун поздравили публициста с хорошей речью, что, однако, не вызвало у Киселевского ничего, кроме иронии. По его мнению, поведение коммунистов вроде Ворошильского и Брауна выставляло на посмешище то мировоззрение, которое они представляли²⁷.

Не менее критичные взгляды демонстрировал С. Киселевский и на культурно-просветительских мероприятиях. 31 марта 1967 г., участвуя в симпозиу-

ме любителей оперы в Познани, он, согласно данным Службы безопасности, разгромил всю экономическую и социальную политику власти и заявил, что для исправления ситуации в Польше необходимо ввести НЭП. 16 апреля того же года С. Киселевский выступил с докладом «Идеология и культура» перед лодзинскими студентами-католиками. Он отметил, что западная литература в отличие от литературы стран народной демократии и СССР не искажает действительности и носит более гуманистический характер. Эти и другие выступления подвигли Службу безопасности 5 мая 1967 г. выступить с предложением начать следствие против Киселевского или провести с ним предупредительную беседу²⁸.

Примерно с середины 1960-х годов «новые позитивисты» вынуждены были все чаще вступать в конфликт с властью. Трудности, которые переживала в начале 1960-х годов польская экономика, побудили светских католиков выступить с требованием радикальной структурной реформы, опирающейся на децентрализованное принятие решений²⁹. В 1964 г. С. Киселевский и Е. Турович подписали «Письмо 34-х». За это тираж еженедельника был сокращен с 50 до 30 тыс. экз.

Последующие события конца 1960-х годов – антиссионистская кампания и подавление оппозиции – непосредственно затронули те общественно-политические принципы, вокруг которых создавалось само движение «новых позитивистов»: вопрос о национализме и толерантности в обществе. Поэтому движение «Знак» вынуждено было предпринять ряд шагов, которые хотя и не перевели его в разряд явной оппозиции, однако были совершенно нехарактерны для предыдущей политики «Знака». В июне 1967 г. пять депутатов фракции обратились к министру иностранных дел ПНР А. Рапацкому с заявлением, в котором указывали на те страдания, которые перенес в прошлом еврейский народ, и вопрошали, каково отношение польского правительства, так яростно бичующего сионизм, к арабскому национализму³⁰? В период мартовских волнений участники движения «Знак» пытались сохранять нейтралитет, но фактически солидаризировались как с резолюцией Союза литераторов от 29 февраля 1968 г., так и с лозунгами бастующих студентов. В обращении фракции «Знак» к премьер-министру Ю. Циранкевичу 11 марта 1968 г. вина за случившееся была целиком возложена на ошибки правительства в культурной политике, а также на действия милиции, допустившей неоправданную жестокость³¹. Такие шаги фракции «Знак» недвусмысленно указывали на изменившиеся взаимоотношения власти и различного рода альтернативных течений общественной мысли, т. е. фактически на отход руководства страны от программы «Польского Октября» и трансформации режима в сторону его ужесточения.

Одним из главных объектов нападков власти в 1968 г. стал С. Киселевский, что неудивительно: на собрании варшавского отделения СПЛ 29 февраля 1968 г. он произнес яркую речь, в которой представил длинный список польских ученых, писателей и поэтов, вычеркнутых правящей партией из истории, и назвал господствующую в стране политический режим «диктатурой невежд»³². Именно это хлесткое определение пошло гулять по стране после того, как его с осуждением процитировал В. Гомулка в своем выступлении перед варшавским парламентом 19 марта. Незадолго до этого, 11 марта, Киселевский был избит на улице «неизвестными злоумышленниками». Вокруг него началась кампания травли, ему на три года запретили печататься. Главное правление СПЛ обратилось в товарищеский суд Союза с предложением исключить Киселевского из состава организации. Как свидетельствуют документы, идя на этот шаг, правление действовало в согласии с МВД. Однако данная акция не удалась, так как коллеги Киселевского предпочли уклониться от принятия столь одиозного решения³³.

В апреле 1968 г. отказался от депутатских полномочий лидер движения «Знак» и член Госсовета Е. Завейский, а после вторжения польских войск в составе сил Организации Варшавского договора в Чехословакию все католические депутаты намеревались сложить свои мандаты³⁴. Это означало бы открытый конфликт с властью, пересмотр всей прежней политики клубов католической интеллигенции, на что светские католики пойти не могли. В итоге победила «лоялистская» позиция, и фракция «Знак» осталась в Сейме. Предпринимались даже некоторые шаги по улучшению отношений с властью. Е. Завейский в письме В. Гомулке, отправленном в конце декабря 1968 г., утверждал, что все его действия не означают, будто он желает вступить в конфликт с ПОРП или ее первым секретарем. «Я верю в успешное будущее Народной Польши, а произошедшие [в 1944–1948 годы] перемены считаю бесповоротными», – говорил писатель³⁵.

С. Стомма, выступая в 1969 г. по поводу предстоявших выборов в Сейм, довольно оптимистично высказался о перспективе налаживания отношений между церковью и государством, а также выразил надежду, что в социалистических странах возникнет новая демократическая модель, которая объединит сильную политическую и экономическую власть с уважением к воле и независимости общественных объединений³⁶. В этих словах выразилось общее убеждение «новых позитивистов» в том, что однопартийная диктатура – явление хотя и несомненное, но временное, вызванное особыми условиями, в которых происходит строительство социализма, однако в целом, по мнению движения «Знак», партия, безусловно, идет демократическим курсом к новым формам подлинно общенародной власти, где общество сможет эффективно

контролировать действия правительства³⁷. Невзирая на эти «акты лояльности», власти не выразили согласия на баллотирование Завейского в новый состав Сейма.

Таким образом, движение «Знак» всегда находилось в оппозиции к руководству страны, но в то же время никогда не выходило за рамки им же установленных взаимоотношений с властью, играя, по словам А. Михника, роль своего рода лояльной «оппозиции его королевско-социалистического величества»³⁸.

Движение «Знак» было неоднородно по своей идеологической направленности. В него входила также группа деятелей, связанных с варшавским журналом «Вензь», которые отвергали «новый позитивизм» как «течение, выдвигающее постулаты реальной политики и относящееся критически к традиционной историософии»³⁹. «Вензь» была основана в 1958 г. людьми, которых тремя годами раньше исключили из ПАКСа за конфликт с его лидером. На редколлегию «Вензи», так же как и на группу «Тыгодника повсехного», оказал большое влияние французский персонализм, но в интерпретации Э. Мунье, который, в отличие от Ж. Маритена, был более близок к идеологиям левого толка. Для Э. Мунье социализм был шансом воплотить те духовные ценности, которые оказались скомпрометированы своим ошибочным отождествлением с западной цивилизацией. Последняя, по мнению Э. Мунье, создала на самом деле «извращенный мир», именуемый капитализмом, где человек деградирует до состояния равнодушного, всем довольного мещанина-потребителя. С этой точки зрения революционная борьба против «извращенного мира» является безусловным благом, так как предоставляет возможность отринуть потребительство и индивидуализм, характерные для капитализма, и выдвинуть на первый план персоналистские ценности, которые отличаются от индивидуализма тем, что, пробуждая личную активность всех членов общества, направлены на всеобщее благо, а не на удовлетворение потребностей одного отдельно взятого человека. Поэтому Э. Мунье приветствовал марксистскую критику капитализма, но говорил при этом, что человека нельзя сводить только к совокупности объективных условий жизнедеятельности общества, что существует еще и нечто внутреннее, предопределяющее поведение человека. И именно это внутреннее является причиной того, что человек даже в изменившихся общественных условиях может вести себя так же, как и раньше, то есть оставаться эгоистичным индивидуалистом. В силу этого персонализм должен способствовать углублению социализма, то есть работать над тем, чтобы новый строй преобразовывал не только внешние формы жизни людей, но и их внутренний мир⁴⁰.

Сторонники Э. Мунье в послевоенной Польше могли реализовать свои идеи в рамках ПАКСа, поскольку, как заметил позднее Я. Заблоцкий, концепция «открытого католицизма», служившая естественной нишей для всех польских сторонников церковного обновления, в то время еще не была в достаточной мере выработана⁴¹. Группа приверженцев персонализма Э. Мунье, возглавляемая Т. Мазовецким и Я. Заблоцким, принимала общеполитические установки ПАКСа, в частности, положение о ведущей роли рабочего класса и его авангарда – ПОРП, постулат о служении социалистической революции и польской католической церкви, а также негативное отношение к политике Ватикана⁴². «Мы не хотели предавать Церковь, – писали приверженцы Э. Мунье в статье «Большая растрата» в ноябре 1956 г. – Мы не хотели предавать революцию. Мы искали такие теоретические принципы, которые обеспечили бы нам выход из замкнутого круга противоречий...»⁴³. Вслед за своим учителем польские сторонники левого персонализма акцентировали внимание на этосе общественного бунта и делали упор на всестороннее развитие каждой отдельно взятой личности⁴⁴. Кроме того, группа Мазовецкого-Заблоцкого выступала за радикальное обновление церкви, за очищение ее от «реакции»: «Областью нашей работы в Объединении было преодоление реакционной ментальности среди верующих, в особенности – среди духовенства, последовательное мощение в их сознании дороги к новым, общественно прогрессивным понятиям, мобилизация их для сознательной, немеханической деятельности на пользу Народной Польше»⁴⁵.

Однако, несмотря на положительное отношение к роли ПАКСа в польском обществе и светском католическом движении (позже один из основателей «Вензи» Т. Мыслик назвал время, проведенное в ПАКСе, «тремя годами упоения»⁴⁶), последователи Э. Мунье вынуждены были вскоре выступить против программных установок Б. Пясецкого о так называемой «внутрикатолической борьбе», которая должна была стать эквивалентом сталинской теории об обострении классово-борьбы по мере построения социализма, а также о христианской политике и служении Богу через служение церкви, нации и государству⁴⁷.

В период бурного развития клубного движения в 1956 г. Я. Заблоцкий организовал в Варшаве Клуб круглого стола, куда входили как молодые католики, так и марксисты. «Фрондьеры» из ПАКСа наладили контакт с Клубом кривого колеса, причем Заблоцкий стал секретарем Общепольского центра сотрудничества клубов, а его товарищ по «фронде» В. Вечорек вошел в состав редколлегии бюллетеня «Новы нурт»⁴⁸.

Демократические убеждения, неприятие церковного консерватизма и опа-

сения за судьбу католицизма в мире потребительства и распространяющейся секуляризации сближали группу «Вензи» с «Тыгодником повсехным». Поэтому «фрондеры» активно поддержали создание сети клубов католической интеллигенции, в которых, однако, составили нечто вроде оппозиции старым католическим деятелям (С. Стомме, С. Киселевскому, Е. Туровичу и др.)⁴⁹. С другой стороны, те же самые лозунги, а также критика потребительской цивилизации вызывали сочувствие и у «ревизионистов». Подобно «ревизионистам», редколлегия «Вензи» идейно принимала социализм. Для бывших «фрондеров» не существовало выбора между общественными формациями, так же, как и не было возврата к дооктябрьским временам⁵⁰. Однако расставание с ПАКСом и объединение с движением «Знак» наложили определенный отпечаток на общественно-политические установки «фронды». Так, группа «Вензи» довольно недоверчиво стала относиться к политическому романтизму и революционным лозунгам «ревизионистов». «Известно, – говорил Я. Заблоцкий, – что насколько интеллектуальная мотивация формирует умеренные взгляды, настолько сама по себе моральная мотивация, взятая в отрыве от оценки сопутствующих обстоятельств, ведет к экстремизму»⁵¹. В то же время произошло явное сближение «фрондеров» с позицией католической церкви. Если раньше они решительно отрещивались от каких бы то ни было связей с польским епископатом⁵², то к моменту основания «Вензи» их взгляды на этот вопрос несколько изменились. Теперь они говорили, что именоваться «просвещенным католиком» имеет право лишь тот, кто постоянно и ежедневно живет «жизнью Церкви». «Без этого не существует настоящего “sensus catholicus”, не может быть истинного понимания христианского духа и подлинно католического мировоззрения»⁵³. В связи с этим «Вензь» выдвигала проблему «реабилитации традиционных ценностей», ибо «подлинный прогресс не перечеркивает, а берет за исходную точку и продолжает то, что выработали до нас предыдущие поколения»⁵⁴. Тем не менее, приверженность «Вензи» социализму продолжала вызывать некоторое напряжение во взаимоотношениях с представителями «нового позитивизма». Когда в феврале 1960 г. редколлегия «Вензи» выступила с программной статьей, где говорилось, что для Польши нет иной дороги, кроме социализма, ряд участников клубов католической интеллигенции потребовал разъяснений. Особенно громко возмущался член редакции «Тыгодника повсехного» К. Козловский, назвавший статью «явно переходящей границы». «Статья слишком просоциалистическая. Быть левее “Тыгодника повсехного” уже нельзя. Статья в “Вензи” может отразиться и на позициях нашего издания в глазах церкви, ибо иерархи ставят “Вензь” наравне с “Тыгодником повсехным”»⁵⁵. 2 июня 1960 г. в Кракове прошла встреча

представителей «Тыгодника повсехного» и «Вензи». Разговор носил очень бурный характер, стороны не жалели эпитетов друг для друга, а основную мысль выразил Е. Турович: «У нас с вами брак по расчету, и будь на то моя воля, мы бы давно расстались»⁵⁶. В конце концов ситуацию удалось разрядить, не доводя дело до раскола.

«Вензь» приветствовала обновленческое движение в католицизме, но понимала его по своему. Редколлегия журнала отстаивала мнение, что католицизм должен пойти навстречу левым идеям, проблема которых неизбежно встанет перед лицом «открытого католицизма» как концепции, направленной на восприятие современного мира. Взаимовлияние католицизма и левых идеологий, выражаемое в полевлении первого и гуманизации второго, должно, с одной стороны, способствовать изменению отношения марксистов к религии, а с другой – помочь преодолению правых тенденций в католицизме, которые компрометируют своим консерватизмом католическую веру. «Вензь» считала, что антикоммунизм – это одно из препятствий во внутреннем обновлении церкви, и искали поддержки своим идеям в папских энцикликах, с удовлетворением отмечая, что церковь впервые обращается не к власти предрержавшим, а к простым людям, творя тем самым «персоналистскую революцию»⁵⁷.

«Вензь» никогда не была политическим сообществом. В своем стремлении к диалогу с марксистами молодое поколение верующих, выразителем мнения которых считала себя редколлегия журнала, «не хотело обострять разногласия и идеологические споры, а желало прежде всего улучшить условия жизни, образования, рационального общежития на основе взаимного доверия и терпимости»⁵⁸. Но несмотря на декларируемую открытость для всех мировоззрений «Вензь», так же как и клубы католической интеллигенции, придерживалась определенной политической линии, не допускавшей любых проявлений национализма. Поэтому когда в 1962 г. несколько членов редколлегии «Вензи» во главе с Я. Заблоцким высказали мысль, что набравшее силу националистическое движение в ПОРП (группа высокопоставленных функционеров, известных под именем «партизан») может явиться основой для сближения церкви и государства на базе патриотических ценностей, главный редактор журнала Т. Мазовецкий выступил категорически против этого. Позже, в 1968 г., Я. Заблоцкий вместе со своим единомышленником А. Мицевским написал программную статью намечавшегося католическо-патриотического движения, которую, однако, отвергла как «Вензь» (за попытку создать некий конгломерат патриотических и демократических идей, напоминавший фразеологию лидера «партизан» М. Мочара), так и официальная печать (за постулат демократизации)⁵⁹. Личное соперничество Я. Заблоцкого с лидерами «Вензи» и «Тыгодника повсехного», обвинявшего последних, что они навязывают

свои взгляды всему движению, усугубило раскол, и в 1967 г. была создана еще одна структура светского католического движения – Центр документации и общественных исследований (ОДиСС) под руководством Я. Заблоцкого, идеи которого все больше расходились с общественно-политическими установками движения «Знак». Я. Заблоцкий отстаивал точку зрения, что национальная связь выражает глубинные человеческие устремления, поскольку противостоит унификации, стандартизации и «цивилизации комфорта». Следовательно, говорил Заблоцкий, национальная связь имеет персоналистский смысл⁶⁰. Впрочем, в высказываниях Заблоцкого всяческие ссылки на персонализм скорее напоминали обязательный, но пустой по сути ритуал, и в дальнейшем ОДиСС все больше склонялся к критике «чуждого западного влияния» (имея в виду персонализм) и к поддержке традиционного учения церкви. Новая структура светского католического движения претендовала на роль посредника между государством и церковью для заключения соглашения между ними при условии разрыва епископата любых связей с оппозицией⁶¹.

Таким образом, в 1956–1970 годы мировоззрение редколлегии «Вензи» проделало значительную эволюцию, в результате чего группа раскололась на два течения. Первое связано с именем Т. Мазовецкого и условно может быть названо демократическим. Оно выдвигало на первый план вопрос прав человека и занимало независимую позицию по отношению к политике государства и церкви, постепенно сливаясь с движением «новых позитивистов». Такая общественная платформа нередко заставляла ее сторонников вступать в конфликты как с церковью, так и с государством, что шло вразрез с декларируемым нежеланием выпячивать то, что делило польское общество, и в итоге определило место этого направления в лагере светской католической оппозиции. Второе течение, возглавленное Я. Заблоцким, условно можно назвать национально-патриотическим. Оно акцентировало внимание на традиционных ценностях, которые объединяют весь польский народ, а также сближают церковь и государство, и в этом смысле было последовательнее Т. Мазовецкого в отстаивании единства всей нации. Такое положение, однако, таило и существенную опасность, поскольку «золотая середина» между требованием «чистых рук» и соблазном политического реализма, как подчеркивал Т. Мазовецкий, нередко ведет к «никчемности политика»⁶². Действительно, такая линия вынуждала деятелей данного направления идти на существенные уступки церкви и государству, что приводило к неизбежной потере авторитета, а следовательно, к тому, что ОДиСС стремительно уподоблялся ПАКСу.

На противоположном фланге светского католицизма располагались приверженцы бывшего лидера католической Партии труда (Stronnictwa Pracy) Кароля Попеля (в 1946 г. он объявил о роспуске партии и эмигрировал). Это были

сторонники создания политической организации католиков, выступающей с христианско-демократических позиций. После ликвидации партии и вплоть до начала 1956 г. они не имели возможности вести активную деятельность. Но после XX съезда КПСС, когда многие христианские демократы вышли из тюрем, это течение оживилось. Один из его представителей, К. Студентович, даже проводил в конце сентября – начале октября 1956 г. переговоры с З. Клишко и редколлекгией возобновленного «Тыгодника повшехного» на предмет воссоздания «хадецкой» партии, однако в конечном счете власть поддержала «знаковцев», не столь радикальных в своих требованиях⁶³. Впрочем, большая часть основанных христианскими демократами католических клубов вошла в состав созданного в октябре 1956 г. под эгидой «Знака» Общепольского клуба прогрессивной католической интеллигенции (ОКПКИ). 22 октября 1957 г. Служба безопасности подготовила доклад о положении дел в этой структуре, указав, что данная организация дает приют людям явно реакционных взглядов. В качестве таковых упоминались: В. Хшановский – создатель клуба «Старт» (будущий министр юстиции в Третьей Речи Посполитой), Ф. Ю. Кокот – глава католического клуба в Катовицах, А. Легатович – руководитель секции творческой мысли при ОКПКИ. Никто из вышеупомянутых лиц по молодости лет не состоял в Партии труда, однако идеи, витавшие в руководимых ими организациях, и тесные связи между ними заставляли режим относиться к этим людям с настороженностью. «В последнее время, – указывалось в записке СБ, – Хшановский... выражает критическое отношение к группе “Тыгодника пошехного”... Хшановский упрекает издание в отсутствии политической концепции (то же самое говорит и Легатович), а также в том, что “Тыгодник” пошел на коллаборацию с Партией, не получив достаточной компенсации за это... Хшановский поддерживает контакт с Казимежем Студентовичем. На одном из собраний “Старта” Студентович выступил с докладом. Хшановский имеет политические амбиции. В беседах говорит, что пора уже готовиться взять власть в стране в свои руки». Вердикт был однозначен: «В данный момент четырехугольник: краковский клуб и “Тыгодник повшехны”, катовицкий клуб, окружение Хшановского и группа Легатовича составляют один из важнейших центров политической реакции в Польше»⁶⁴. Расправа была скорой: все перечисленные организации, кроме «Тыгодника повшехного» и краковского клуба, были закрыты. Из множества католических клубов, появившихся в стране в 1956–1957 годах, власти позволили существовать лишь пяти: в Варшаве, Познани, Кракове, Торуне и Вроцлаве. Зато руководящие органы страны оказали всемерную поддержку такому мало-значительному образованию на католическом поле как Христианское общест-

венное товарищество. Оно было основано в конце 1956 г. людьми, которые неудачно пытались сместить Б. Пясецкого с поста председателя ПАКСа и были за это изгнаны из Объединения (Я. Франковский, К. Лубенский, А. Мицевский, Д. Хородыньский, А. Моравская и др.). Несмотря на то, что уже в сентябре 1957 г. Я. Франковский исключил своих коллег из редакции основанного ими журнала «За и против» (после чего те немедленно подались в «Вензь» и клубы католической интеллигенции), это не помешало властям всячески поддерживать новую организацию. Однако на протяжении всей своей истории Товарищество оставалось безликой группой, неспособной к самостоятельной роли.

Весной 1960 г. многие приверженцы К. Попеля (Е. Браун, К. Студентович, В. Сила-Новицкий, З. Копанкевич и др.), не имея возможности создать самостоятельное объединение, включились в работу «Тыгодника повшехного», а через год – и клубов католической интеллигенции. С самого начала клубные активисты отнеслись с опаской к последователям Партии труда. «Согласно имеющейся информации, – доносила Служба безопасности 7 февраля 1960 г., – депутат Стомма, как и Завейский, соблюдают осторожность в отношении Студентовича и его группы. Стомма окрестил Студентовича “ловким политиканом”, а его компаньонов назвал людьми, чья политическая позиция не вполне согласуется со взглядами и направлением деятельности клубного движения»⁶⁵. 6 января 1962 г. СБ сообщала: «Установлено, что основную роль в популяризации разных концепций политической активизации движения играет Студентович... Доказательством такой концепции среди прочего является мемориал, направленный им в середине декабря 1961 г. в правление клубов католической интеллигенции, в котором Студентович недвусмысленно высказывается за большую политизацию движения, а в качестве цели предлагает создание христианской партии. Следует подчеркнуть, что все шаги Студентовича и Брауна в направлении расширения политической деятельности движения наталкиваются на сопротивление Завейского, Стоммы и правления клубов»⁶⁶. Споры относительно тактики светского католического движения и его общественно-политического облика вскоре перешли в конфликт. 4 февраля 1962 г. на собрании варшавского клуба католической интеллигенции, посвященном его пятилетию, произошел неллицеприятный обмен мнениями между представителями разных идейных течений, в ходе которого Завейский «в острых выражениях раскритиковал нескольких дискуссионщиков, в том числе Ежи Брауна и некоторых членов редакции “Вензи”, в запальчивости заявив, что устал от клуба и предлагает его распустить»⁶⁷. На какой-то момент конфликт удалось погасить. Но сторонники хадеции не только не снизили своей

активности, а наоборот, всячески расширяли ее, выходя за рамки клубов католической интеллигенции. 29 января 1963 г. в Клубе католических литераторов при СПЛ (созданном в 1961 г. по инициативе Е. Брауна) прошло собрание на тему «Польские восстания как проявление веры в общечеловеческую мораль». На собрание по приглашению его организаторов Е. Брауна и В. Бартошевского явилось около трехсот человек, в том числе несколько бывших членов руководства Партии труда. Выступавшие подчеркивали роль восстаний в сохранении польского национального духа, отдавали дань Ю. Пилсудскому как продолжателю этой традиции и подчеркивали неспособность приверженцев «твердой руки» предотвратить народное возмущение. Последнее явно относилось к В. Гомулке, чего выразитель этой мысли В. Бартошевский и не скрывал. Большинство собравшихся встречали эти заявления аплодисментами, хотя у некоторых присутствовавших подобная тональность речей вызывала недоумение. Так, члены клуба католической интеллигенции К. Лубеньский и Л. Дембиньский выразили удивление, почему партия с одной стороны позволяет Брауну и ему подобным организовывать такие встречи, а с другой — критикует клуб католической интеллигенции за то, что тот держит у себя этих людей. М. Ванькович, недовольный атмосферой собрания, вообще покинул его, хотя поначалу собирался на нем выступить⁶⁸.

Такие демонстрации в конце концов привели к разрыву между движением «Знак» и некоторыми наиболее непримиримыми хадеками. В 1963 г. Е. Браун был выведен из состава правления варшавского клуба католической интеллигенции, а через два года покинул страну⁶⁹. Приверженцы активной роли католиков в политике потерпели фиаско и вплоть до смены руководства ПОРП больше не предпринимали попыток воплотить свои идеи в жизнь.

Причиной того, что наследники идей Партии труда не смогли политически проявить себя, является отсутствие места для них в рамках политической системы ПНР. Даже после 1956 г., когда правящая элита допустила существование умеренно-оппозиционных организаций светских католиков (т. е. таких, которые мирились с фактом доминирования одной партии, но не признавали руководящую роль этой партии в области мировоззрения), партийно-правительственный аппарат исключал возможность появления политических организаций христианских демократов, так как видел в этом покушение на свою монополию в управлении страной. Попытка найти себя в рамках клубов католической интеллигенции оказалась безуспешной в силу непреодолимых расхождений с движением «Знак» во взглядах на линию поведения светских католиков и тактику их действий в условиях политического господства атеистической и антидемократической власти. Судьба хадеков показывает пределы той «оттепели», которая наступила в в Польше в октябре 1956 г.

2. Национально-патриотические движения

Вследствие длительного существования польской нации в условиях отсутствия собственной государственности вопрос о национальном суверенитете приобрел в Польше громадное значение, составив настроений широких масс и став одним из основных в общественной мысли страны. В сознании народа проблема суверенитета заключалась в традиционных ценностях, главными из которых были независимость страны, католическая вера и восприятие себя как части западного мира. Любое покушение на эти ценности вызывало негативную реакцию в обществе и воспринималось как попытка навязать чуждое мировоззрение. В связи с этим события 1956 г. рассматривались большинством народа прежде всего как борьба за возвращение к истокам и возрождение национального самосознания. Именно поэтому не только народ, но и католическая церковь выразили свое доверие В. Гомулке, который, по словам очевидца событий 1956 г. в Польше корреспондента агентства Рейтер С. Тейлора, вернулся на политический Олимп не в качестве коммунистического реформатора, но как национальный лидер⁷⁰. Поэтому вожаки молодежи в 1956 г. чувствовали, что не найдут понимания у своих сверстников, если решатся выступить против каких-либо решений В. Гомулки⁷¹.

Оборотной стороной подъема национальных чувств был взрыв антирусских и антисемитских настроений. Познаньские рабочие на манифестации протеста 28 июня 1956 г. несли транспарант «Польша для поляков», в редакции польских газет приходили письма антисемитского содержания, а требование отставки К. Рокоссовского с поста министра обороны, по наблюдению Я. Заблоцкого, «совершенно явно приобрело антисоветский характер»⁷².

На все это наслаивалась религиозность значительной части поляков. Достаточно было немного ослабить жесткую политику государства, чтобы 26 августа 1956 г., после периода гонений на церковь, в Ясной Гуре на традиционное паломничество к иконе Ченстоховской Богоматери собралось несколько сот тысяч человек. Руководитель департамента в Комитете по делам общественной безопасности Ю. Брыстыгер на совещании начальников воеводских управлений ведомства еще 17 апреля 1956 г. с тревогой отмечала, что в стране «налицо религиозная волна. Имеются попытки организованных походов членов СПМ в церковь»⁷³.

Восприятие себя как части западного мира было едва ли не главным препятствием, которое мешало укоренению среди населения страны коммунистической ментальности в ее советском издании. Это восприятие присутствовало на глубинном уровне сознания и на практике проявлялось в противопоставлении себя иным культурам, прежде всего восточному православию.

Именно поэтому, по мнению писателя В. Вирпши, наиболее ожесточенными были польские восстания против России, а не против Пруссии или Австрии. Борьбу с Россией поляки воспринимали как защиту от влияния чуждого им мира, угрожающего сохранению национального самосознания. Восстания же против немцев были борьбой с людьми близкой полякам культуры⁷⁴. Иначе говоря, вопрос суверенитета в мировоззрении народа носил окраску не только политическую, но и национально-культурную, и нередко проявлялся в межнациональной напряженности. Естественным результатом этого было распространение антисоветских и антирусских настроений, которые сопровождали Народную Польшу от самых истоков и до самого конца ее существования. Начиная от появления Польского комитета национального освобождения и заканчивая временами «Солидарности», вмешательство восточного соседа во внутренние дела страны было для населения Польши вещью несомненной и весьма болезненно ощущаемой. Не случайно во время рабочих выступлений 1956, 1970 и 1980–1981 годов независимо от первоначальных требований протестующих неизменно всплывала советская проблема.

Наряду с антисоветскими и антирусскими настроениями другим направлением межнациональной напряженности было отношение к евреям, которых издавна воспринимали как одних из проводников политики русификации. Это мнение еще более укрепилось во время советско-польской войны 1920 г. и после присоединения в 1939 г. восточных земель к Советскому Союзу. События 1944–1956 годов добавили к этим предубеждениям обвинение в поддержке, которую якобы оказали евреи новой власти. В пользу этого мнения говорило их участие в работе органов госбезопасности, а также наличие в составе руководства ППР–ПОРП нескольких деятелей еврейского происхождения, которые провели войну в Москве. Поэтому коммунистическая власть поначалу ассоциировалась для многих поляков не только с «русским господством», но и с «еврейским засильем».

Пожалуй, единственным несомненно выгодным для власти проявлением межнациональной напряженности было отношение поляков к немцам. Воспоминания о войне были все еще весьма сильны, так что даже шаг такой авторитетной организации, как католическая церковь, навстречу примирению двух народов (знаменитое «Обращение» польского епископата к немецкому в конце 1965 г.) не встретил понимания в обществе⁷⁵. Пользуясь тем, что ФРГ не признавала западные польские границы, власть поддерживала среди населения страны ощущение постоянной угрозы со стороны «немецкого реваншизма». Такая политика при Гомулке играла очень важную консолидирующую роль. По словам М. Раковского член ЦК Ян Шидляк сокрушался в 1970 г., незадолго

до подписания соглашения между Польшей и ФРГ, что теперь исчезнет идея, которая до сих пор объединяла народ⁷⁶.

Власть не была сторонним наблюдателем настроений своих граждан, но пользовалась этими настроениями, стремясь уменьшить мировоззренческую пропасть между официальной коммунистической пропагандой и массовым общественным сознанием. Однако два принципиальных вопроса – политическая зависимость от Советского Союза и враждебное отношение к религии – свели к нулю все усилия режима в этой области.

3. Союз молодых демократов

Ощущение национальной несuverенности постоянно создавало почву для возникновения нелегальных антиправительственных групп. Эти группы условно можно поделить на два вида: «рабоче-крестьянские» и «студенческо-интеллигентские». Первые, состоявшие в большинстве из очень молодых людей – детей рабочих и крестьян – являлись прямой эманацией массового сознания и действовали скорее в культурно-бытовой, а не политической плоскости. Целью таких групп их участники ставили немедленную борьбу против строя и советского влияния. Возникали они под воздействием импульсивных настроений, оставаясь политически и организационно незрелыми, и поэтому быстро раскрывались органами безопасности.

«Студенческо-интеллигентские» группы, хотя их было значительно меньше, были лучше организованы и могли существовать на протяжении нескольких лет. Однако сфера их воздействия ограничивалась исключительно образованными слоями общества. Они не способны были заручиться массовой поддержкой, так как польская интеллигенция в подавляющем большинстве воспринимала любые программы, направленные на свержение строя, как анахронизм. Те же, кто сохранял в себе неприязненное отношение к строю, тоже не склонялся к нелегальной политической деятельности, понимая всю бесперспективность этой затеи. Нелегальные группы не могли также обеспечить себе популярности и среди рабочих и крестьян, поскольку их программы коренным образом отличались от примитивного национализма этих общественных слоев. Кроме того, ни рабочие, ни крестьяне в принципе не были настроены после 1956 г. против режима Народной Польши как такового, но лишь против советского давления и некоторых явлений, которые они полагали скорее отходом власти от ее собственной программы.

Наиболее известными «студенческо-интеллигентскими» группами были Национально-демократическая лига и «Рух». Первую основал бывший заместитель председателя Союза молодых демократов П. Гурный. СМД был вполне легальной организацией, находившейся (правда, короткое время) под опекой

Демократической партии. Союз возник осенью 1956 г. на волне распада структур Союза польской молодежи. Окончательно СМД оформился на съезде 30 ноября 1956 г. Его идеологическая окраска видна уже из того, что со съезда по настоянию его президиума были удалены все члены ПОРП и ССМ⁷⁷. В своей программе СМД хотя и выражал поддержку решениям VIII пленума ЦК ПОРП, высказывался за польскую модель социализма и рабочее самоуправление, но первым из легальных организаций выразил протест против «фактической однопартийности», и, кроме того, заявил, что демократические идеи имеют надклассовый характер, опровергая тем самым марксистский тезис о том, что каждому общественному классу соответствует партия или идеология. «Нет такой партии, которая имела бы право монополии на теоретическое и практическое создание строя общественной справедливости», – утверждалось в программе СМД⁷⁸. Согласно данным Службы безопасности, постулаты СМД сводились к трем пунктам: независимые молодежные организации; полная самостоятельность в мировоззренческой области; строительство социализма на основе демократии и национального суверенитета⁷⁹. Другими словами, напрямую отвергалась доминирующая роль ПОРП. Подобные настроения бытовали тогда и среди руководства Демократической партии, в частности, к ним склонялся председатель ЦК С. Кульчинский. Поэтому неудивительно, что партия взяла Союз под свою опеку, а 6 декабря 1956 г. руководители СМД и ДП в совместном заявлении указали, что между ними нет принципиальных идеологических расхождений. Очень быстро численность Союза выросла до 10 тысяч человек. Это была главным образом студенческая молодежь католических учебных заведений. К январю 1957 г. организация, по словам председателя Главного правления СМД К. Глоговского, имела свои ячейки во всех вузах, на четырнадцати предприятиях и в пяти школах⁸⁰. Но затем В. Гомулка заявил, что в СМД собираются элементы, явно враждебные народной власти. Политбюро ЦК ПОРП упрекнуло руководство ДП в том, что оно оказывает поддержку «нелегальной» молодежной организации, и партия отказала Союзу в своей поддержке. 16 января 1957 г. СМД заявил о самороспуске⁸¹.

При этом его членам было предложено войти в Кружки молодых при ДП, однако большая часть руководящего состава Союза отказалась от этого, призывая последовать своему примеру и рядовых участников СМД⁸². Некоторые члены СМД попытались продолжить свою деятельность в организациях, которые, как им казалось, стояли ближе всего к патриотической традиции: в Лодзи и Кракове молодые демократы вошли в состав ПАКСа, а в Познани – в состав клуба католической интеллигенции и Студенческого комитета помощи политзаключенным⁸³. Однако все попытки проводить там прежнюю линию были пресечены на корню. Во время парламентских выборов актив

СМД агитировал за бойкот выборов и за вычеркивание кандидатов Фронта национального единства из списков. «Следует признать, – говорилось в записке Службы безопасности, – что вначале эти лозунги находили сторонников – как среди молодежи, так и среди части мелкобуржуазной интеллигенции, а в некоторых случаях студентам удалось проникнуть с этими лозунгами на предприятия... но в последние дни перед выборами вследствие усиления нашей агитационной работы и отсутствия большого интереса к вражеским требованиям они были разоблачены и целиком подавлены»⁸⁴.

Наиболее непримиримые члены СМД старались продолжать борьбу после роспуска организации. 18 января 1957 г. их представители собрались в Варшаве и объявили о создании Центра СМД во главе с бывшим заместителем председателя Главного правления СМД П. Гурным. Это тоже была легальная организация, и ее руководство ходатайствовало в органах власти о регистрации новой структуры. Программа этого объединения заключалась в следующем: многопартийность, строительство социализма без диктатуры пролетариата, противопоставление себя ПОРП. 7 и 8 февраля 1957 г. Гурный и его секретарь Я. Земацкий были по очереди приглашены в Общественно-административный отдел Президиума варшавского горсовета, где им было заявлено, что организация зарегистрирована не будет. 17 февраля Центр СМД самораспустился, приняв решение о том, что его члены будут пытаться организовать в варшавских вузах студенческие клубы⁸⁵. В период волнений по поводу упразднения «По просту» Я. Земацкий и другой член СМД – М. Круль вошли в состав студенческого Организационного комитета, который собирался создать Общепольский молодежный центр для проведения независимой от ССМ политики. «Во всей этой акции, – говорил Земацкий на собрании комитета 22 октября 1957 г., – речь шла не о “По просту”, она была лишь предлогом, но о противопоставлении тем тенденциям в ПОРП, которые взяли верх после IX пленума»⁸⁶. В ноябре 1957 г. М. Круль предложил создать нелегальную структуру, но Земацкий высказался против: «нелегальная деятельность... ограничилась бы очень малым кругом людей, каковые, к тому же, быстро попали бы в тюрьму, так как находятся под наблюдением МВД. Следует проводить легальную деятельность, к которой не было бы формальных претензий. Надо создавать частные группы среди своих знакомых»⁸⁷. Организационный комитет вскоре распался, и почти все бывшие активисты СМД отошли от политической деятельности. Последним проявлением их оппозиционности было намерение раскидать листовки в память о закрытии «По просту» в октябре 1958 г. Однако эта акция в жизнь воплощена не была, так как ее организаторы (Круль, Земацкий, Гурный) посчитали, что студенчество в данный момент не настроено на конфликты с властью⁸⁸.

В 1957 г. П. Гурный познакомился с лаборантом Гливицкого политехнического института Ю. Коссецким (будущим известным кибернетиком), который привил ему эндецкую идеологию. Коссецкий поддерживал близкое знакомство со старым эндеком П. Богдановичем, с его подачи стал членом ПАКСа, а в 1958 г. по сути взял на себя идеологическую работу в созданной П. Гурным подпольной организации студентов Варшавского университета Национально-демократическая лига. В программе Лиги было сказано, что она является продолжением Национальной партии и стремится к воссозданию великой Польши от Одры до Днепра. «...Полагаем необходимым, – утверждалось в программе, – сохранение союза с Россией до тех пор, пока наша западная граница не будет окончательно признана всеми... Потом будем стараться использовать любую возможность, чтобы отторгнуть у России наши восточные земли. Если Россия будет вынуждена признать наши территориальные претензии, мы создадим и станем систематически колонизировать федеральное государство, составленное из Польши, Литвы, Белоруссии и правобережной Украины... После этого наша внешняя политика будет опираться на союз с Россией и Китаем». В отношении внутренней политики автор программы Ю. Коссецкий предлагал всяческую поддержку католической церкви как оплота польской культуры, при одновременном дистанцировании от нее в тех случаях, когда ее цели не имеют непосредственного отношения к величию польского государства. «Поскольку, – утверждалось далее, – наша внутренняя жизнь уже давно ограничена деятельностью международной мафии в виде масонства и коммунистического интернационала, а также враждебной деятельностью национальных меньшинств (прежде всего, евреев, немцев и украинцев), мы будем всячески стараться избавить нашу страну от всех интернационалов, а также исключить из нашей политической жизни (а впоследствии – и из страны) все меньшинства, которые попытаются бороться с польским народом... Чрезвычайно опасным для нашего национального быта является проникновение чужих культур, особенно еврейской, византийской и туранской...». В отношении экономики программа отвергала «капитализм как частный, так и государственный... Поскольку неподконтрольное ничему развитие хозяйственной жизни опасно, государство должно руководить экономическими процессами... ключевые ветви экономики должны остаться в руках государства, но легкая промышленность... должна перейти в частную собственность либо в собственность рабочих коллективов... В силу специфики крестьянского хозяйства оно должно остаться сугубо в частном владении... В сфере политического строя... мы будем стремиться к построению системы, из которой были бы удалены все антинациональные факторы. Чтобы игра сил проходила между группами национального толка, отличающихся друг от друга не

целями, а только методами...»⁸⁹. Как видим, члены организации принимали идеологию Р. Дмовского в ее крайней форме – национализм и антисемитизм. Неудивительно, что столь одиозная догматика не нашла понимания ни среди харцеров, ни в светских католических кругах, где сторонники П. Гурного пытались пропагандировать свои идеи.

Один из авторитетных католических деятелей, к которому обращались за поддержкой участники Лиги, В. Хшановский, склонялся в это время к модернизации национал-демократической идеологии. Он отвергал тоталитарную ее сторону и пытался увязать эндецию с парламентаризмом и христианской демократией. В двух донесениях, которые он отправил в Лондон руководству Национальной партии, В. Хшановский заявлял, что угрозой для поляков является не только навязанная извне власть, но и такой образ бытия, при котором уничтожаются традиции. У молодых поляков, говорил В. Хшановский, нет позитивного примера, который позволил бы сохранить национальное самосознание. В. Хшановский надеялся обрести его в социальном учении католицизма и призывал создать общественно-воспитательное движение, которое пронизало бы общество через органы местного самоуправления⁹⁰. Однако молодые радикалы из Национально-демократической лиги не приняли обновленной эндеции, и В. Хшановский не оказал влияния на их идеологию.

В организацию входило 14 студентов, 4 школьника, а также по одному сотруднику редакции газеты «Жиче Варшавы», Гливицкого политехнического института и администрации Варшавского политехнического института (наиболее активными деятелями были: Марьян Бараньский, Хенрик Клята, Анджей Глязер, Януш Кшижевский). Лига была разделена на два уровня – высший и низший, причем члены низшего уровня не знали о существовании высшего. В целом деятельность организации свелась к встречам, на которых обсуждалась идеология эндеции, и к вербовке новых членов. Вскоре ее существование было раскрыто, и 7 мая 1960 г. костяк группы был арестован. Также были задержаны деятели довоенной Национальной партии П. Богданович и Л. Мирецкий, которых обвинили в том, что они явились вдохновителями создания Лиги⁹¹. На суде это обвинение было снято, вследствие чего оба эндека были освобождены. Остальные же (П. Гурный, Ю. Коссецкий, М. Бараньский, Х. Клята, Р. Островский и др.) получили сроки до двух лет, однако уже через год (в 1962 г.) по амнистии вышли на свободу. Гурный попытался создать новую организацию на старой основе, но его соратники (М. Бараньский, Х. Клята и Ю. Коссецкий) предпочли не возобновлять конспиративной деятельности. Вместо этого они стали посещать собрания Политического дискуссионного клуба в Варшавском университете, а Ю. Коссецкий завязал личное знакомст-

во с К. Модзелевским и Я. Куронем. Гурный также несколько смягчил свое отношение к коммунизму. «Поскольку коммунистическая теория хоть и дискуссионна, но по сути своей правильна и справедлива, трудно бороться с ней как таковой, – писал он в 1964 г. – Зато можно показать противоречие между ней и практикой, и указать на тех, кто может исправить положение. А сделать это могут только сами коммунисты»⁹². Он, однако, не стал входить в контакт с Куронем и Модзелевским, хотя знал их по работе в Варшавском университете (в 1955–1959 годах Гурный был председателем ячейки Союза польских студентов на юридическом факультете). Вожак Лиги объяснял это тем, что будучи антисемитом, не разделяет взглядов Куроня и Модзелевского, хотя уважает их как оппозиционную группу⁹³.

Вскоре после ареста Куроня, Модзелевского и Хасса ряд бывших участников Лиги вновь попал за решетку. Похожей была судьба и бывшего лидера СМД К. Глоговского. Первое время после разгона СМД он пытался организовать в ПАКСе общество левых христиан, но не преуспел в этом⁹⁴. Тогда он стал создавать в Лодзи, где жил, просветительское движение в виде тайных кружков самообразования. В этом ему помогали бывшие соратники по СМД (А. Дудек, К. Строньский, В. Якобсон и др). В массе своей это были уже зрелые люди, работавшие в различных учреждениях. 18 марта 1964 г. во время очередного собрания группа была арестована. При обыске сотрудники госбезопасности нашли большое количество документов политического содержания, а также обширную программу под названием «Положение в Польше – инструкция № 3» (Глоговский утверждал, что получил ее от инженера М. Завистовского, известного Службе безопасности «по враждебным высказываниям»)⁹⁵. Программа содержала критику коммунизма как идеологической, экономической и политической системы, и противопоставляла ему «культурализм», т. е. концепцию распространения культуры как антитезы коммунизма. По мнению авторов программы, господствующий в Польше режим посредством лозунга об «общественном авансе» способствовал приходу к власти большого количества непрофессиональных и аморальных людей. Это грозило вырождением как польского народа, так и населения всего мира, которое стояло перед лицом распространяющегося коммунизма. Поэтому настоящей задачей всех противников коммунизма являлось идеологическое сопротивление этой доктрине, а в дальнейшем – объединение Центральной Европы под знаменем «сражающейся культуры» и совместная колонизация земель Сибири и Африки. При этом авторы программы не отождествляли Россию и Советский Союз (хотя оговаривались, что коммунизм стал орудием советского империализма), и признавали некоторые достижения социалистического строя (планирование

экономики, жилищное строительство, ликвидация безработицы, развитие политической дисциплины в обществе и т. д.)⁹⁶. По сути, это была программа буржуазной демократии, что позволило органам госбезопасности квалифицировать группу Глоговского как «либерально-буржуазную»⁹⁷. В том же году Глоговский был приговорен к пяти месяцам заключения, а по выходе на свободу стал приезжать в Варшаву на встречи студентов и сотрудников Варшавского университета, проходившие на квартире у Б. Тейковского⁹⁸.

4. «Рух»

«Рух» был образован рядом националистически ориентированных деятелей в 1965 г. как «протест против тоталитарной политической системы». В отличие от Национально-демократической лиги, «Рух» больше склонялся к наследию Ю. Пилсудского. В частности, из пилсудчины было вынесено убеждение, что малые группы способны пробудить активность общества, поэтому название «рух» («движение») рассматривалось как действие, направленное против всеобщей апатии⁹⁹. В то же время членов этой организации нельзя считать пилсудчиками в полном смысле этого слова, поскольку они были сторонниками демократических принципов в лучших традициях западного парламентаризма, что не вполне сочеталось с классическим образом Верховного вождя. «Рух» считал ПНР, равно как и другие страны советского блока, имитацией государства, правящий режим которого, именуемый «коммунистическим тоталитаризмом», опирался на «чужую вооруженную силу»¹⁰⁰. Отсюда вытекала главная цель организации: борьба за независимость Польши, проводимая путем пробуждения неконформизма, национальных традиций, и в конечном счете, достижение такого положения, при котором Польша, используя благоприятные обстоятельства, смогла бы завоевать независимость. «Рух» рассматривался его членами как продолжатель дела Армии Крайовой, то есть как общепольская, тщательно законспирированная структура, объединяющая всех борцов за свободу страны вне зависимости от их идеологических установок. Организация отказывала в доверии светским католическим структурам, в том числе «Знаку», которые, по мнению членов «Руха», были только декорацией, создающей видимость народовластия¹⁰¹. При этом руховцы не были врагами социализма как такового. Наоборот, в своей декларации «Проходят годы» они высказались против использования доктрины социализма для прикрытия диктатуры, и в целом, по выражению одного из лидеров организации С. Несёловского (будущего сенатора Третьей Речи Посполитой), выступали не за капитализм, а за «средний путь между социализмом и либерализмом». «Рух» также выражал доверие «ревизионистам», ибо те действовали, исходя из требований совести, а не собственных интересов¹⁰².

«Что объединяло первых участников “Руха”?.. – задается вопросом исследователь этой организации П. Бышевский. – Безусловно, главным знаменателем был радикальный антикоммунизм, нередко вынесенный из родительского крова... Все считали ПОРП московской агентурой. Их-завораживала фигура Юзефа Пилсудского, Армия Крайова и послевоенное подполье. Но было бы ошибкой полагать “Рух” продолжением какого-либо довоенного политического течения – неважно: санации, эндеции или хадеции»¹⁰³.

Первый проект программы организации разработал в 1967 г. Э. Моргевич. Его программа предусматривала роспуск ПОРП, выход Польши из ОВД, реприватизацию экономики, восстановление всех традиционных партий, передачу высшей власти Сейму, лишение деятелей ПОРП права занимать руководящие посты в экономических сферах, возвращение судам подлинной независимости и т. д. Проект Э. Моргевича был отвергнут как нереальный и поверхностный¹⁰⁴.

Окончательный вариант программы разработал А. Чума, который и перенес ряд черт пилсудчины в декларацию «Руха». Первым постулатом в программе «Проходят годы» значилась независимость как «основополагающее условие развития общества и экономики». Программа оговаривала широкое участие государства в экономике, независимость суда, создание организаций (не обязательно политических), реально отражающих общественное мнение и ответственных перед этим мнением, отделение церкви от государства и запрет на деятельность партий «тоталитарного, фашистского типа, партий, провозглашающих классовую и общественную ненависть, диктатуру групп либо классов, организаций, которые в прошлом или настоящем запрещают либо борются административными методами с религиозным мировоззрением и идеями Бога». В области внешней политики программа предусматривала создание блока государств Центральной и Восточной Европы для организации «третьей силы» как противовеса России и Германии¹⁰⁵. В то же время Э. Моргевич, став главным редактором нелегального «Бюллетеня» (печатного издания «Руха»), в первом номере журнала выступил против антинемецкой кампании, развязанной В. Гомулкой, и заявил, что признание ПНР со стороны ФРГ не должно увязываться с признанием польской границы по Одре и Нысе¹⁰⁶.

«Рух» остался в стороне от мартовских выступлений 1968 г., так как руководство посчитало организацию слишком слабой для этого. Кроме того, участники «Руха» не испытывали симпатий к лозунгам движения. «Мне не нравилось, – вспоминал Э. Моргевич, – что требования студентов не выходят за рамки “социализма с человеческим лицом”. Эти постулаты казались мне недостаточными. Никто ведь не говорил: “Нам плохо, потому что Польша – несuverенное государство [...]”. С самого начала мы полагали, что хотя мартов-

ские события и ослабили режим, но они не затронули его природы, так как речь там шла лишь об усовершенствовании социализма, а это ничего принципиально не меняло»¹⁰⁷. После волнений 1968 г. в «Рух» вошло несколько участников студенческих выступлений из Лодзи (И. Щенсна, В. Сулковский, С. Тёршмидт и др.). Это были люди социалистических убеждений, враждебно относящиеся к церкви и пилсудчине, но осуждавшие диктаторскую сторону существующей политической системы. Вступая в «Рух», они делали не политический, а моральный выбор, поскольку не видели другой возможности действовать¹⁰⁸. Новички потребовали от организации более выраженных антиоталитарных установок и, в отличие от прочих членов «Руха», рассчитывали на реформаторское крыло ПОРП¹⁰⁹. Налицо было столкновение двух взаимоисключающих концепций. Правые не допускали компромиссов с режимом и отвергали его как таковой, в то же время отдавали себе отчет в устойчивости существующего строя и возлагали надежды на враждебность населения к власти, враждебности, которая рано или поздно выльется во всеобщее восстание. Левые в свою очередь не только не собирались бороться против общественно-экономической модели Народной Польши, но отстаивали ее легитимность, признавая лишь «вырождение» режима и требуя немедленных активных действий как продолжения «революции». Разгром организации в 1970 г. помешал окончательному размежеванию между двумя этими тенденциями.

«Рух» оказался наиболее многочисленной нелегальной организацией за период 1956–1980 годов (следствие выявило 75 участников¹¹⁰). 38 членов организации имело высшее образование, 14 – неполное высшее, 12 – среднее, 4 – неполное среднее, об остальных данных не имеется. 36 человек происходили из семей интеллигенции, 20 были детьми рабочих, 14 – крестьян, 5 – мелких торговцев. 18 участников работало на момент задержания в инженерно-технической области, 12 – в научных учреждениях, 12 было служащими, 4 – учителями, 4 – священниками, 9 – безработными, 1 – журналистом. 10 членов организации уже имели за плечами опыт антикоммунистической конспиративной деятельности¹¹¹. Отделы «Руха» существовали в Лодзи, Варшаве, Быдгощи, Гданьске, Скерневицах, Люблине, Вроцлаве и Лигнице¹¹². В состав организации входило несколько ветеранов АК (самым известным был М. Голембевский – командующий Владимиро-Волынским и Люблинским округами АК и «Свободы и независимости»), которые, впрочем, играли скорее символическую роль, олицетворяя непрерывность традиции борцов за свободу. Большого следа в истории ПНР «Рух» не оставил. Организация не принимала участия в антиправительственных выступлениях, а единственная попытка внешней активности (несостоявшийся поджог музея Ленина в Поронине) закончилась раскрытием и разгромом «Руха» органами госбезопасности.

ти. Тем не менее, стоит отметить, что «Рух» явился чем-то совершенно новым на фоне тогдашней оппозиции. Бросалось в глаза не только количество участников, но и отменная организация: несмотря на постоянное наблюдение за некоторыми его членами, Служба безопасности вплоть до 1969 г. не располагала надежными данными о наличии столь разветвленной структуры¹¹³. Чем-то неслыханным для оппозиционного движения в ПНР после 1948 г. было и появление подпольного издания, а также проведение съездов (всего их было шесть). Несомненно, возникновение организации обеспокоило руководство партии. О результатах следствия по делу «Руха» было сообщено всем членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК и первым секретарям заводских комитетов ПОРП. Власть опасалась, что крупный процесс вызовет ненужный ажиотаж, и поэтому число подсудимых было ограничено тридцатью тремя, а с остальными были проведены предупредительные беседы¹¹⁴.

Первоначально органы госбезопасности пытались представить деятельность «Руха» как результат воздействия католической церкви. И это не случайно. Несмотря на неприязненное отношение социалистического государства к церкви и атеистическую пропаганду, значительное число поляков, живших в ПНР, оставалось верующими и склонно было больше доверять религиозным авторитетам, нежели представителям властей. Послевоенные общественно-политические перемены не смогли серьезно поколебать позиции католической церкви, и на местном уровне слово ксендза по-прежнему имело не меньший вес, чем речи партийных и государственных чиновников.

5. Кружки самообразования и клубы интеллигенции

Очень распространенной формой сопротивления официальной пропаганде в Польше были кружки самообразования; их использовали представители самых разных идейных течений. Наиболее резкий отпор со стороны властей встречали именно те кружки, где делался акцент на борьбе с «советским империализмом», поскольку эти сообщества, как правило, тяготели к конспирации, видя себя наследниками традиций национально-освободительного движения XIX в. и антифашистского подполья. Такие убеждения легко позволяли властям обвинить участников данных кружков в попытках организации нелегальных политических групп. Лидер одного из патриотических кружков самообразования Ю. Ожешко говорил на суде: «Мы не чувствовали себя в силах что-либо изменить во всей Польше. Однако мы вполне могли бы противостоять лжи и российскому влиянию там, где мы жили (в Лодзи. — В. В.). Мы решили, что нужно делать то, что возможно»¹¹⁵. Участники группы Ю. Ожешко использовали в своей деятельности исключительно легальную литературу и совсем не обращались к эмигрантским изданиям, к которым попросту не имели доступа.

Кружки самообразования были попыткой сохранить интеллектуальную традицию Польши эпохи разделов. То же можно сказать о поминальных месах в честь памятных событий и известных польских исторических деятелей. Они привлекали противников идеологической линии ПОРП, поскольку позволяли на легальной основе подчеркивать альтернативную историческую традицию, освященную к тому же авторитетом церкви.

Даже правящая элита Польши была не чужда национальной проблематики в ее традиционных формах. Харцерский инструктор Антоний Мацеревич вспоминал, что его харцерская дружина при варшавском лицее им. Рейтана вела патриотическо-просветительскую деятельность, противоречившую официальной (т. е. пропагандирующей социализм) линии Союза польских харцеров. По словам А. Мацеревича, это было возможно благодаря покровительству чиновников, желавших, чтобы их дети воспитывались в традициях довоенного харцерства¹¹⁶.

Представители «ревизионизма» хоть и довольно холодно относились к традиционным ценностям, также всегда подчеркивали, что проблема суверенитета не перестала быть актуальной после 1956 г., в связи с чем нередко обращались к наследию Второй Речи Посполитой. Неоднозначным среди интеллигенции было отношение и к самой исторической преемственности между довоенной Польшей и ПНР. В польской научной литературе новейшего периода закрепилась периодизация истории страны, вычленяющая ПНР из общего течения польской истории как период между Второй и Третьей республиками, получивший название Народной Польши. Однако некоторые публицисты ПНР называли современную им Польшу Третьей Речью Посполитой, что, безусловно, являлось отражением определенного типа мировоззрения, при котором Народная Польша рассматривалась как продолжательница исторических традиций прежних республик¹¹⁷. Ю. Халасиньский в нашумевшей книге «Прошлое и будущее польской интеллигенции», изданной в 1958 г., подчеркивал: «Оказывается... роль и авторитет национальной интеллигенции зависят от того, насколько она является общенародной, а не классовой [...] Новая интеллигенция рабоче-крестьянского происхождения больше не проявляет сильной связи с материнской средой и не имеет каких-либо внутренних общественно-культурных данных, которые бы выделяли ее из среды интеллигенции иного происхождения»¹¹⁸. Даже среди работников Службы безопасности встречались настроения, явно шедшие вразрез с официальной пропагандой. Весной 1956 г. на собраниях парторганизаций СБ звучали такие вопросы: была ли политика ПНР до XX съезда КПСС суверенной? Что на самом деле случилось в Катыни? Как выглядела помощь советской армии польским повстанцам во время варшавского восстания? Как оценивать пакт СССР с Германией в 1939 г.?¹¹⁹

После войны значительная часть польской интеллигенции осталась за границей, создав целую сеть общественно-политических и культурных организаций, которые как бы дублировали соответствующие органы на родине. Тем самым эмиграция старалась доказать, что лишь она является подлинной носительницей польской государственности, а ПНР – это только фасад, который прикрывает подчиненность Польши СССР. Вес, который приобрели представители польской эмиграции в некоторых странах (Великобритания, США, Франция), заставлял правящий режим ПНР с тревогой смотреть на их политическую активность. Дабы внести раскол в ряды непримиримых антикоммунистов, правительство в 1955 г. создало Товарищество единства с эмиграцией «Полония» и радио «Страна». Кроме того, через представителей ПАКСа (в частности, К. Лубенского) готовилась почва для создания в Нью-Йорке польскоязычного журнала. События 1956 г. поощрили некоторых известных эмигрантов вернуться в страну. Оживилась антиправительственные настроения и в самой Польше. «Получены сигналы, – информировали органы госбезопасности в октябре 1956 г. – что бывшие АКовцы, НСЗовцы (вооруженная организация крайне правого толка. – В. В.), ПСЛовцы, эндеки, католические деятели и люди разных сообществ часто под различными предложениями собираются на частные встречи. На этих встречах обсуждают ситуацию в стране и настроения населения... Не исключают создания какого-нибудь легального оппозиционного органа, который стал бы противовесом идеи Национального фронта»¹²⁰. Вскоре начали возникать довольно многочисленные клубы и товарищества, у истоков которых стояли люди самой разной политической окраски – от социалистов до националистов. Не все из них были настроены против правящего режима, но всех объединяло неприятие сталинизма.

Самым известным местом собраний интеллигенции, безусловно, оставался Клуб кривого колеса. Уже в середине 1956 г. представители немарксистской интеллигенции начали оказывать все возрастающее влияние на деятельность клуба. Э. Гажтецкая в своей записке Службе безопасности от 1963 г. утверждает, что в конце 1956 г. власть в ККК целиком оказалась в руках «группы Я. Ю. Липского». К этой группе она относил прежде всего социологов Ч. Чапова, М. Сроку, В. Едлицкого и С. Мантужевского¹²¹. Работники Службы безопасности, составляя в апреле 1958 г. один из первых рапортов о ККК, также подметили доминирующее влияние этих лиц на положение дел в клубе. «Для этой группы характерна несомненная интеллектуальность, – сообщали они, – но при этом совершенно недостаточная политическая подготовка, незрелость, принятие тех или иных политических решений под влиянием внезапных импульсов»¹²². В феврале 1957 г. Я. Ю. Липский был избран председателем прав-

ления ККК. При нем в клубе проходили дискуссии на животрепещущие темы: о прошедших выборах в Сейм, о венгерском восстании, о годовщине «Польского Октября» и т. д.¹²³

По воспоминаниям В. Едлицкого, первое время после Октября 1956 г. в клубе широко дискутировался вопрос о возможности превращения Польши в некое подобие Югославии или Финляндии. Первый вариант предусматривал социалистический строй в стране и полноценную самостоятельность во внешнеполитической деятельности. Второй предполагал независимость во внутренней политике и сознательное ограничение своей международной активности определенными рамками с учетом интересов СССР. Сам Едлицкий, по его словам, склонялся первоначально к «финляндизации» Польши, объясняя это тем, что моральные проблемы строительства социализма интересуют лишь горстку интеллигентов и не должны отражаться на судьбе народа, а кроме того, общественный строй в Финляндии лучше югославского. Однако затем он изменил свою точку зрения. В начале 1960-х годов он отстаивал мнение, что единственным шансом сохранить демократические завоевания 1956 г. было апеллирование к югославскому опыту, т. е. поддержка движения за производственное самоуправление, поскольку идеи парламентаризма вполне могли быть отвергнуты властями как буржуазный вымысел, в то время как ограничение полномочий рабочих советов было чревато расхождением с ленинизмом. Иначе говоря, внешнеполитическая независимость Польши, по мнению Едлицкого, могла быть достигнута только в случае сохранения социалистических устоев внутри страны¹²⁴.

Подобных же взглядов придерживался и публицист парижской «Культуры» Ю. Мерошевский. Он предостерегал поляков от тщетных надежд на поддержку Запада в борьбе с коммунизмом, говорил, что в современном миропорядке СССР и США – в той же мере враги, как и партнеры, и не каждое ослабление Советского Союза будет на руку Соединенным Штатам (равно как и наоборот). Однако в целом США не столь заинтересованы в сохранении существующей системы международных отношений в Европе, как СССР, поскольку Москва опирается на сателлитов, а Вашингтон – на союзников. Поэтому Ю. Мерошевский со своей стороны призывал поляков не поддаваться антирусским настроениям, ибо сохранение сильной России в интересах Польши. Если бы вдруг распался СССР, утверждал публицист «Культуры», то немцы не имели бы соперников до самого Урала. Таким образом, резюмировал он, «мы еще на очень долгое время обречены быть в ситуации «К» плюс «Р» (коммунизм плюс Россия)». Однако Польша, как и все остальные восточноевропейские страны, может, по крайней мере, расширить рамки своей само-

стоятельности, фактически перестав быть советским сателлитом. «На примере Румынии мы видим, что десателлизация более достижима, нежели десталинизация», писал Ю. Мерошевский, имея в виду возросшую внешнеполитическую самостоятельность балканской страны при Н. Чаушеску. Основой для сохранения международного статус кво в Европе публицист полагал наличие двух немецких государств и непризнание со стороны ФРГ западных польских границ. Когда разрешится германский вопрос и граница по Одре и Нысе будет признана международным сообществом, утверждал он, в значительной степени отпадет необходимость сохранения двух враждебных военно-политических блоков, и Европа неизбежно начнет превращаться в нейтральную территорию. В этом, по мнению Ю. Мерошевского, был ключ к десателлизации Восточной Европы. Однако завоевание полноценной независимости Польши невозможно без нормализации польско-литовских и польско-украинских отношений. Поляки должны уяснить себе, что Вильнюс принадлежит литовцам, а Львов – украинцам, а с «ягеллонской» политикой покончено раз и навсегда. Только таким образом Польша сумеет заручиться поддержкой литовцев и украинцев и отстоять свою независимость от России¹²⁵.

Идеи Ю. Мерошевского, малопопулярные среди польской эмиграции, получили достаточно большую известность в Польше, в том числе в кругах «фрондирующей» интеллигенции. Они закладывали основу для внешнеполитических концепций демократической оппозиции.

В 1957 г. Я. Ю. Липский налажил письменный контакт с главным редактором парижской «Культуры» Е. Гедройцем, что побудило Службу безопасности взять Липского под наблюдение¹²⁶. Начиная с 1958 г. Клуб кривого колеса оказался под пристальным надзором органов госбезопасности. Результаты не заставили себя долго ждать: среди участников ККК было завербовано несколько тайных сотрудников, которые начали поставлять информацию о работе клуба. Кроме того, СБ сумела установить, кто еще, кроме Липского, поддерживает контакт с «Культурой». Таковых оказалось немало (А. Гелля, З. Найдер, А. Бжеский, В. Едлицкий, Мария и Станислав Оссовские, многие другие). Целями этих контактов были обмен литературой, устройство художественных выставок за границей, налаживание научных и культурных связей и т. д.¹²⁷ Другими словами, это была не оппозиционная деятельность, а желание приобщиться к последним достижениям научной и культурной мысли. Встречались, впрочем, и случаи публикации статей, отвергнутых польской цензурой. Власть в Варшаве подозрительно смотрела на подобный обмен опытом, а тем более на пересылку каких-либо материалов либо получение таковых из-за рубежа. Поэтому компетентные органы решили пресечь эту прак-

тику. В 1958 г. состоялся первый из политических процессов «послеоктябрьской» Польши. На скамье подсудимых оказалась Анна Шажинская-Ревская – боец АК, участвовавшая в свое время в покушении на эсэсовского генерала Ф. Кучеру. В 1956 г. она передала в «Культуру» «Секретный доклад» Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, а затем распространяла в Польше номера этого журнала. Кроме того, по данным Службы безопасности, она отправляла в «Культуру» отчеты о работе ККК, списки репатриантов из СССР, заметки о внутреннем положении в стране и т. д. Ревская была приговорена к трем годам заключения¹²⁸.

В марте того же года в результате очередных выборов Я. Ю. Липский стал заместителем председателя правления ККК, а главой был избран А. Малаховский – журналист и участник АК, дважды сидевший в тюрьмах Народной Польши. Об атмосфере, царившей в это время в клубе, Служба безопасности сообщала следующее: «Принята линия на снижение тона, дабы не давать властям повода вмешиваться во внутренние дела Клуба. Этого вмешательства также пытаются избежать и Малаховский, который провел предложение о том, чтобы не преобразовывать клуб в зарегистрированное товарищество»¹²⁹. Тем не менее, поскольку в ККК встречались люди самых разных убеждений, это поневоле приводило к весьма острым дискуссиям. Например, в начале января 1959 г. с докладом о национальных польских комплексах выступил известный писатель М. Ванькович, долгое время живший в эмиграции. По его мнению, одним из главных комплексов эмигрантов являлся антисоветизм. Данное утверждение вызвало ехидный вопрос одного из дискуссионтов: причиной каких комплексов стала депортация полутора миллионов поляков вглубь СССР. Другие выступавшие (например, П. Ясеница) подчеркивали, что распространенным комплексом жителей страны является недоверчивость, связанная со всеобъемлющей деятельностью органов госбезопасности в минувший период¹³⁰. 23 января того же года на обсуждении доклада А. Шаффа о политике партии в области культуры Липский и Ясеница подвергли критике действия цензуры, причем Липский заявил, что если такая линия будет продолжаться впредь, то уже через год все будут читать только паксовские книги (которые обычно представляли взгляды немарксистских деятелей)¹³¹.

Я. Ю. Липский и П. Ясеница в дальнейшем оставались активными участниками ККК. Служба безопасности в начале 1959 г. попыталась склонить Липского к сотрудничеству, но безуспешно¹³². Настоящую ярость власти вызвал несостоявшийся доклад Липского об ОНР-Фаланге в октябре 1959 г. Литературовед был уволен из Государственного издательского института, а председатель правления ККК А. Малаховский потерял работу в «Пшеглёнде культу-

рально»¹³³. Новое правление (председателем которого был вновь избран Малаховский) почло за благо умерить накал выступлений, что немедленно привело к снижению популярности ККК. В феврале 1960 г. тайный сотрудник СБ докладывал: «Наблюдается... определенный отход от деятельности в Клубе членов Правления Липского и Малаховского. Из разговора с магистром Чаповым следует, что он в принципе не видит возможности, чтобы Клуб мог активизировать свою деятельность. Он полагает, что еще несколько встреч, и Клуб перестанет существовать»¹³⁴. В начале 1961 г. произошло некоторое оживление работы Клуба кривого колеса. В середине января там обсуждалась рецензия Липского на одну из книг Е. Помяновского. Дискуссия коснулась заочного спора Помяновского с Ясеницей, в ходе которого последний сравнивал Польшу Гомулки с польскими землями на рубеже 1950–1960-х годов XIX в., непосредственно перед восстанием. Помяновский воспользовался случаем, чтобы заявить о некорректности этого сравнения, ибо, по его мнению, не могло быть никаких аналогий между СССР и царской империей. Присутствовавший на собрании Ясеница предпочел отмолчаться¹³⁵. Причиной этого, видимо, было нежелание касаться такой скользкой темы, как степень влияния Советского Союза на внутренние дела Польши. Об этом еще в феврале 1959 г. говорил Липский: «Мы не будем обсуждать российскую тематику, так как это может вызвать проблемы и об этом нельзя говорить откровенно»¹³⁶.

Весной 1961 г. ККК вновь начал обретать популярность. В марте после доклада одного из журналистов о персонализме Мунье завязалась оживленная дискуссия между представителями атеистического и католического мировоззрений. Первые, представленные В. Едлицким и Л. Колаковским, высказали несколько критических замечаний в адрес церкви, вторые (Я. Заблоцкий, Е. Браун и др.) принялись ревностно защищать костел¹³⁷. Значительный интерес вызвал также доклад В. Бартошевского о процессе Эйхмана и его освещении в мировой прессе, произнесенный 10 апреля. Послушать это выступление пришло рекордное количество зрителей, причем диспутанты отстаивали роль поляков в спасении многих евреев от уничтожения и осуждали «провокации» некоторых западногерманских газет, обвинявших население Польши в антисемитизме¹³⁸.

В мае на очередных выборах правления клуба председателем был избран Ясеница, Малаховский стал его заместителем, а Липский – секретарем правления. В конце сентября 1961 г. П. Ясеница выступил в клубе с отзывом на книгу официального историка и публициста З. Залуского «Пропуск в историю». Опираясь на богатый исторический материал, Ясеница взял под защиту сентябрьскую кампанию польской армии в 1939 г. и прямо заявил, что если бы не вторжение советских войск 17 сентября, судьба войны могла бы сложиться

иначе¹³⁹. В ноябре 1961 г. В. Бартошевский прочитал доклад о помощи, которую оказывали подпольные антифашистские организации польским евреям во время войны. Доклад касался в основном АК, в то время как Национальные вооруженные силы (боевые формирования Национальной партии) докладчик назвал «бандитами, которыми даже не стоит заниматься». На заседании присутствовали представители бывшего руководства АК. Любопытно, что тайный сотрудник органов госбезопасности, сообщивший об этом собрании, считал своим долгом вопреки установившимся правилам заметить в конце донесения: «В какой мере Клуб вообще может быть свободной трибуной для АК-овцев и других бывших оппозиционных элементов, лишенных возможности публично высказываться?»¹⁴⁰. Развивая эту мысль, он спустя несколько месяцев разразился настоящей филиппикой против бывших участников антикоммунистического подполья: «Без всякого политического предубеждения следует сказать, что атмосфера [в клубе] является про-Аковской, ККК – это область обитания и отстаивания правоты членами бывшего руководства АК, «Свободы и независимости», Делегатуры (представительство лондонского правительства в стране во время оккупации. – В. В.), людей, сидевших в тюрьмах в 1950-е годы, а ныне осторожно изливающих здесь свои жалобы и демонстрирующих в каждой речи свои комплексы в отношении того периода»¹⁴¹. Трудно сказать, была ли эта сентенция проявлением сознательной неприязни к антикоммунистам или желанием отличиться на ниве служения правящему режиму. Так или иначе, показательно, что подобные донесения появились незадолго до закрытия Клуба.

Болезненными ударами по ККК стали аресты писателя Е. Корнацкого и социолога А. Рудзиньской. Корнацкий обвинялся в распространении сатирических стихов, высмеивавших польскую действительность и знакомых ему людей. В поле зрения Службы безопасности он попал из-за своих контактов с парижской «Культурой» и намерения издать за границей коллективную работу польских литераторов (П. Герца, М. Яструна, Е. Корнацкого, А. Сандауэра, Е. Завейского, А. Киёвского, Я. Н. Миллера, А. Важика, П. Ясеницы и др.) под названием «Счет памяти», рассказывавшей о «перегибах» культурной политики ППР–ПОРП в период сталинизма¹⁴². Позже Корнацкий отказался от своего намерения, но органы госбезопасности продолжали следить за ним, пока писатель сам не предоставил им повод для ареста. Процесс получился громким, но отдавал скандалом из-за скабрёзного и оскорбительного содержания многих стихов Корнацкого, вследствие чего члены варшавского отделения СПЛ приняли резолюцию с предложением исключить писателя из организации. 2 января 1962 г. Корнацкий был приговорен к году заключения и штрафу в 250 злотых¹⁴³.

Прегрешения А. Рудзиньской носили более серьезный характер. Она обвинялась в переводе на польский язык и попытке распространения «враждебной» книги социолога Ф. Гросса «Захват политической власти». Процесс Рудзиньской проходил при закрытых дверях. Поскольку обвиняемая была секретарем ККК и участницей Варшавского восстания, суд над ней вызвал большой резонанс среди членов клуба. Ее защищали сразу три адвоката: Л. Конн, А. Стейнсберг и Я. Ольшевский. В своих речах защитники обосновывали сугубо научный характер работы Гросса и право польской интеллигенции поддерживать контакты с эмигрантскими учеными. Кроме того, А. Стейнсберг выразила недоверие приглашенному судом эксперту (студенту четвертого курса факультета социологии Варшавского университета) и предложила вызвать в качестве специалистов в данной области Ю. Хохфельда и Я. Щепаньского. Суд отказал в этой просьбе и не внял аргументам защиты. 7 февраля 1962 г. Рудзиньская была приговорена к году заключения¹⁴⁴.

После распоряжения властей о закрытии ККК правление пыталось спасти клуб, отправляя петиции в ЦК и варшавский комитет партии, но без всякого успеха. К Ясенице обратился корреспондент агентства Рейтер с просьбой об интервью, однако писатель отказал ему. Так же поступили Липский и Малаховский. «Следует полагать, – комментировали работники Службы безопасности, – что осторожность... была продиктована боязнью “провокации” и привлечения к ответственности за контакты с иностранцами»¹⁴⁵.

Единственным из членов правления клуба, кто выражал желание поделиться информацией относительно обстоятельств закрытия клуба, был В. Едлицкий. В августе 1962 г. он выехал на постоянное место жительства в Израиль, откуда осенью того же года отправил в редакцию парижской «Культуры» статью «Хамы и евреи». Статье этой суждено было всколыхнуть общественное мнение как в Польше, так и среди эмиграции. В ней утверждалось, что события «Польского Октября» были не спонтанным общественным движением за демократизацию и суверенитет, а следствием внутривластной борьбы между «пулавянами» (получившими от оппонентов прозвище «евреев») и «наголинцами» (носившими ярлык «хамов»). По мнению Едлицкого, подлинными поборниками десталинизации были как раз «наголинцы» – сторонники Н. С. Хрущева, в то время как бывшая сталинская гвардия в лице «пулавян» только разыгрывала карту либерализма, чтобы таким образом завоевать популярность в народе и остаться у власти после потрясения, вызванного «Секретным докладом» первого секретаря ЦК КПСС. Едлицкий доказывал, что причиной ужесточения режима после событий октября 1956 г. была не угрожающая позиция СССР, а победа одной из фракций («пулавской»). «В интересах поль-

ского народа в 1956 г. было сохранение внутренней грызни во власти, а не поддержка одной из сторон. Только благодаря тому, что власть тогда была слаба, оказалась возможной та демократизация, которая была осуществлена между VI и VIII пленумами ЦК ПОРП. Сосредоточение всей власти в руках пулавян в октябре 1956 г. положило конец столь выгодной конъюнктуре»¹⁴⁶. Позднее, продолжал автор, Гомулка расправился с крайними «натолинцами» и начал постепенно избавляться также от прежних союзников-«пулавян», уступая желанию низов партаппарата, которые всегда косо смотрели на «евреев». Вследствие этого к началу 60-х гг. назрело новое столкновение. Оно, согласно автору, могло сыграть положительную роль в деле дальнейшей демократизации режима, но при условии, если население страны перестанет пассивно наблюдать за происходящим. «Хочу, – писал Едлицкий, – чтобы мой вывод стал тревожным звонком. В Польше вновь готовы столкнуться лбами две фракции. Это значит, что опять возникает подходящая возможность для демократизации, для повторения в определенной степени того, что было сделано в 1956 г. Но для того, чтобы эта возможность стала реальностью, польский народ не должен бездеятельно и равнодушно взирать на то, что происходит на самом верху общественной лестницы»¹⁴⁷.

Статья эта на короткий промежуток времени стала одной из главных тем, обсуждавшихся польской интеллигенцией. Причиной этого были не столько неожиданные выводы автора, сколько сам факт того, что закрытая прежде тема вышла на явь. Коллеги Едлицкого по ККК (Липский, Новак, Ясеница, Срока, Зембиньский) были, по свидетельству тайного сотрудника Службы безопасности, «разъярены на автора. Зембиньский полагает, что статья эта принесла много вреда людям, в том числе профессору Оссовскому. Высказываясь о содержании статьи, Зембиньский сказал, что “описанное в ней было повсеместно известно в том кругу, где вращался Едлицкий”»¹⁴⁸. Примерно то же самое говорил и Я. Штелецкий: «Едлицкий был непоследователен и подсунул большую свинью своим знакомым»¹⁴⁹. Несмотря на это, главная цель, которую ставил перед собой социолог – разбудить общественное мнение, была достигнута. Е. Гедройц писал М. Домбровской: «Статья в декабрьском номере вызвала большое оживление... Представляется, что содержащийся в ней анализ заставил людей задуматься и сделать выводы... Мы входим в драматический поворот истории, поэтому меня все больше беспокоит небывалая стагнация в стране»¹⁵⁰. В письме, адресованном шефу польской редакции радио «Свободная Европа» Я. Новаку-Езёранскому, он сообщал: «Характерна реакция Домбровской, которая прислала Стемповскому (литературный критик, печатавшийся под псевдонимом «Павел Хостовец». – В. В.) и мне огромные письма, где пишет о “настоящем потрясении”, каким явилась для нее статья

“Хамы и евреи”, и что статья эта помогла ей и ее друзьям упорядочить собственные оценки. Почти такое же послание мне доставили вчера от Слонимского...»¹⁵¹.

В. Едлицкого пригласили на дискуссию с членами редколлегии радио «Свободная Европа» и «Культуры». Ход этой дискуссии, доводы оппонентов (Я. Новака-Езёраньского, Т. Завадского, К. Еленьского), а также многочисленные отзывы читателей и радиослушателей послужили материалом для еще двух статей социолога, также опубликованных в «Культуре»¹⁵². Кроме того, в 1963 г. Едлицкий издал книгу об истории Клуба кривого колеса, куда отдельной главой вошли «Хамы и евреи».

Роспуск ККК заставил искать новые форумы для общения: другие существовавшие в то время клубы («Жизнь», «Товарищество моральной культуры», «Клуб хорошей работы», клуб католической интеллигенции, разного рода профессиональные товарищества), а также частные собрания, которые с определенной долей условности можно назвать политическими салонами. Такие «салоны» у себя на квартирах проводили А. Рудзинская, М. Срока, В. Зембинский, А. Стейнсберг, Я. Ю. Липский и др.¹⁵³ Кроме того, существовали целые общественно-государственные структуры, которые охотно приглашали в свои ряды известных деятелей немарксистской ориентации (бывших АК-овцев, журналистов, писателей, членов «буржуазных» партий и т. д.). К этим структурам относились, например, ПАКС и еженедельник «Столица». Когда в 1964 г. М. Мочар возглавил ветеранскую организацию ЗБоВиД, туда также начали активно привлекать людей, сражавшихся в АК. Власть молчаливо принимала эту практику, т. к. могла таким образом постоянно держать под присмотром «нелояльный элемент». Наконец, определенную свободу для самовыражения предоставлял СПЛ.

Именно представители «традиционных сообществ», по мнению власти, стояли у истоков «Письма 34-х». Во всяком случае, главными объектами для атак режима стали тогда А. Слонимский, Я. Ю. Липский и М. Ванькович.

Действительно, эти люди сыграли немалую роль в создании и распространении «Письма». Уже в январе 1964 г., когда в СПЛ усилилось брожение по поводу политики Главного правления, Слонимский и Ванькович принимали активное участие в неформальных встречах писателей, где обговаривалась тактика действий. Также в этих встречах участвовали такие люди как, например, М. Домбровская, А. Сандауэр, П. Ясеница, Е. Завейский, С. Цат-Мацкевич¹⁵⁴. На расширенном пленуме главного правления СПЛ, прошедшем 17–18 января, они подвергли разному членов и обрушились с гневными речами на цензуру¹⁵⁵. Не менее остро эти литераторы критиковали в своем кругу и решение XIII пленума ЦК ПОРП¹⁵⁶.

Сам текст «Письма 34-х», по данным Службы безопасности, был составлен Слонимским и Липским. Они же собирали подписи под ним¹⁵⁷. Авторы старались подобрать таких людей, которые имели неоспоримые заслуги перед Польшей и принадлежали к старшему поколению, помнившему довоенные времена. Именно поэтому под «Письмом» не оказалось подписи самого Липского — он был слишком молод для этого. 17 марта органы госбезопасности установили наблюдение за Слонимским, Липским, Анджеевским, Ясеницей и Ваньковичем¹⁵⁸. После того, как Липский был задержан на 48 часов, а в его квартире был произведен обыск, Ясеница немедленно снесся с правлением СПЛ, требуя вмешаться в ситуацию. Одновременно в прокуратуру отправились С. Киселевский, А. Стейнсберг, М. Оссовская и А. Слонимский с целью выяснить причину задержания¹⁵⁹.

1 апреля А. Рудзинская организовала торжественный прием по случаю защиты диплома, куда было приглашено до 70 человек, в том числе Герц, Бауман, Срока, Тейковский, Зембиньский, Киселевский, Чапов, Гжэндзиньский, Липский, Скужиньский, Стейнсберг, Ясеница¹⁶⁰. По сути, это был настоящий слет оппозиции. В начале апреля М. Ванькович разослал своим знакомым послания с описанием репрессий, которые постигли подписантов «Письма 34», а затем отправил такое же письмо в американское посольство¹⁶¹. Кроме того, он выслал протест в редакцию варшавской «Культурь», указывая, что акция 34-х является борьбой за свободу творчества, а не борьбой с Народной Польшей¹⁶². Именно Ванькович наряду с Киселевским, Слонимским и Ясеницей, по данным органов госбезопасности, готовил для М. Домбровской материал, с которым она выступила на собрании варшавского отделения СПЛ 12 июня 1964 г.¹⁶³

Служба безопасности тоже не сидела сложа руки. Письмо Ваньковича в американское посольство было перехвачено и отправлено для ознакомления в ЦК ПОРП. На его основе начала разрабатываться акция по очернению писателя¹⁶⁴. Вскоре Ванькович был арестован. Поводом для ареста, впрочем, стало не это письмо, а его переписка с дочерью, жившей в США. Перлюстрируя эти послания, Служба безопасности обнаружила подозрительное сходство между их содержанием и текстами некоторых передач радио «Свободная Европа». Вечером 5 октября (после общего собрания варшавского отделения СПЛ) Ванькович был препровожден в КПЗ по обвинению в распространении сведений, порочащих Народную Польшу. Писатель повел себя решительно и потребовал встречи с Гомулкой или Мочаром. К удивлению многих министр внутренних дел согласился на встречу и провел с писателем четырехчасовую беседу в здании городского управления милиции. Это, однако, не предотвратило судебного разбирательства. Процесс прошел в начале ноября. Доверенным

лицом Ваньковича выступал Ясеница, а СПЛ представлял Герц. В качестве свидетелей защиты обвиняемый привлек людей, которые сильнее других были настроены против него: И. Неверли, К. Козьневского, Б. Чешко. Все они, несмотря на глубокие идейные расхождения с подсудимым, вынуждены были признать, что Ванькович никогда не вел враждебной деятельности против ПНР. В своем последнем слове писатель заявил, что его процесс – это продолжение той линии, которая началась с «Письма 34-х» и с отказа нескольких десятков партийных литераторов подписать «контрписьмо». В итоге Ванькович был приговорен к трем годам заключения, но срок был сразу же сокращен на полтора года по случаю амнистии, а потом и вовсе признан условным. Спустя два месяца после выхода на свободу, в начале января 1965 г., писатель был принят Гомулкой¹⁶⁵. Причиной столь мягкого наказания, как можно думать, была не только известность Ваньковича, но и солидный возраст писателя. Как говорил в личной беседе адвокат Я. Ольшевский: «Отправка Ваньковича в тюрьму исключена. Никто не захочет рисковать, если Ванькович умрет в заточении»¹⁶⁶.

В октябре 1964 г. началось следствие по делу Я. Н. Миллера – 74-летнего поэта и театрального критика, участника ППС-овского подполья в период оккупации. Подобно Ваньковичу, он обвинялся в распространении сведений, порочащих ПНР. В вину ему вменялось написание и передача в лондонское издание «Вядомощчи» ряда статей, чрезвычайно резко атакующих правящий режим Польши. 11 ноября в доме Миллера был проведен обыск, в ходе которого найден ряд документов, неопровержимо доказывающих его вину¹⁶⁷. Миллер признал свое авторство. Он пытался оправдать свои действия тем, что всего лишь хотел открыть глаза власти на положение в стране, и вынужден был прибегать к услугам эмигрантских изданий, поскольку отечественные его не печатали. 14 июня 1965 г. он отправил письмо Гомулке, напоминая первому секретарю о своих заслугах перед левым движением до 1939 г. и указывая на сугубо марксистский характер своей критики¹⁶⁸, но это не спасло его от расправы. В сентябре 1965 г. Миллера приговорили к трем годам заключения (вскоре срок был сокращен до 18 месяцев с отсрочкой на два года) и лишен специальной пенсии, назначенной ему властями Народной Польши за общественную деятельность до войны.

Под ударом оказался и друг Миллера писатель Я. Гжендзиньский. Его оппозиционная деятельность носила более явный характер. Он был ярким участником дискуссий в ККК и «Товариществе моральной культуры» (клубе, основанном в 1958 г. тестем Э. Осубки-Моравского социалистом М. Панкевичем и действовавшим под патронатом Т. Котарбиньского). В частности, на об-

суждении доклада Л. Колаковского «Похвала лицемерию» 30 января 1963 г. в «ТМК», Гжендзинский цитировал слова французского мыслителя XIX века Б. Констана об узурпации и тирании как системах власти, и упирал на общественные корни человеческого лицемерия. «Его выступление, – говорилось в докладе Службы безопасности, – не встретило критики и широко обсуждалось среди интеллигенции. Каждый понимал, о чем идет речь»¹⁶⁹. 23 марта 1964 г. Миллер сообщил Гжендзинскому о «Письме 34-х», и посетовал, что авторы не включили их в число подписантов. Стремясь исправить это, он предложил написать собственное письмо аналогичного содержания¹⁷⁰. Уже на следующий день Гжендзинский написал такое письмо и отправил его премьеру Ю. Циранкевичу¹⁷¹. Писатель демонстративно отказался подписать «контр-письмо» против радио «Свободная Европа», инициированное первичной партией-организацией СПЛ, и выслал по этому поводу обширное послание в правление Союза. Копию послания он в «Культуру» и «Свободную Европу». Позже Гжендзинский отправил по тому же адресу подробное описание общего собрания варшавского отделения СПЛ 12 июня (где с речью в защиту «подписантов» выступила М. Домбровская). В отношении писателя была начато следствие, 16 октября в его доме произвели обыск. Невзирая на это, Гжендзинский продолжал передавать за границу информацию «опасного характера», кроме того, предлагал Гедройцу организовать фонд «литературного Красного креста» для помощи репресслируемым писателям, и обсуждал с Миллером и Ваньковичем идею написания совместной работы «Три дела», в которой были бы представлены обстоятельства их судебного преследования¹⁷². 6 ноября он отправил письмо члену Политбюро З. Клишко, в котором требовал ослабить цензуру и прекратить нелепые изъятия его рукописей из издательств. «Если одни пишут в стол, то я по сути пишу непосредственно для СБ», – возмущался писатель¹⁷³. Власть долгое время не предпринимала в отношении Гжендзинского решительных мер, возможно, не желая лишний раз нагнетать страсти, и без того накаленные «Письмом 34-х», процессом Ваньковича, арестом Куроня, Модзелевского, Хасса и т. д. Однако в июне 1965 г. обнаружился еще один писатель, отправлявший свои статьи за рубеж – Станислав Цат-Мацкевич, бывший премьер эмигрантского правительства и известный публицист. Начиная с октября 1964 г. он отправил несколько статей об актуальных событиях в парижскую «Культуру». Некоторые из этих статей попали за рубеж в одной посылке с материалами Гжендзинского. Это заставило Службу безопасности заподозрить наличие тесного сотрудничества двух авторов. В квартире Мацкевича было проведен обыск, он был вызван на допрос в прокуратуру¹⁷⁴. Гжендзинский, вторично уличенный в «порочных»

связях, стал писать письма министру культуры и в Президиум ЦК ПОРП, где уже открыто требовал свободы творчества и заявлял о прогрессирующем кризисе литературы, причиной которого, по его мнению, была политика правящего режима ПНР¹⁷⁵. В итоге писатель был исключен из СПЛ. В отношении же Мацкевича следствие было прекращено – очевидно, в силу преклонного возраста литератора (вскоре он скончался).

В августе 1966 г. был арестован историк Ш. Шехтер и его секретарша Н. Карсоф. Их также обвинили в распространении сведений, порочащих Народную Польшу. Причиной ареста послужил дневник Шехтера, который он вел с мая 1965 г., записывая в него свои сокровенные мысли. Чтобы не подвергать слепого историка тяжкому испытанию, Н. Карсоф взяла всю вину на себя, и в октябре 1967 г. была приговорена к трем годам заключения¹⁷⁶. В январе 1967 г. был схвачен 38-летний социолог и поэт Я. Шпотаньский – за сатирическую поэму «Тихие и гоготуны», которая высмеивала польскую действительность и самого Гомулку. Поэма была задумана как опера и разбита на песни, исполнявшиеся на популярные мелодии. Автор читал свое произведение на квартирах у знакомых (в том числе у известных деятелей оппозиции). Магнитофонные записи этих чтений широко распространялись по стране. Служба безопасности знала о поэме по крайней мере с января 1965 г.¹⁷⁷, однако не трогала Шпотаньского, ограничиваясь наблюдением за ним. Полный вариант поэмы, записанный на пленку, попал в руки сотрудников госбезопасности во время обыска в доме Шехтера. Процесс Шпотаньского прошел в феврале 1968 г. Его доверенным лицом выступал С. Киселевский, а одним из свидетелей обвинения был А. Сандауэр. Суд приговорил поэта к трем годам заключения¹⁷⁸.

Во время выступления В. Гомулки перед варшавским активом партии 19 марта 1968 г. оратор, обрушиваясь с нападками на Киселевского, вкратце охарактеризовал и произведение его подзащитного. Согласно оценке Гомулки, это был «реакционный пасквиль, источающий садистский яд ненависти к нашей партии и органам государственной власти. Данное творение содержит в себе также порнографические мерзости, на которые может сподобиться лишь человек, живущий в сточной канаве, человек с моралью альфонса»¹⁷⁹. Как видно, первого секретаря ЦК ПОРП сильно задело это произведение, в котором он сам был выведен под именем Гнома. И хотя литературные его достоинства были весьма сомнительны, в том же месяце оно увидело свет на страницах парижской «Культуры»¹⁸⁰.

Главной жертвой травли прессы и органов власти в 1968 г. стал П. Ясеница. На чрезвычайном заседании варшавского отделения СПЛ 29 февраля 1968 г. он произнес речь, в которой указал на необъективность освещения польской

печатью событий, связанных со снятием со сцены «Дзядов», и зачитал одну из антисемитских листовок, распространившихся в Варшавском университете. Кроме того, Ясеница вспомнил о процессе Н. Карсоф и назвал его одним из проявлений юдофобии¹⁸¹.

Служба безопасности еще в 1964 г. готовила компромат на Ясеницу, но тогда власти решили не идти на такой шаг¹⁸². Теперь же на страницах газет и в речах партийных чиновников (в том числе Гомулки) стали вовсю эксплуатироваться его «бандитское» прошлое (после войны Ясеница некоторое время состоял в рядах «Свободы и независимости») и подлинное имя – Лех Бейнар¹⁸³. Служба безопасности следила за каждым шагом писателя, при этом главным источником информации для нее были донесения жены Ясеницы З. О'Бретенни-Бейнар, завербованной тайными службами еще до ее замужества с литератором¹⁸⁴. Ясеница был исключен из СГП. Он умер в августе 1970 г. На его погребение пришли сотни людей, в том числе немало деятелей оппозиции. Е. Анджеевский и В. Сила-Новицкий произнесли над гробом проникновенные речи, в которых отдавали должное заслугам писателя и заявляли о его невинности во всех тех грехах, которые ему приписывала пресса.

Оппозиция, представленная национально-патриотическими движениями, не была неким целостным явлением. Она дробилась на несколько направлений, бывших как бы продолжением идейных течений старой Польши. Опшутимого влияния эта оппозиция не приобрела. Деятели национально-патриотического толка не могли эффективно распространять свои идеи в интеллигентской среде, поскольку, во-первых, все подобные попытки отслеживались властью, а во-вторых, цели этих людей были иные, нежели у «ревизионистов» или светских католиков. Они не собирались ограничиваться диалогом с властью, но выступали против нее, не имея массовой поддержки. В таких условиях альтернативой для деятелей данного направления была либо эмиграция, либо репрессии властей. На примере «национального» движения в ПНР того периода мы можем видеть, как далеки могут быть друг от друга «оппозиция» и «сопротивление» (пользуясь терминологией А. Фришке), даже если оба явления действуют в рамках одной мировоззренческой платформы. Деятели национально-патриотической ориентации оставалось лишь ждать изменения такой ситуации, то есть такого положения, когда режим утратит поддержку большей части населения и среди жителей страны вновь пробудятся революционные настроения. Мировоззренческие расхождения между властью и обществом вовсе не обеспечивали роста таких настроений, потому что несмотря на холодное отношение людей к коммунистической идеологии некоторые ее черты (прежде всего пропаганда равенства) импонировали трудящимся мас-

сам, а кроме того власть была легитимна еще и с экономической точки зрения. Поэтому даже мощные выступления рабочих в декабре 1970 г. хотя и ослабили режим, не увеличили силы правых. Надо сказать, что последние пробовали воспользоваться этими событиями. Так, например, участники гданьской антикоммунистической группы «Движение молодой Польши» и харцеры из дружины «Черная единица» распространяли листовки солидарности с забастовщиками, а К. Глоговский создал 31 декабря 1970 г. в Лодзи Объединение гражданской инициативы как структуру гражданского общества, противостоящую государству¹⁸⁵. Но в принципе «национальные патриоты» остались на обочине движения протеста.

Примечания

¹ *Łętowski M.* Ruch i koło poselskie ZNAK. 1957–1976. Katowice, 1998. S. 39, 41; *Zabłocki J.* “Lewicowa” skaza “Tygodnika Powszechnego” // *Arcana* (Kraków). 1999, № 6. S. 99.

² Rozmowa ze Stefanem Kisielewskim // *Tygodnik Powszechny*. 1972, № 14.

³ *Stomma S.* “Pozytywizm” od strony moralnej // *Tygodnik Powszechny*. 1957, № 15.

⁴ Rozmowa ze Stefanem Kisielewskim // *Tygodnik Powszechny*, 1972, № 14.

⁵ *Zabłocki J.* Op. cit. S. 96–99.

⁶ *Piwowarczyk J.* Pozytywizm czy realizm // *Tygodnik Powszechny*, 1957, № 17.

⁷ *Zabłocki J.* Personalizm mounicrowski a polski “katolicyzm otwarty” // *Więź* 1963, № 3. S. 31.

⁸ *Łętowski M.* Op. cit. S. 41, 59, 91.

⁹ Ibid. S. 92; *Zabłocki J.* Personalizm... S. 35–36.

¹⁰ *Auleytner W.* Klub warszawski w roku 1957–1958 // *Więź*, 1958, № 8. S. 109.

¹¹ *Kisielewski S.* ...pan chce naprawić błędy systemu? // *Tygodnik Powszechny*, 1961, № 43.

¹² Речь С. Стоммы в Сейме 21 декабря 1960 г. См.: *Łętowski M.* Op. cit. S. 104.

¹³ *Friszke A.* Oaza na Kopernika. Klub inteligencji katolickiej. 1956–1989. Warszawa, 1997. S. 52–53.

¹⁴ Rozmowa z przewodniczącym koła poselskiego “ZNAK” dr Stanisławem Stommą // *Więź*, 1959, № 2. S. 29.

¹⁵ Dyskusja o roli klubów... S. 20.

¹⁶ См.: *Friszke A.* Koio posiw “Znak” w Sejmie PRL 1957–1976. Warszawa, 2002. S. 7.

¹⁷ *Gołubiew A.* Dlaczego bierzemy udział w sprawach politycznych? // Tygodnik Powszechny, 1957, № 2; Rozmowa ze Stefanem Kisielewskim... S. 32.

¹⁸ Цит. по: *Łętowski M.* Op. cit. S. 64.

¹⁹ *Stomma S.* Dostęp do Polski współczesnej // Przegląd Kulturalny, 1957, № 7; *tenże.* Replika // Nowa Kultura, 1957, № 14.

²⁰ *Gołubiew A.* Op. cit.; *Kisielewski S.* Czy istnieje Front Narodowy? // Nowa Kultura, 1956, № 47; Pazdziernik i Styczeń // Tygodnik Powszechny, 1957, № 5. Примечательно, что проводником руководящей роли партии светские католики, равно как и работники советского посольства, считали Сейм. См. высказывание К. Лубеньского: Rozmowy z kandydatami na posłów // Tygodnik Powszechny, 1969, № 21; АВП РФ. Ф. 122. Оп. 42. П. 152. Д. 720/8. Л. 41–42: информационная записка советского посольства для ЦК КПСС от 31.03.60.

²¹ См.: *Friszke A.* Koło... S. 7.

²² Pazdziernik i Styczeń...

²³ *Zastępca lektora.* Z prasy // Przegląd Kulturalny, 1961, № 31.

²⁴ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 42. П. 152. Д. 720/8. Л. 72–75.

²⁵ Там же, л. 33–34.

²⁶ ААН. ПЗРР КС 237/XVIII–180. S. 30–35, 139–140.

²⁷ ААН. ПЗРР КС 237/XVIII–281. S. 5–6; ААН. ПЗРР КС. Wydział Kultury. 237/ XVIII–291. S. 18–23.

²⁸ АИПН MSW П 2930. К. 73–75.

²⁹ *Łętowski M.* Op. cit. S. 106–107.

³⁰ Interpelacja Koła Posłów “Znak” do ministra spraw zagranicznych z 8 czerwca 1967 r. w związku z reakcją rządu PRL na wojnę na Bliskim Wschodzie // *Friszke A.* Koło... S. 475–477.

³¹ Interpelacja Koła Posłów “Znak” do премьера z 11 marca 1968 r. w związku z wystąpieniami studenckimi i brutalną interwencją milicji i ОРМО // *Friszke A.* Koło... S. 488–489.

³² АИПН 0746/6. К. 4–5; *Eisler J.* Polski rok... S. 201–202.

³³ АИПН MSW DSA АК/146. К. 1–7.

³⁴ *Friszke A.* Oaza... S. 101.

³⁵ List Jerzego Zawiejskiego do W. Gomułki // Listy... S. 265–266.

³⁶ Rozmowy z kandydatami na posłów // Tygodnik Powszechny, 1969, № 20.

³⁷ Об этом еще в 1976 г. С. Стomma писал министру Г. Яблоньскому (*Friszke A.* Koło... S. 582–585).

³⁸ *Michnik A.* Szanse polskiej demokracji. Londyn, 1984. S. 77. Статья «Новый эволюционизм».

³⁹ Rozmowa z przewodniczącym koła poselskiego “Znak” dr Stanisławem Stomma // *Więź*, 1959, № 2. S. 29.

⁴⁰ *Zabłocki J.* Personalizm... S. 35–48; *Mazowiecki T.* Dlaczego personalizm? // *Więź*, 1958, № 1.

⁴¹ *Zabłocki J.* Personalizm... S. 40.

⁴² List "Frondy" do Komitetu Centralnego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej z dnia 14 sierpnia 1955 r.; List "Frondy" do Komitetu Centralnego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej z 14 października 1955 r. // *Przetakiewicz Z.* Od ONR-u do PAX-u. Warszawa, 1994. S. 109, 112, 114, 122.

⁴³ *Bakinowski S., Buchała R., Drozdek Z., Mazowiecki T., Myślik T., Rutkiewicz I., Zabłocki J.* Wielkie sprzeniewierzenie // *Po prostu*, 1956, а 46.

⁴⁴ См.: *Łętowski M.* Op. cit. S. 69.

⁴⁵ *Przetakiewicz Z.* Op. cit. S. 118.

⁴⁶ *Myślik T.* Gdyby można było krzyżeć! // *Tygodnik Powszechny*. 1957, № 23.

⁴⁷ *Przetakiewicz Z.* Op. cit. S. 125.

⁴⁸ *Friszke A.* Oaza na Kopernika... S. 34–35.

⁴⁹ *Łętowski M.* Op. cit. S. 69, 48.

⁵⁰ Rozdroża i wartości // *Więź*, 1958, № 1.

⁵¹ *Zabłocki J.* Drogi demokratyzacji // *Więź*, 1958, № 1. S. 41.

⁵² *Przetakiewicz Z.* Op. cit. S. 118, 122.

⁵³ *Eska J.* O kierunek katolickiej formacji intelektualnej // *Więź*, 1958, № 5. S. 19.

⁵⁴ *Zabłocki J.* Drogi demokratyzacji... S. 48.

⁵⁵ AIPN 648/159 t.2. K. 35.

⁵⁶ Ibid. K. 100–103.

⁵⁷ *Mazowiecki T., Wielowieyski A.* Otwarcie na Wschód // *Więź*, 1963, № 11–12; *Zabłocki J.* Kościół i demokracja // *Tygodnik Powszechny*, 1968, № 4; *Micewski A.* Otwartość a lewicowość // *Więź*, 1963, № 2; *Idem.* Jeszcze o lewicy // *Więź*, 1963, № 7–8.

⁵⁸ *Mazowiecki T.* Przemówienie sejmowe // *Tygodnik Powszechny*, 1961, № 31.

⁵⁹ *Friszke A.* Oaza... S. 91–100.

⁶⁰ Rozmowy z kandydatami na posłów // *Tygodnik Powszechny*, 1969, № 21.

⁶¹ *Friszke A.* Oaza... S. 113–114.

⁶² Rozmowy z kandydatami na posłów // *Tygodnik Powszechny*, 1969, № 21.

⁶³ *Friszke A.* Oaza... S. 38–39.

⁶⁴ AIPN 0648/117 t. 2. K. 59–63.

⁶⁵ AIPN 0648/123 t. 2. K. 2.

⁶⁶ Ibid. K. 28–31.

⁶⁷ AIPN 0365/9 t. 2. K. 3.

⁶⁸ AAN. PZPR KC 237/XVIII–225. S. 31–34.

- ⁶⁹ *Friszke A. Oaza... S. 62.*
- ⁷⁰ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 747. Д. 1383. Л. 374; оп. 39. П. 140. Д. 728. Л. 10–12.
- ⁷¹ *Friszke A. Opozycja... S. 82–83.*
- ⁷² АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 747. Д. 1383. Л. 364–366; Оп. 38. П. 127. Д. 170. Л. 55–59; *Ambroziewicz J., Olszewski J. Exodus czy emigracja // Po prostu, 1957, № 12; Bogusławski A., Wolny B. Nie bądźmy jezuitami // Przegląd Kulturalny, 1957, № 14; Turowicz J. Antysemityzm...; Woroszyński W. Ludzie, idee, zdarzenia // Nowa Kultura, 1957, № 2; Mandalian A. "...Jak kto nieświadomy to od razu kanalia" // Nowa Kultura, 1957, № 2.*
- ⁷³ IPN BU. K d/s BP 6. S. 11.
- ⁷⁴ *Wirpsza W. Jaki jest sens emigracji // Kultura (Paryż), 1975, № 7.*
- ⁷⁵ *Zaryń J. Dzieje kościoła katolickiego w Polsce (1944–1989). Warszawa, 2003. S. 240; Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce (1945–1989). Kraków, 2003. S. 227–228.*
- ⁷⁶ См.: *Zaremba M. Komunizm... S. 305.*
- ⁷⁷ АІРН MSW D S-A AK 150. K. 19.
- ⁷⁸ Цит. по: АВП РФ. Ф. 122. Оп. 40. П. 145. Д. 720. Л. 34.
- ⁷⁹ АІРН MSW D S-A AK 150. K. 18.
- ⁸⁰ Ibid. K. 28.
- ⁸¹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 40. П. 145. Д. 720. Л. 34–35.
- ⁸² АІРН MSW D S-A AK 150. K. 24–25.
- ⁸³ АІРН 0296/161 т. 6. К. 10–11, 14–15, 42–44; АІРН MSW D S-A AK/150. K. 4.
- ⁸⁴ АІРН 0296/161 т. 6. К. 11–13.
- ⁸⁵ АІРН MSW D S-A AK/150. K. 31–60; Informacja, dotycząca Związku Młodych Demokratów. 23.2.57. S. 2–4.
- ⁸⁶ АІРН 0296/161 т. 6. К. 36–38.
- ⁸⁷ Ibid. K. 43.
- ⁸⁸ АІРН 0296/161 т. 6. К. 95.
- ⁸⁹ АІРН 0364/377 т. 4. К. 12–20.
- ⁹⁰ *Brzostek B. Wiesław Chrzanowski // Opozycja w PRL. Słownik... T. 1. S. 57–59; Muszyński J. W. Przemysław Górný // Opozycja w PRL. Słownik... T. 2. S. 103–104.*
- ⁹¹ АІРН 0364/377 т. 4. К. 14–19.
- ⁹² АІРН 0208/593 т. 2. К. 248.
- ⁹³ Ibid. K. 306.
- ⁹⁴ *Pleśniar A. Karol Głogowski // Opozycja w PRL... T. 1. S. 102–103.*
- ⁹⁵ АІРН 0296/93 т. 2. К. 2–3.
- ⁹⁶ Ibid. K. 4–68.
- ⁹⁷ АІРН MSW II 3745. K. 119.

- ⁹⁸ *Pleśniar A.* Karol Głogowski // *Opozycja w PRL...* T. 1. S. 102.
- ⁹⁹ *Niesiołowski S.* Organizacja "Ruch" // *Więź*, 1990, № 1. S. 95.
- ¹⁰⁰ *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce. 1956–1976. Wybór dokumentów. Warszawa, 1991. S. 351.
- ¹⁰¹ *Hemmerling Z., Nadolski M.* Op. cit. S. 356.
- ¹⁰² *Ibid.* s. 352–353; *Niesiołowski S.* Op. cit. S. 95.
- ¹⁰³ *Byszewski P.* Konspiracyjna organizacja "Ruch" // *Glaukopis*, 2003, № 1. S. 75.
- ¹⁰⁴ *Niesiołowski S.* Op. cit. S. 100.
- ¹⁰⁵ *Hemmerling Z., Nadolski M.* Op. cit. S. 362–366.
- ¹⁰⁶ *Friszke A.* Opozycja... S. 261.
- ¹⁰⁷ Цит. по: *Byszewski P.* Konspiracyjna organizacja... S. 79.
- ¹⁰⁸ Это слова одного из участников группы, Яцека Березина. См.: *Berezin Jacek* // *Opozycja w PRL*. T. 2. S. 44–46.
- ¹⁰⁹ *Niesiołowski S.* Op. cit. S. 106–107.
- ¹¹⁰ *Byszewski P.* Konspiracyjna organizacja "Ruch" // *Glaukopis*, 2003, № 1. S. 98.
- ¹¹¹ AAN. PZPR KC 237/XVIII–161. S. 2.
- ¹¹² *Byszewski P.* Op. cit. S. 91.
- ¹¹³ *Byszewski P.* Op. cit. S. 93.
- ¹¹⁴ AAN. PZPR KC 237/XVIII–161. S. 1–13.
- ¹¹⁵ 12 procesów młodzieżowych // *Kultura (Paryż)*, 1966, № 9. S. 69–70.
- ¹¹⁶ *Walczak J.* Ruch studencki w Polsce. 1944–1984. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1990. S. 184–185.
- ¹¹⁷ *Toeplitz K. T.* Zdziwienie nad Polską // *Przegląd Kulturalny*, 1962, № 28.
- ¹¹⁸ Цит. по: АВП РФ. Ф. 122. Оп. 41. П. 147. Д. 170. Л. 19–20.
- ¹¹⁹ AIPN K d/s BP 6. K. 6–7.
- ¹²⁰ AIPN K d/s BP 11. K. 9.
- ¹²¹ AIPN 0236/175 t. 2. K. 402.
- ¹²² *Ibid.* K. 26.
- ¹²³ *Ceranka P.* (Nie)zapomniany Klub Krzywego Koła (в личном архиве автора). S. 3; AIPN 0236/175 t. 2. K. 265.
- ¹²⁴ *Jedlicki W.* Klub Krzywego Koła. Paryż, 1963. S. 79–80.
- ¹²⁵ *Mieroszewski J.* Polityczne neurozy. Wybor. Warszawa, 1984. S. 8–10; *tenże.* Ewolucjonizm... S. 8, 22–27, 33, 49.
- ¹²⁶ *Ceranka P.* Sprawa o kryptonimie "Kwadrat" (в личном архиве автора). S. 3.
- ¹²⁷ AIPN 01334/371. K. 49–57.

- 128 Ibid. k. 51; *Opozycja w PRL...* T. 2. S. 314–315.
- 129 AIPN 0236/175 t. 2. K. 38.
- 130 AIPN 0236/175 t. 3. K. 22–23.
- 131 Ibid. K. 29–30.
- 132 *Ceranka P.* Sprawa o kryptonimie “Kwadrat”... S. 2.
- 133 *Ceranka P.* Zamknięcie Klubu Krzywego Koła... S. 2.
- 134 AIPN 0236/175 t. 3. K. 66.
- 135 AIPN 0236/175 t. 3. K. 76.
- 136 Ibid. K. 33.
- 137 Ibid. K. 82.
- 138 Ibid. K. 93.
- 139 Ibid. K. 104.
- 140 Ibid. K. 116–129.
- 141 Ibid. K. 141.
- 142 AIPN 02961/172 t. 6. K. 17–18; AIPN 0236/175 t. 2. K. 175–179.
- 143 AIPN 0296/172 t. 9. K. 50.
- 144 AIPN 0365/9 t. 2. K. 1–10; *Eisler J.* Polski rok... S. 144.
- 145 AIPN 0365/9 t. 2. K. 20.
- 146 *Jedlicki W.* Chamy i żydy // *Kultura (Paryż)*, 1962, № 12. S. 23.
- 147 Ibid. S. 41.
- 148 AIPN 0365/9 t. 2. K. 44–45.
- 149 Ibid. K. 44.
- 150 Ibid. K. 39.
- 151 Цит. по: *Ceranka P.* Historia pewnego artykułu (в личном архиве автора). S. 14.
- 152 *Jedlicki W.* Glossa autorska do “Chamów i żydów” // *Kultura (Paryż)*, 1963, № 3; *tenże.* Narodowy liberalizm // *Kultura (Paryż)*, 1963, № 5.
- 153 AIPN 0204/1421 t. 8. K. 23.
- 154 AIPN 0365/32 t. 2. K. 2.
- 155 Ibid. K. 3–6.
- 156 Ibid. K. 29.
- 157 AIPN 0204/1421 t. 8. K. 24.
- 158 AIPN 0365/32 t. 2. K. 53.
- 159 AIPN 0236/175 t. 2. K. 415.
- 160 Ibid. K. 417.

- ¹⁶¹ Ibid. K. 417; AAN PZPR KC 237/XVIII-291. S. 3–4.
- ¹⁶² AAN. PZPR KC 237/XVIII–291. S. 1–2.
- ¹⁶³ AIPN 0365/32 t. 2. K. 54.
- ¹⁶⁴ Ibid.
- ¹⁶⁵ AAN. PZPR KC 237/XVIII–267. S. 87–98; *Gaston de Gerizay [S. Cat-Mackiewicz]. Trzy zagadki sprawy Wańkowicza // Kultura (Paryż), 1965, № 1–2; Eisler J. Polski rok... S. 146–147.*
- ¹⁶⁶ AIPN 0236/175 t. 2. K. 406.
- ¹⁶⁷ AIPN 0365/32 t. 2. K. 111–113.
- ¹⁶⁸ AAN. PZPR KC 237/XVIII–267. S. 118–129.
- ¹⁶⁹ AIPN 0365/9 t. 2. K. 54.
- ¹⁷⁰ AIPN 0236/175 t. 2. K. 414.
- ¹⁷¹ AIPN 0365/32 t. 2. K. 93.
- ¹⁷² Ibid. K. 88–109; AIPN 0365/9 t. 2. K. 231–233; AIPN 0365/106 t. 1. K. 8–15.
- ¹⁷³ AAN PZPR KC 237/XVIII–267. S. 133.
- ¹⁷⁴ AIPN 0365/106 t. 1. K. 1–10.
- ¹⁷⁵ AAN PZPR KC 237/XVIII–267. S. 134–140.
- ¹⁷⁶ *Eisler J. Polski rok... S. 147–148.*
- ¹⁷⁷ AIPN 0236/175 t. 2. K. 408.
- ¹⁷⁸ *Eisler J. Polski rok... K. 183.*
- ¹⁷⁹ Przemówienie I Sekretarza PZPR Wł. Gomułki na spotkaniu z partyjnym aktywem stolicy // *Słowo Powszechne*, 03.20.68.
- ¹⁸⁰ *Szpotkański J. Cisi i Gęgacze czyli Bał u Prezydenta // Kultura (Paryż), 1968, № 3.*
- ¹⁸¹ AIPN 0746/8. K. 3; *Eisler J. Polski rok... S. 200.*
- ¹⁸² AIPN 0365/32 t. 2. K. 56.
- ¹⁸³ *Eisler J. Polski rok... S. 212–218; Przemówienie I Sekretarza PZPR Wł. Gomułki na spotkaniu z partyjnym aktywem stolicy // Słowo Powszechne*, 03.20.68.
- ¹⁸⁴ *Eisler J. Polski rok... S. 215–217.*
- ¹⁸⁵ *Muller A. Geneza powstania Ruchu Młodej Polski (1969–1979) // Studia i materiały... S. 66; Friszke A. Opozycja... S. 306; Pleśniar A. Op. cit. S. 102.*

Глава четвертая

Эволюция оппозиционных течений в декабре 1970 – июне 1976 годов

1. Внутренняя политика нового руководства страны: изменения и преемственность

12 декабря 1970 г. польское радио сообщило решение Политбюро ЦК ПОРП и правительства ПНР о грядущем резком повышении цен на продукты первой необходимости. Это вызвало волну забастовок, которая охватила крупнейшие индустриальные центры Побережья. Рабочие организовывали манифестации протеста, поджигали здания горкомов ПОРП. Специальные отряды милиции, призванные бороться со стихийным протестом масс, оказались не в состоянии справиться с волнениями, и тогда в некоторые города были введены войска. В условиях обостряющегося социального кризиса часть партийной верхушки выступила с предложением отставки В. Гомулки с поста первого секретаря ЦК ПОРП. На VII пленуме ЦК, собравшемся 20 декабря, это предложение было принято, и В. Гомулку на посту партийного лидера сменил первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Катовицах Э. Герек. На следующий день в отставку подал премьер-министр Ю. Циранкевич. Его место занял секретарь ЦК, председатель Комитета по экономике Совета министров П. Ярошевич. Своих постов лишились также З. Клишко, И. Лёга-Совиньский, Р. Стшелцкий и др.

Волнения декабря 1970 – января 1971 года вспыхнули в регионе, где рабочие были наиболее оппозиционно настроены по отношению к политике правительства. Уже во время студенческих выступлений 1968 г. немало рабочих Поморья поддержали забастовщиков. Обращает на себя внимание тот факт, что участники выступлений декабря 1970 г. не использовали религиозной символики. Это разительно отличало их от забастовщиков 1980–1981 годов, которые широко прибегали к различного рода иконам, крестам, мессам и т. д. По моему мнению, это указывает на то, что рабочие 1970 г. не воспринимали еще свой протест как борьбу под национально-патриотическими лозунгами. Их движение имело сугубо экономический характер и, несмотря на проявления антисоветских и антикоммунистических настроений, главным требованием забастовщиков было улучшение материального положения рабочих¹.

Поскольку волнения на Побережье были стихийной реакцией на резкое повышение цен, произведенное в преддверии рождественских праздников, преобладающим требованием рабочих являлась отмена новых цен, а также наказание виновных в «ошибках» в экономической политике. Как следствие выступлений возникли требования осудить действия милиции, освободить арестованных и рассказать правду о событиях на Побережье. И лишь после этого участники акций протеста потребовали юридически закрепленного права на забастовки, независимости профсоюзов и ряда политических реформ, включающих четкое разграничение функций партии и правительства, и расширение полномочий Сейма. Вместе с тем знаменательна чрезвычайно быстрая эволюция требований рабочих, которые заявили о необходимости политических реформ уже через несколько дней после начала акций протеста. Это было связано с тем, что почти одновременно с началом выступлений в промышленных центрах стали создаваться забастовочные комитеты, которые довольно скоро ввели движение в организованное русло. Факт появления таких комитетов был новым явлением в истории Народной Польши. В состав комитетов как правило входили рядовые рабочие, в том числе члены ПОРП. Последнее обстоятельство, однако, не помешало Щецинскому забастовочному комитету на судовой верфи им. Варского потребовать формирования беспартийного руководства профсоюзной организации. Из Гданьского забастовочного комитета на судовой верфи им. Ленина члены ПОРП были исключены, так как рабочие потеряли доверие к партии после расстрела манифестации протестующих. Последний забастовочный комитет, возникший в Щецине в январе 1971 г., состоял уже из одних беспартийных и требовал переизбрания не только профсоюзного руководства, но также всей верхушки ПОРП, молодежных организаций и рабочих советов. Беспрецедентным явлением в истории ПНР стало и подписание согласительного документа между местными властями и забастовщиками в Гдыне 15 декабря 1970 г. Он касался уровня зарплат рабочих, инженеров и дирекции предприятий, но не затрагивал политических вопросов². Другим новшеством стали встречи первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека и членов высшего партийно-государственного руководства с участниками событий на Побережье. Я. Куронь объяснял это тем, что после волнений декабря 1970 г. партаппарат стал опасаться общественных выступлений и предпочитал договариваться, а не прибегать к насилию³. Представляется, однако, что причина такого поведения руководства заключалась не только в этом. Конечно, зимние волнения показали силу рабочих и заставили правящую элиту более внимательно относиться к интересам народа. Но, по свидетельству З. Баумана, власть и при Гомулке боялась рабочих «как огня», и даже не решалась уволить кого-либо с работы «из страха перед забастовками и ор-

ганизованным протестом»⁴. В январе 1971 г. партийно-административный аппарат скорее испытывал острую потребность заручиться поддержкой и доверием народа. В этом смысле Э. Герек действовал точно так же, как В. Гомулка в 1956 г., когда первый секретарь должен был выступать на массовых митингах, хотя и без того располагал большой поддержкой народа. В 1970 г. очередной партийный лидер должен был завоевать расположение масс. Отсюда и вопрос Герек к рабочим во время одной из встреч в январе 1971 г.: «Поможете?», на что рабочие якобы (по утверждению официальной пропаганды) ответили: «Поможем!», дав тем самым карт-бланш новому руководству страны⁵.

Последнее сделало ставку на рост благосостояния народа, рассчитывая, что увеличение потребительских возможностей приведет к возрастанию спроса, что в свою очередь подстегнет дальнейшее наращивание экономического потенциала страны. На бытовом уровне это породило потребительскую лихорадку. «Страна вступала в период герековского благополучия, основанного на приливе западных кредитов, – вспоминал Я. Куронь. – Люди говорили главным образом о телевизорах, раковинах, мебельных стенках, спальнях гарнитурах, дачах, машинах – догоняли Запад»⁶. Другим характерным признаком начала 1970-х годов была пропаганда ударного труда, несколько напоминавшая период 6-летнего плана. Однако подход правящей элиты к вопросу промышленного развития радикально отличался от подхода команды Б. Берута. Если в конце 1940-х – начале 1950-х годов промышленное развитие рассматривалось как необходимая база для победы над капитализмом в борьбе двух систем, то теперь оно обосновывалось интересами польского государства, а именно стремлением превратить его в современную страну по образцу Запада. Это означало, что теперь уже не люди должны были жертвовать всем ради промышленного развития и грядущей победы мирового коммунизма, но сама промышленность была направлена на удовлетворение народных нужд. Политическая активность общества снизилась до минимума. В то же время и правящая элита на волне экономических успехов начала 1970-х годов перестала заострять внимание на идеях коммунизма, низведя официальную идеологию до уровня ритуала, к которому уже никто не мог относиться серьезно⁷. Это дало повод С. Киселевскому назвать Польшу Герек «коммунистической страной без марксистов и коммунистических идеологов». Киселевский видел объяснение этому факту в том, что в стране практически не осталось евреев – подлинных носителей марксистской традиции в послевоенной Польше. Евреи либо эмигрировали, либо отказались от марксистских убеждений, и теперь их сменили прагматики-технократы, поставившие во главу угла интересы экономического роста⁸. Действительно, никогда в истории Народной Польши имущественное расслоение между чиновничеством и основной массой населения

не бросалось так в глаза, как в тот период. Иначе говоря, правящая элита фактически отказалась даже от внешних форм следования своей идеологии.

Правящая верхушка теперь стремилась подчеркнуть единство польского народа, независимо от политических и идеологических убеждений разных его групп. Началось сближение с эмиграцией, уменьшился пыл нападок на довоенную Польшу, в большем количестве стали вовлекать беспартийных в работу профсоюзов и рабочих советов, но одновременно с этим произошла частичная реабилитация сталинизма⁹. Можно сказать, что первый секретарь ПОРП преобразовался из коммунистического вождя, руководившего процессом строительства социализма, в общенационального лидера, заботящегося о покое и достатке населения. Образ этот, обращающийся одновременно к традиции Пилсудского и Сталина, был свидетельством метаморфозы политической системы Народной Польши. Правящая элита начала даже использовать фразы, сильно напоминавшие риторику пилсудчиков, эндеков и ПАКСа: о самоценности государства, о том, что любовь к отчизне полнее всего проявляется в соответствующем отношении к власти и т. д.¹⁰

Вместе с тем репрессии против оппозиции не прекратились. Однако в данном случае речь шла уже не об идеологических расхождениях. После того, как правящий режим и оппозиция левого толка отказались от марксистской фразеологии, остался лишь вопрос о власти. В этих условиях правящая элита должна была укрепить свое положение, заменив роль марксистской идеологии иными средствами, которые позволили бы ей заручиться поддержкой народа и одновременно не оказаться скомпрометированной в глазах советского руководства. Этими средствами стали: рост благосостояния населения на основе экономического роста (который власти рассчитывали стимулировать с помощью западных кредитов) и всякого рода подтверждения своей верности Москве. Польский исследователь М. Гендек объясняет уступчивость Э. Герека в отношении Советского Союза тем, что первый секретарь ЦК ПОРП не имел сильной поддержки в партаппарате и поэтому старался опереться на Москву¹¹. Думается, однако, что причина этого заключалась в стремлении Герека и его окружения доказать Москве, что несмотря на усиливающуюся зависимость ПНР от промышленно развитых экономик Запада, страна намерена и впредь ориентироваться в своей внешней политике на союз с СССР. В то же время, нарастающее тяготение польской экономики к западным кредитам вынуждало власти отказываться от жестких репрессивных мер по отношению к оппозиции, которые могли бы подорвать доверие к правящему режиму в ПНР со стороны кредиторов. Отбрасывая идеологию в качестве рычага воздействия на общественное сознание, власть создавала опасную для себя ситуацию, поскольку люди, утратив революционный энтузиазм, повышали свои

материальные запросы и не оглядывались больше на различного рода идеологические построения (об этом еще в 1961 г. предупреждал публицист «Тыгодника повсехного» К. Козловский¹²).

В начале 1970-х годов польское руководство добилось заметных успехов во взаимоотношениях с католической церковью. Власть смягчила налоговую политику и официально передала церкви бывшую немецкую церковную собственность на западных землях, и без того находившуюся уже в руках польского епископата. В 1972 г. папа римский пошел навстречу многолетним просьбам Варшавы, установив постоянную церковную администрацию на западных землях, ввиду ратификации договора между ФРГ и Польшей, а в 1974 г. были налажены рабочие контакты между польским государством и Ватиканом. Конфликт между государством и церковью перешел в скрытую форму. Власть теперь предпочитала не доводить дело до явных столкновений, вместо этого она старалась играть на внутренних противоречиях среди духовенства, в случае же разногласий с епископатом пыталась добиваться своего путем переговоров и уступок. Эта практика сразу после декабрьских волнений 1970 г. была встречена в церковных кругах призывами к верующим как можно скорее добиваться от власти разрешений на постройку новых культовых зданий, пока та не успела утвердиться¹³.

Определенные шаги были сделаны и в сторону демократизации партийной жизни. Во время VI съезда ПОРП в декабре 1971 г. заранее был опубликован текст отчетного доклада ЦК, а на пленарных и секционных заседаниях съезда происходили открытые дискуссии. Все это являлось попыткой сделать партийный аппарат более прозрачным и открытым для общества.

Отношение партийного и государственного руководства к интеллигенции и католической церкви в целом было двояким. Кратко его можно охарактеризовать как «политика кнута и пряника». С одной стороны власть пошла на уступки интеллигенции, требовавшей большей свободы, и обратила внимание на тяжелое материальное положение творческих сообществ¹⁴. Правящая элита вообще предпочитала в начале 70-х гг. не спускать сверху готовые решения, но объяснять разным общественным группам, чего она от них ожидает¹⁵. Об этом с удовлетворением писал С. Стомма на страницах католической прессы¹⁶.

С другой стороны, принципиальный подход властей к демократическим свободам и участникам оппозиционных движений не изменился. Члены «Руха», которые попали в тюрьму еще при Гомулке, не только не дождались амнистии, но в 1971 г., несмотря на акции протеста, организованные рядом деятелей оппозиции, получили необычно суровые приговоры. В том же году были осуждены к тюремному заключению журналист В. Зембиньский и бывший

заместитель представителя эмигрантского правительства в Польше А. Пайдак. Им вменялись в вину публичные заявления, что восточная граница государства должна пролежать по линии 1939 г., и что Польша не является суверенной страной¹⁷. Тогда же был разогнан популярный молодежный клуб «Сборище бродяг», организованный в 1969 г. харцерскими активистами А. Мацеревицем, В. Оньшкевичем, М. Бараньским, П. Наимским и Я. Киёвским¹⁸. Позже к смертной казни был приговорен один из братьев Ковальчиков, готовивших покушение на Э. Герека (другой брат получил пожизненное заключение).

В писательском сообществе власть, как и раньше, ставила на «проверенных товарищей» и не собиралась договариваться о чем-то с представителями «литературной оппозиции». В Отделе культуры ЦК даже появилась идея создания некоей новой «интеллектуальной элиты» для противодействия творческой оппозиции¹⁹.

Общее отношение к церкви, несмотря на определенную «оттепель», тоже не подверглось существенным изменениям. Методы борьбы остались те же, изменилась лишь цель: вместо подчинения режиму власть настаивала теперь на лояльном отношении к законам Народной Польши и фактически на непротодействии государственной пропаганде²⁰. Даже установление взаимоотношений с Ватиканом, как и в гомулковский период, рассматривалось в качестве средства ослабления польского епископата, поскольку правящая элита надеялась, что папа римский будет оказывать давление на примаса в интересах власти, а кроме того, уже сама перспектива диалога представителей государства с Ватиканом должна была расколоть церковных иерархов²¹.

После декабрьских событий 1970 г. и VII пленума ЦК ПОРП начался новый этап истории Народной Польши, хотя партийно-государственный аппарат остался прежним. Разумеется, он немного омолодился (ушло поколение, начавшее свою деятельность во время войны, а пришли люди из «поколения СПИМ»²²), но не рассматривал себя при этом как противоположность гомулковской бюрократии, скорее наоборот. Пресмственность наблюдалась во всем: от фразеологии и стиля работы до подхода к основополагающим политическим вопросам. Руководство Управления по делам вероисповеданий, бывшее главным орудием режима в борьбе с церковью, вообще не подверглось изменениям и характеризовало в 1971 г. свою прошедшую деятельность, используя определение «наши действия». Отдел ЦК по вопросам пропаганды, прессы и издательств, несмотря на пренебрежительное отношение герекской элиты к проблеме марксистской агитации, как и раньше причислял христианскую идеологию к главным угрозам социализму, причем в качестве примера наступления этой идеологии указывал на то, что пресса ПАКСа приравнивала католицизм по ценности к марксистской мысли²³.

Правящий режим не менее, чем при Гомулке, был заинтересован в сохранении существующего положения вещей. Но в силу того, что марксистская идеология уже не играла той роли, что прежде, речь шла лишь о сохранении старой общественно-политической системы и удержании власти в руках существующего чиновничьего аппарата.

2. Вызревание демократической оппозиции

К началу 1970-х годов границы между традиционными течениями политической оппозиции начали размываться. Одно из этих течений – «ревизионистское» – фактически прекратило свое существование. Его участники пережили сложные идейные трансформации, все более отдаляясь от марксизма.

Показателем степени разочарования левой интеллигенции Польши в марксизме могут служить работы Л. Колаковского, созданные им в начале 1970-х годов. Рассуждая о философском обосновании марксистской концепции, Л. Колаковский пришел к выводу, что черты деспотизма, направленного на подавление гражданского общества, заложены в теории К. Маркса изначально, поэтому коммунистический тоталитаризм был не одним из возможных путей реализации данной теории, но единственным способом воплощения в жизнь идей марксизма. Л. Колаковский объяснял это тем, что К. Маркс стремился к осуществлению невыполнимой задачи: ликвидировать разрыв между политической и общественной сферами жизни людей, добившись тем самым восстановления совершенного единства человеческой личности (единства личной и общественной жизни), что, по мнению К. Маркса, характеризовало первобытного человека. Таким образом должен был исчезнуть источник конфликтов между людьми, коренящийся в классовом делении общества. Споря с Марксом, Колаковский говорил, что во-первых, это должно подразумевать неслыханную моральную революцию, ожидать которой нет никаких оснований. Во-вторых, нельзя сводить все конфликты между членами общества к классовым противоречиям, ибо это слишком однобоко. Именно последнее обстоятельство, по утверждению Колаковского, привело к тому, что марксисты «обожествовали» административные методы преобразования общества и перевоспитания человека, что решительным образом скомпрометировало все социалистические направления мысли. Наконец, в-третьих, когда «совершенное единство» навязывается сверху, результат оказывается обратным тому, который задумывался, поскольку власть в этом случае «почти механически вынуждена разрушать все стихийные формы экономической, политической и культурной жизни и, таким образом, углублять трещину между гражданским и политическим обществами, вместо того, чтобы делать их ближе друг к другу». «Если спросить, – резюмировал польский философ, – был ли

этот вывод как-либо отражен в ранней марксистской мысли, ответ будет безусловно, “нет”, если “отражен” означает “подразумевался”. Все свидетельствует о том, что первоначальное намерение было противоположным тому, что из него в итоге получилось. Однако и это первоначальное намерение не было столь уж невинным. Едва ли оно могло быть применено к жизни в принципиально иной форме. Не потому, что вмешались какие-то случайные исторические обстоятельства, а в силу самой своей природы». Свои антикоммунистические убеждения Колаковский демонстрировал и в политической публицистике. Примером может служить довольно едкая статья в парижской «Культуре», приуроченная к встрече президента США Д. Форда с Л. И. Брежневым. Написанная в жанре альтернативной истории, статья представляет картину мира, который мог бы получиться, если бы победу во Второй мировой войне одержала Германия. Проводя параллели между коммунистами и фашистами, философ с нескрываемым ехидством перечислил успехи нацистов в экономике, которые явились следствием установления «нового порядка» в Европе, и выразил «удовлетворение» по поводу политики «разрядки» в отношениях между «Третьим Рейхом» и США (намекая на «разрядку» между советским блоком и НАТО в начале 1970-х годов). Автор воздал хвалу американским историкам, которые «наконец-то» разъединили фашизм и гитлеризм и тем самым признали «дегитлеризацию нацизма», осуществленную лидерами победившего Третьего Рейха после смерти А. Гитлера в 1953 г. (явно имея в виду десталинизацию коммунистической доктрины, о которой с удовлетворением писали американские историки)²⁴.

Пример Л. Колаковского показателен. Подобную идейную эволюцию проделали и многие другие марксисты Польши, которые теперь осуждали не только методы построения социалистического строя в Польше, но и саму попытку построения этого строя в его марксистском истолковании. Вместе с тем, критику марксизма было бы неправильно в данном случае отождествлять с осуждением социализма как такового. Скорее, бывшие «ревизионисты» развели понятия марксизма и социализма, и самоопределились в начале 1970-х годов как сторонники социал-демократии западного типа. Тот же Колаковский еще в середине 1970-х годов выражал убеждение, что если бы не интервенция стран Организации Варшавского договора в 1968 г., реформаторское движение в Чехословакии успешно бы развивалось и привело к построению «социализма с человеческим лицом» без разрушения основ строя, т. е. исчезла бы диктатура компартии и возникла многопартийная система²⁵. На философском уровне это проявилось, например, в словах Л. Колаковского, что социалистическая мысль, сосредоточенная на своих традиционных темах (обеспечение трудовому народу равенства, благосостояния, безопасности, справедли-

ности, свободы и участия в решении экономических вопросов) не должна «увлекаться перспективами совершенного единства общественной жизни», как это было свойственно марксизму, поскольку подобные увлечения подрывают на корню стремление социалистов к облегчению участи трудящихся²⁶.

Расставшись с коммунистической доктриной, бывшие «ревизионисты» ощущали потребность найти новые организационные формы своего движения и определить свои идейные позиции. Ранее идейными и организационными основами «ревизионизма» были марксизм и партия. Вне зависимости от того, как прокоммунистическая оппозиция относилась к руководству ПОРП, сама идея партии служила для нее осью, вокруг которой собственно и существовала оппозиция. После отказа от марксизма место прежней идеологии начала занимать религия, первоначально – как неосознанное стремление найти такую систему ценностей, с помощью которой можно было бы легально и эффективно противостоять линии партии и правительства, затем – как сознательный выбор идеи, сыгравшей огромную роль в борьбе польского народа за независимость. Именно в конце 1960-х – начале 1970-х годов начинается сотрудничество бывших «ревизионистов» (В. Ворошильского, Я. Закшевской, Я. Стшелецкого, Е. Едлицкого, А. Михника, М. Круля) с «Тыгодником повсехным» и «Вензью». Одновременно на Западе в своей эмигрантской публицистике Л. Колаковский проводил мысль, что религия – это один из немногих гарантов устойчивости культуры и норм межчеловеческих взаимоотношений²⁷.

Обращаясь к христианству, бывшие «ревизионисты» первоначально подчеркивали не сотрудничество с церковью, а ценность гуманистических и социальных идей Нового Завета. Я. Куронь, взаимодействуя с епископатом в 1970-е годы, отвергал учение церкви о греховной сущности человека, утверждая, что люди обречены творить зло лишь в силу порочного общественного устройства, однако с этим надо бороться, а не мириться²⁸. Это расхождение имело принципиальное значение, поскольку именно смирение бывшие «ревизионисты», следуя традиционной для левой интеллигенции Польши этике сопротивления насилию и несправедливости, ставили в упрек католикам и епископату. Как опровержение этих заявлений в 1971 г. появилась на свет книга одного из участников движения «Знак» Б. Цивиньского «Родословные непокорных». Автор книги утверждал, что этика бунта содержится в постулатах религии, хотя и проявляется обычно вне связи с верой, поскольку бунт общественный часто ведет к бунту метафизическому и это вынуждает христианскую философию не заострять внимание на противоречиях. Именно это видимое неприятие церковью радикальных мер и породило, по словам Цивиньского, противостояние «прогрессивной» интеллигенции и «консервативного» епископата, характеризующее, например, польское общество второй

половины XIX – начала XX веков, где гуманизм непокорных постепенно оформился в атеистические, или, по крайней мере, внецерковные формы. Причем, христианская церковь во все времена только усугубляла этот разрыв, ибо, будучи отстранена от власти (как это было на польских землях в тот период), она становилась в оппозицию к власти, но не признавала других оппозиционных центров, стремясь отождествить себя со всем обществом. Такое положение Б. Цивиньский назвал «юлиановской церковью», проводя параллели со временем Юлиана Отступника, когда власть начала борьбу с христианской религией, уже завоевавшей господствующее положение в Римской империи. «Юлианизм» рождается там, где власть отходит от прежней, «константиновской» модели, т. е. от союза трона и алтаря. «Константиновская церковь» имеет привилегированное положение, однако не всегда может сохранить свой моральный авторитет, ибо последний нередко дискредитируется участием церкви в политической власти. В свою очередь «юлиановская церковь», хотя и с легкостью поддерживает на высоте свой моральный престиж, в то же время навязывает всему обществу собственный взгляд на вещи, желая противопоставить народ власти и вернуться в положение «константиновской церкви»²⁹. Выход из порочного круга виделся Б. Цивиньскому в обращении церкви к нерелигиозной по своей сути добродетели солидарности как лежащей в основе этоса бунта, и отвержении «константиновской» модели. Именно таким образом католическая церковь сумеет преодолеть недоверие либеральной интеллигенции и укрепить свое положение в современной индустриальной цивилизации.

Книга Б. Цивиньского произвела фурор в образованных кругах польского общества, причем на разных мировоззренческих флангах. Я. Куронь говорил, что сразу воспринял «Родословные непокорных» как «протянутую к нам руку», ибо увидел в книге прежде всего акцент на принципы, которые роднят глубоко верующих людей и атеистов: «непокорность, постулаты жертвенности, служения и борьбы»³⁰. Б. Цивиньский также заявлял, что свой труд он адресовал главным образом читателям из среды светской атеистической интеллигенции, имея в виду прежде всего бывших «ревизионистов»³¹. А. Михник, используя терминологию Б. Цивиньского, говорил, что «левые» (под которыми он подразумевал бывших «ревизионистов») боялись именно «юлиановской» политики церкви, почему всегда относились к епископату с неприкрытой враждебностью³².

В этом обмене мнениями знаменательно то, что оба течения независимой мысли Польши, пост-«ревизионистское» и «знаковское», фактически определяли себя в 1971 г. как политическую оппозицию (ибо в ином случае теряют смысл сами рассуждения о «юлиановской» церкви). Таким образом, идеоло-

гически «Родословные непокорных» окончательно утвердили, пусть и в завуалированном виде, существование в ПНР оппозиции правящему режиму и выдвинули возможную платформу объединения обоих направлений в единое оппозиционное движение.

Подтверждением того, что в период написания своей книги Б. Цивиньский мыслил уже категориями оппозиции и борьбы за влияние на общество, явились его дальнейшие рассуждения о перспективах деятельности церкви и всего католичества в Польше. В том же 1971 г. он призвал активизировать работу церковных школ и обратить особое внимание в просветительской деятельности на атеистов, пассивно верующих и молодежь, которая подвержена мощному влиянию дехристианизации. Не должно быть никакого снисхождения, говорил Б. Цивиньский, этическому приспособленчеству, ибо «с точки зрения моральной перестройки польского католицизма согласие на церковную деморализацию и этическое равнодушие поляка-католика означает саботаж». Подобные призывы справедливо были охарактеризованы одним из публицистов «Тыгодника повшехного» как возврат на позиции католического максимализма, т. е. фактически – как стремление коренным образом изменить всю политику движения «Знак»³³.

Однако позиция Б. Цивиньского была скорее исключением для «Знака», основные участники которого продолжали держаться линии «нового позитивизма». В ряде статей, появившихся в начале 1971 г., они осторожно критиковали предыдущую правящую элиту и предлагали меры по нормализации ситуации в стране. Истоки декабрьского кризиса, говорилось в обращении руководства варшавского клуба католической интеллигенции к Э. Гереку, «заключаются в деформировании общественно-политической структуры в стране, в способе осуществления власти, а также в экономических просчетах государства, вследствие которых, несмотря на известные достижения, были утрачены возможности развития, объективно содержащиеся в социалистическом строе»³⁴. В редакционной статье «Тыгодника повшехного» (январь 1971 г.) говорилось, что причины выступлений коренились в бездействии органов, соединяющих граждан и власть. Рабочие волнения показали, говорилось в статье, что люди не желают быть объектом манипуляций власти³⁵. Другое светское католическое издание, «Вензь», развивая эту мысль, указало на необходимость создания структур, которые юридически бы обеспечили возможность выражать общественный протест³⁶. «Новые позитивисты» оставались при мнении, что фактическая монополия ПОРП на власть – явление неизменное, поскольку руководящая роль партии обеспечивает социалистическое направление развития страны и это обуславливает ее положение в обществе. В этом смысле Польша ничем не отличается от стран Запада, например, от США и Велико-

британии, где существует такая же монополия на власть двух партий, причем монополия эта так же не оговорена в Конституции³⁷. Однако если монополия переходит в диктат на всех уровнях руководства, это нарушает деятельность общественного организма и порождает сопротивление народа, а кроме того, тормозит прогресс. Поэтому следует активнее вовлекать широкие массы народа, особенно беспартийных, в управление (речь шла не о политической власти, но о советах, экономической сфере, общественных и просветительских организациях). В этом смысле Октябрь 1956 г. не оправдал надежд, поскольку не допустил граждан до общественных дел и не привил им таким образом чувства ответственности за судьбу государства. В связи с этим основополагающим фактором демократизации должна была стать широкая автономия общественных организаций, т. е. отказ власти от претензий на руководство всеми без исключения органами общественной жизни, поскольку «достаточно уже зрелое общество удерживается в состоянии какого-то детства»³⁸. Другим обязательным требованием должно быть неукоснительное соблюдение правосудия, ибо власть, которая отступает от буквы закона, «рубит сук, на котором сидит»³⁹. Кроме того, необходимо было усилить роль Сейма в контроле за деятельностью правительства, а в экономической области – насытить потребительский рынок и предоставить автономия предприятия, чтобы они могли принимать самостоятельные решения вплоть до объявления себя банкротами⁴⁰.

Участники движения «Знак» приветствовали новый подход власти к решению поставленных проблем, когда людям не навязывались готовые формулы, но предлагалось обсудить вопрос и прийти к соглашению. Таким образом, «Герек приобрел кредит доверия, а мы – надежду», говорил С. Стомма⁴¹. Главными же нерешенными проблемами, по мнению «новых позитивистов», оставалось четкое разграничение полномочий между партийным руководством и государственной властью, между центральным и местным управлением, вопрос о роли рабочих советов в организации производства, отношения государства с католической церковью, контроль за деятельностью органов власти и права граждан. Все это следовало оговорить в новой Конституции, за разработку которой взялось новое руководство⁴². В то же время редколлегия «Тыгодника повшехного» заявляла, что ни в коем случае не должны подвергаться сомнению некоторые «постоянные элементы существования нации»: руководящая роль компартии (именно так названа ПОРП в редакционной статье «Тыгодника повшехного»), союз с СССР, принадлежность к социалистическому блоку, общественная собственность на средства промышленного производства⁴³. С. Стомма писал в связи с этим: «У нас невозможна буржуазная демократия, основанная на гармонии и равенстве противоположных фак-

торов, ибо нашей государственной жизнью руководит решающая политическая сила, а экономика обобществлена и централизована»⁴⁴.

Иначе говоря, «новые позитивисты» оставались верны своим принципам, сформулированным в середине 1950-х годов: неприятие любых революционных преобразований, поскольку они чреватые серьезными социальными потрясениями, и ориентация Польши на Советский Союз как противовес германскому реваншизму.

Единственное, что в тот момент вызвало возмущение у движения «Знак», было вхождение Б. Пясецкого в состав Госсовета. «Назначение Болеслава Пясецкого членом Государственного совета участниками “Знака” и ХОТ (Христианского общественного товарищества. – В. В.) расценивается негативно... – доносили сотрудники МВД в июне 1971 г. – Повсеместно распространено убеждение, что Пясецкий использует свой новый пост для дальнейшего организационного развития ПАКСа и его политической активизации»⁴⁵. С другой стороны, один из лидеров «Знака» К. Лубеньский стал тогда же заместителем председателя Общепольского комитета Фронта национального единства, что несколько уравнило неприятное впечатление от внезапного повышения в ранге лидера ПАКСа.

Вернулся к активной публицистической деятельности С. Киселевский. «В силу того, что Киселевский снова печатается в “Тыгоднике”, это издание везде читают, так что его стало трудно достать в киосках, – доносило МВД. – Это человек безвредный, хотя и пользующийся огромной популярностью среди реакционной части общества. Он неопасен, поскольку не способен собрать вокруг себя какой-либо группы людей, как, например, Анджей Велёвейский в клубе католической интеллигенции»⁴⁶.

По мнению А. Фришке, нормализация отношений между церковью и государством, произошедшая в 1971 г., привела к тому, что теряло смысл дальнейшее существование движения «Знак» как течения, отражающего интересы католической интеллигенции перед атеистическим государством, поскольку таким образом сводилась к минимуму роль клубов католической интеллигенции как посредников между людьми разных мировоззрений⁴⁷. В этих условиях светские католики выдвинули две концепции деятельности «Знака». Первая заключалась в дальнейшем вовлечении движения «Знак» в официальные структуры с целью способствовать оживлению деятельности всех представительских органов, от местных советов до Сейма. Сторонники этой программы исходили из того, что католические клубы – это объединения граждан, и они должны принимать участие в политической сфере жизни общества как выразители общественного мнения. Приверженцами этой концепции были В. Аулейтнер, Я. Заблоцкий, К. Лубеньский и др. – те, кого власти считали

представителями левой тенденции в движении и на сотрудничество с которыми особенно рассчитывали.

Другую программу выдвинул А. Велёвейский. Он справедливо считал, что само по себе движение «Знак» имеет небольшое влияние, поскольку мало участвует в мероприятиях, организуемых церковью и Люблинским католическим университетом. Независимое общественное мнение широких масс светских католиков в Польше только формируется, отставая от аналогичных процессов на Западе лет на десять—двадцать, говорил он. Поэтому приоритетным направлением деятельности католических клубов должно стать более тесное сотрудничество с церковью и работа среди «молодой технократической общности», тяготеющей к ценностям культурной открытости и гуманизма. Другими словами, предлагалось сделать упор на культурно-просветительскую деятельность за счет уменьшения участия в работе органов власти⁴⁸. Программа А. Велёвейского представляла собой естественный выход для клубов католической интеллигенции ввиду исчезновения напряженности в отношениях между католической церковью и государством.

В этих условиях единственной сферой, где еще могли пригодиться услуги католических клубов в качестве посредников между представителями различных мировоззрений, были взаимоотношения католиков и «внешнего мира» (т. е. не католической общности). Именно в эту область и предлагал направить основные усилия А. Велёвейский. Обратной стороной такого шага неизбежно должно было стать ослабление политической активности движения «Знак» и превращение его в замкнутое сообщество, неуязвимое для воздействия со стороны власти. Против такой перспективы выступило «левое» крыло движения, к которому принадлежали главным образом люди, ранее связанные с ПАКСом, и привыкшие тесно увязывать общественную деятельность с политической. «Велёвейский... остро критикует Аулейтнера за то, что тот пытается направить деятельность Клуба в политическое русло, вместо того, чтобы придать ей воспитательный характер, — доносила Служба безопасности в феврале 1971 г. — При этом он использует аргументы вроде следующих: “Ты должен, наконец, выбрать — либо политика, либо воспитание. Я выбрал воспитание. Воспитание, понимаемое как привитие навыков политического протеста. А ты, провозглашая лозунги воспитания, толкаешь клуб в омут политической борьбы, борьбы с фракцией “Знак”, борьбы за депутатский мандат для себя...”»⁴⁹. В конце концов возобладали сторонники программы А. Велёвейского, к числу которых относилось как подавляющее большинство «новых позитивистов» (С. Киселевский, С. Стомма, Е. Турович, Я. Возняковский и др.), так и молодежь, группировавшаяся в основном в секции культуры, а также главный редактор «Вензи» Т. Мазовецкий. Таким образом,

споры о программе действий, происходившие в 1971–1972 годах, знаменовали очередной этап в расхождении двух течений в движении «Знак»: политическое и общественного. Первое все сильнее сливалось с властью, второе – дистанцировалось от нее, что делало окончательный раскол почти неизбежным.

Попытались вновь заявить о себе и наследники Партии труда. На собрании варшавского клуба католической интеллигенции 24 марта 1971 г. с критикой концепции Велёвейского выступил К. Студентович. Он, в частности, заявил следующее: «По поводу политической деятельности католиков определенную инициативу проявила группа бывших деятелей Партии труда, требуя восстановления этой партии. Ответ был: вступайте в Демократическую партию. Это выход, если католики действительно включатся в работу. Тогда партия быстро оказалась бы во власти хадецких идей... Группа ПТ–Попеля действовала в верном направлении, и этот пример пусть станет образцом для Клуба, который должен существовать в качестве учреждения *par excellence* политического с тем, чтобы сторонники ориентации на воспитание тоже нашли в ней свое место. Речь идет о том, чтобы католики имели возможность заниматься политической деятельностью, поскольку польский социализм должен быть христианским социализмом»⁵⁰.

В апреле 1971 г. К. Студентович направил краковскому архиепископу К. Войтыле две пространные заметки, в которых высказывался за политическую активизацию клубов католической интеллигенции. Среди прочего, там было сказано: «Подобно государству, церковь тоже должна располагать соответствующими гарантиями соблюдения условий двустороннего соглашения [от декабря 1956 г.], к которым относится, среди прочего, наличие независимого от правящей партии политического представительства католиков, действующего в рамках национальных интересов...»⁵¹. Однако ни К. Войтыла, ни примас С. Вышиньский не одобряли подобных призывов. На встрече с правлением варшавского клуба католической интеллигенции 6 марта 1971 г. примас заявил: «Общественная наука церкви требует пересмотра. Следует отделить политику от общественной этики католицизма. Это значит, что общественная этика может и должна воплощаться через воспитание, но не должна принимать политического облика (то есть следует отмежеваться от хадецкой традиции)»⁵². Позиция С. Вышиньского была понятна. Если бы церковь оказала поддержку идеям христианских демократов, это навлекло бы на нее новые репрессии со стороны правящей партии, которая увидела бы в этом угрозу своей монополии на власть.

Однако церковь не собиралась отказываться от самого принципа противостояния с атеистической идеологией марксизма. Ярким показателем этого явилось развертывание «оазисного» движения, которое было организовано

иерархией с целью воспитания детей в духе католицизма. Летние католические лагеря для детей и подростков («оазисы») начали возникать еще в конце 1950-х годов, однако наибольший размах приобрели именно при Э. Гереке. Их инициатор ксендз Ф. Бляхницкий рассматривал католические просветительские организации прежде всего как деятельность, направленную на освобождение Польши от коммунистов и Советского Союза⁵³.

Другим показателем было превращение костелов в начале 1970-х годов в место собраний деятелей оппозиции – как правого, так и левого толка, из-за чего руководство страны даже вынуждено было ввести в новый административный кодекс запрет на любые собрания в храмах, кроме имеющих непосредственное отношение к службам (фракция «Знак» голосовала против этой поправки).

Таким образом, в начале 1970-х годов, наряду с резкой активизацией деятельности католических структур, происходило возрастание привлекательности идей католицизма, так что христианство фактически занимало те позиции, которые уже неспособна была защищать официальная идеология. Церковь же превращалась в место притяжения всех противников режима, независимо от их идейных установок.

Платформу объединения усилий левых и епископата сформулировал А. Михник в книге «Церковь-левые: диалог», написанной весной-летом 1976 г. По его мнению, основой для сближения левой оппозиции и католической церкви должна быть концепция прав человека как антитеза тоталитаризма, защищающая личность перед всевластием государства. При этом левые должны были, наконец, пересмотреть свое отношение к верующим, ибо «только уважая чужую веру, мы сможем требовать уважения к своему неверию». «Политический долг левых, – говорил А. Михник, – состоит в том, чтобы защищать свободу Церкви и гражданские права христиан совершенно независимо от того, что думаем мы о роли Церкви 40 лет назад и о возможной ее роли через 40 лет»⁵⁴. Права человека должны быть для всех, иначе их нет ни для кого. Автор книги обращал внимание на то, что польский епископат не раз выступал против репрессивных мер государства, вставая на защиту основополагающих ценностей человеческого бытия, однако всегда наталкивался на глухую враждебность левых, которые считали церковь воплощением реакции. Но в начале 1970-х годов левая демократическая оппозиция признала, что если «до войны Церковь была реакционной, а коммунизм проповедовал прогрессивные идеи, то теперь – наоборот»⁵⁵. Конфликт между церковью и государством, по мнению А. Михника, был вызван полным отсутствием гражданских свобод в стране. Нельзя преследовать людей за религиозные убеждения,

ибо, если вера не всегда ведет к добру, то репрессии против верующих всегда ведут ко злу. Таким образом, говорил А. Михник, необходимыми условиями для налаживания сотрудничества между лево-демократической оппозицией и церковью должны быть: со стороны левых – отказ от «политического атеизма» и понимание специфики религиозных задач, к которым призвана церковь; а со стороны епископата – самокритичность, терпимость, защита личности, критика тоталитаризма и «любовь как революционно-критический принцип». «Нынешняя близость Церкви и прогрессивной некатолической мысли, – резюмировал А. Михник, – рождается не из мировоззренческих концепций, а скорее, из усилившегося чувства ответственности за человечество, само существование которого поставлено под угрозу».

Невзирая на свой отход от коммунизма, А. Михник продолжал декларировать приверженность идеям социализма и неприятие капитализма⁵⁶. И именно этим критическим отношением к капитализму привлекала его, среди прочего, позиция примаса С. Вышиньского. В проповеди, произнесенной в 1974 г., кардинал говорил: «Боюсь, чтобы не возродился у нас дух капитализма, чтобы демократическое устройство не управлялось капиталистическим духом, ибо тогда человек был бы низведен до положения робота и оценивался лишь с точки зрения его производственных способностей»⁵⁷. При этом А. Михник не разделял неприязненного отношения примаса к бунтарским молодежным течениям на Западе. Кардинал С. Вышиньский характеризовал их как анархию, огульное ниспровергательство без созидательной программы и каприз народов, не знающих, куда девать время и деньги. Он открыто заявлял о том, что следует поддерживать те учреждения социалистического государства, которые противостоят анархистским тенденциям, и что говорить следует не только о правах граждан, но и об их обязанностях по отношению к государству⁵⁸. Молодежный бунт, возражал на это А. Михник, – явление сложное, имеющее как положительные (борьба с потребительской цивилизацией) так и отрицательные (бессмысленное разрушение) стороны. Однако куда больше «распущенности» бунтарей следовало, по его мнению, опасаться официального пуританства, ибо «худшее зло, чем длинные волосы – государственный приказ остригать их»⁵⁹.

В начале 1970-х годов в Польше на время замерла писательская «фронта». Записки и другие документы Отдела культуры ЦК этого периода проникнуты осторожным оптимизмом. В информации от января 1972 г., посвященной выборам на очередной съезд СПЛ, отмечено, что ни на одном из предвыборных собраний не зафиксировано оппозиционных выступлений. Единственная попытка «антипартийной акции в старом стиле» – «Письмо 17-ти» литерато-

ров по поводу дела «Руха». Подавляющее большинство делегатов съезда составили члены ПОРП и сочувствующие, что явилось следствием «удачных мероприятий» первичных парторганизаций, как с удовлетворением отмечали авторы записки⁶⁰.

Съезд СПЛ, собравшийся в Лодзи в феврале 1972 г., прошел настолько спокойно, что вызвал даже удивление у работников ЦК ПОРП. Большинство выступавших соглашались, что после отставки В. Гомулки политика в области культуры изменилась в лучшую сторону. Оппозиция почти не проявляла себя. Некоторые ее представители пытались настоять на отмене репрессивных поправок в устав организации, принятых на съезде в Быдгощи в 1969 г., но не преуспели в этом. А. Слонимский заявил, что отказывается от счетов за прошлое, а гданьский писатель Л. Бондковский, известный своей неконформистской позицией, во всеуслышанье заявил, что необходимо поддерживать линию дружбы и сотрудничества с СССР. Представители оппозиции А. Браун, З. Херберт, А. Киёвский и М. Яструн впервые за несколько лет попали в состав правления. Анализируя результаты этого съезда на страницах западногерманской газеты «Die Zeit», В. Вирпша (живший с 1970 г. в Западном Берлине) обращал внимание на то, что вопреки традиции никто из делегатов не поднимал в речах общественной проблематики. Писатели больше не находятся под давлением репрессий, — констатировал он, — но цензура действует как прежде. Представители оппозиции попадают в руководящие органы писательской организации, а драконовские ограничения устава не отменяются. Если взять шире, то можно заметить, что и рабочие, арестованные зимой 1970 г., по-прежнему сидят в заключении, так же, как и члены «Руха». «Одни — во тьме, другие — на свету; сдается мне, что свет и мрак просто еще не разъединены: это время до сотворения мира», — писал Вирпша, размышляя о противоречиях первых лет «правления» Герека⁶¹. Писатель имел в виду, что новое Политбюро ЦК ПОРП еще не определилось в своей политике и действует методом проб и ошибок, нащупывая оптимальную линию поведения во взаимоотношениях с обществом.

На отчетно-выборном собрании варшавского отделения СПЛ 11 апреля 1972 г. правление подверглось критике за то, что цепляется в своей деятельности за антидемократические формы руководства и не реагирует на перемены, произошедшие в декабре 1970 г. А. Киёвский выступил за восстановление доброго имени П. Ясеницы, Е. Завейского и С. Киселевского и потребовал вмешательства Главного правления в этот вопрос⁶². Критические выпады в адрес правления продолжились на отчетно-выборном собрании первичной парторганизации варшавского отделения СПЛ в октябре 1972 г. С большой речью там выступил К. Козьневский, который потребовал перевыборов исполкома и передачи власти «новым людям». Он заявил, что те методы, которыми пер-

вичная парторганизация навязывает руководящую роль ПОРП, недопустимы, ибо противоречат уставу (имелось в виду расширение состава Квалификационной комиссии СПЛ за счет нескольких членов партии). В том же духе высказался и Р. Матушевский. На пленуме Главного правления СПЛ 20 октября 1972 г. было зачитано обращение Е. Анджеевского, А. Слонимского и Т. Конвицкого к членам правления, чтобы они выступили с ходатайством о снисхождении к братьям Ковальчикам, обвинявшимся в покушении на Э. Герека, но широкого обсуждения это обращение не получило. Все эти проявления «нелояльности» не слишком взволновали писательское сообщество. Отдел культуры ЦК с удовлетворением отмечал, что литераторы в целом не склонны к «фрондированию»: во-первых, существенно улучшилось их материальное положение, а во-вторых, хороший резонанс вызвали встречи писателей с представителями партийного руководства (Ю. Тейхмой, М. Ягельским, Я. Шидляком)⁶³. В столь же спокойном ключе прошел и съезд делегатов Союза художников Польши, хотя там поднимались вопросы тяжелой материальной ситуации среди мастеров изобразительных искусств⁶⁴. Творческая интеллигенция пребывала в ожидании и надеялась на лучшее.

Репрессии конца 1960-х годов и уничтожение вузовской автономии привели к тому, что значительно снизилась и политическая активность польского студенчества. Отмеченное явление повлияло на характер исторических источников, отразивших настроения польской молодежи того времени. В прессе и служебных материалах государственных органов молодежи уделялось существенно меньше внимания. Некоторое представление о мировоззренческих установках студентов можно составить на основе реакции учащихся вузов на программу властей по объединению всех молодежных организаций страны, обнародованную в декабре 1971 г. на VI съезде ПОРП. В целом эта акция не вызвала широкого резонанса в молодежной среде, хотя была по сути направлена на воссоздание организации по типу Союза польской молодежи. Активное сопротивление ограничилось деятельностью отдельных немногочисленных групп студентов (наиболее известные – в Варшавском университете и Люблинском католическом университете) и собраниями, которые далеко не достигли уровня студенческих выступлений марта 1968 г.

Однако даже в тех немногих документах, которые остались после данной кампании, можно заметить одну деталь, которая в корне отличала студенческие требования 1972 г. от программ четырехлетней давности. В резолюциях и протестах студентов образца 1972 г. полностью отсутствовали ссылки на социализм и апеллирование к правящей партии. В своем обосновании протеста студенты обращались уже не к официальной идеологии, а к постулату корпоративной независимости. Авторы одной из наиболее известных программ,

распространявшейся в Варшавском университете в конце 1972 г., К. Белиньский и С. Краевский, требовали создать независимый профсоюз студентов, утверждая, что даже Союз польских студентов после событий 1968 г. стремительно теряет свое значение, а создание в этих условиях единой молодежной организации означает окончательную «тотализацию» молодежного движения⁶⁵. В связи с этим говорилось об отходе от «последекабрьской политики, понимаемой как повышение роли профсоюзов и их независимости, а также создание ситуации, при которой принадлежность к политической организации не будет связана с привилегиями»⁶⁶. Студенты требовали открытого обсуждения правительственной программы как обязательного условия реорганизации молодежного движения.

Критика деятельности Союза польских студентов, а также альтернативные программы преобразований в этой организации, выдвигавшиеся студентами, в целом совпадали с аналогичными предложениями и высказываниями молодежных деятелей в 1956 г. Единственным, но основополагающим различием, было уже упоминавшееся отсутствие ссылок на ценности социализма. В связи с этим студенческие программы 1972 г. ограничивались лишь конкретными предложениями по организационному реформированию Союза польских студентов, без его структурирования по идеологическому признаку и без охвата всей молодежи, как это было характерно для 1956 г.⁶⁷ Кампания вокруг проекта объединения молодежных организаций может служить еще одним примером изменений в мировоззрении польского общества в начале 1970-х годов.

Оппозиционные сообщества Польши, за редкими исключениями, не отреагировали на рабочие волнения декабря 1970 – января 1971 года. Причину такой пассивности многие польские исследователи усматривают в том, что репрессии 1968–1970 годов устрасили оппозиционную интеллигенцию, многие активные представители которой находились в то время в тюрьмах или выехали за рубеж. Однако, признавая известную справедливость этого, такое объяснение все же нельзя считать достаточным. Репрессии ведь не помешали группе оппозиционеров (Я. Куронь, А. Михник, Э. Липиньский, М. Оссовская, С. Хербст, И. Неверли, А. Слонимский, Е. Анджеевский, В. Бартошевский. Я. Ю. Липский и др.) организовать в 1971–1974 годах кампанию поддержки лиц, проходивших по делу «Руха». Поэтому причину молчания интеллигенции зимой 1970–1971 годов следует искать в отсутствии положительной программы у левой демократической оппозиции, переживавшей расставание с марксизмом, а также в неожиданности самих выступлений, которые в равной степени застали врасплох и В. Гомулку, и оппозицию. Сыграла, видимо, свою роль и мировоззренческая пропасть между рабочими и интеллигенцией, внезапно обнаружившаяся в марте 1968 г., что разрушило один из основопола-

гающих постулатов идеологии левой интеллигенции⁶⁸. Кажется, именно эту пропасть имел в виду А. Киёвский, когда в январе 1971 г. на страницах «Тыгодника повзшехного» обличал общество, в котором разорваны внутренние связи. В качестве примеров он называл оторванность литературы от жизни, писателя от общества. Общественная информированность, утверждал автор, прямо пропорциональна общественному сопереживанию, а кто ничего не знает, тот не сочувствует, и, следовательно, виновен. Виновен в равнодушии⁶⁹. Представляется, что в статье содержалась критика интеллигенции, которая промолчала в момент драматических столкновений рабочих с войсками. Таким образом, левая демократическая оппозиция в начале 1970 г. находилась в состоянии духовной опустошенности, что не позволяло ей не только выступить единым фронтом, но даже сформулировать какую-либо четкую программу.

В 1971 г. Л. Колаковский опубликовал эссе «Тезисы о надежде и безнадежности», в котором попытался нащупать новую платформу для деятельности левой демократической оппозиции в Польше. По мнению философа, причиной пассивности польской интеллигенции (отсутствия оппозиционных выступлений) являлось убеждение в нереформируемости существующей общественно-политической системы. Однако, утверждал Колаковский, такое представление в корне неверно. Во-первых, полученный до сих пор опыт не доказывает безусловной жесткости деспотической модели социализма. Во-вторых, сама по себе жесткость системы отчасти зависит от убеждения людей в ее жесткости. В-третьих, постулат некоторых противников нынешней власти «все или ничего» (т. е. призыв либо бороться за немедленное свержение существующего строя, либо смириться с ним) губителен для оппозиции и вообще характерен для людей, воспитанных в марксистской традиции. В-четвертых, бюрократическо-социалистический деспотизм запутался в противоречивых внутренних тенденциях и это ослабляет его монополию. Кроме того, неуязвимость однопартийной диктатуры подрывается фракционной борьбой в руководстве и сопротивлением общества, которое упорно противится попыткам целиком подчинить его государству. Все это неизбежно ведет к отмиранию системы, признаком чего является идеологическая пустота и меркантилизм правящего аппарата, пришедшего к власти после смерти И. В. Сталина. Попытка «технократического» оздоровления строя приведет лишь к дальнейшему расшатыванию режима, т. к. она осуществима только при условии отказа правящего аппарата от некоторых сфер власти. Поэтому активное сопротивление системе не только возможно, но и необходимо, ибо рано или поздно оно уничтожит диктатуру и создаст условия для построения жизнеспособной социалистической организации, подобно тому, как сопротивление рабочих уравнило те отрицательные черты капитализма, которые вскрыл К. Маркс.

Эссе во многом повторяло положения, которые в свое время высказывал Ю. Мерошевский. Можно даже сказать, что «Тезисы» Л. Колаковского были переработкой «Эволюционизма», адаптированной для новых условий. Если Ю. Мерошевский предлагал в качестве способа давления на власть акции солидарности, основанные на профессиональной общности интересов, то Л. Колаковский выступал за повальный саботаж тех норм поведения в политике, которые установил правящий режим в Польше, ибо «лучшее средство противостоять преследованиям... – массовость “проступков”». Не усиление полицейских репрессий приводит к замиранию оппозиционной деятельности, говорил Л. Колаковский, а отсутствие сопротивления имеет своим результатом разрастание полицейских методов управления. В качестве положительной программы оба публициста выступали за социализм, включающий в себя национальный суверенитет и общественный контроль на средства производства, на распределение национального дохода и за деятельностью государственного аппарата; кроме того – свободу информации и коммуникаций; политический плюрализм; многообразие форм общественной собственности; свободу творческого процесса; уважение к критериям правды, эффективности и общественного интереса⁷⁰.

Л. Колаковский, кажется, был несколько более оптимистичен и радикален в своих предложениях, чем Ю. Мерошевский. Однако с позиций сегодняшнего дня представляется, что в целом «Тезисы» были важны не своим содержанием, в котором не было почти ничего оригинального, а, скорее, в качестве импульса к действию. Большое значение в данном случае имел авторитет Л. Колаковского в обществе и его призыв к борьбе с властью. Ведь Ю. Мерошевский не был в Польше со времен войны и его рассуждения воспринимались многими читателями «Культуры» как довольно абстрактные, в то время как слово Л. Колаковского имело в этом смысле значительный вес.

В данном случае крайне любопытно, что два человека столь различных убеждений и судеб пришли к удивительно схожим выводам, касающимся не только сущности режима Народной Польши, но и стратегии оппозиционной борьбы, а также ее конечной цели. Причиной указанного совпадения, несмотря на изначальные идеологические расхождения Колаковского и Мерошевского, коренящиеся в отношении к коммунизму, была их принадлежность к одному мировоззренческому кругу, отдававшему приоритет ценностям социального устройства общества перед интересами борьбы за национальное утверждение.

Аналогичные взгляды на перспективы оппозиционного движения в начале 1970-х годов в ПНР развивал экономист Я. Древновский, попросивший в 1969 г. политического убежища в Нидерландах. Он полагал, что строй, кото-

рый существует в Польше, не имеет ничего общего с социализмом и не располагает общественной поддержкой. «Советизм», как назвал его Древновский, ведет к постепенному политическому и культурному вырождению народа, остановить которое могут только немедленные политические акции. Сопротивление советизации Польши должно пройти три этапа: 1) оппозиционное движение; 2) движение сопротивления; 3) революционная и национально-освободительная борьба. В настоящий момент (т. е. в начале 1970-х годов) сопротивление находится на первой стадии. Для того чтобы перейти на вторую, необходимо привнести в общество политическую сознательность. Однако это ни в коем случае нельзя делать путем создания оппозиционных организаций, а лишь использовать те методы, которые позволяют условия в каждой данной местности. Кроме того, продолжал Древновский, обязательным условием оппозиционной деятельности на первом этапе является активная позиция оппозиционера, проявляющаяся в абсолютной свободе слова. С этой точки зрения оппозиционером является любой человек, который как-либо противопоставляется сотрудничеству с режимом. Примером такой оппозиционности Я. Древновский называл «органический труд» в Польше XIX в.⁷¹

Последнее утверждение полностью соответствовало взглядам Л. Колаковского на деятельность оппозиции. Однако это не помешало Я. Древновскому выступить с критикой «Тезисов о надежде и безнадежности». Он говорил, что раз нынешний строй в Польше – это не социализм, то и реформировать его нечего, а следует разрушить, освободить страну от иностранного влияния и построить подлинный, демократический социализм. А сделать это может только общественный натиск⁷².

В отличие от Я. Древновского, Л. Колаковский, выступая за слом общественной системы ПНР, акцентировал внимание на экономической и идеологической составляющих режима Народной Польши. Подобно тому, как улучшение положения рабочих в капиталистических странах не повлекло за собой свержения власти буржуазии и радикального изменения политической структуры западного общества, так и в социалистическом лагере, полагал философ, власть вынуждена будет поделиться полномочиями с народом, если только народ будет активно стремиться к этому.

В конце 1974 г. Я. Куронь опубликовал в парижской «Культуре» статью «Политическая оппозиция в Польше», в которой продолжил заочный диспут о тактике оппозиционной деятельности, начатый Л. Колаковским и Я. Древновским. Автор сформулировал два фундаментальных тезиса: правящий в ПНР режим – тоталитарный, стремящийся к «разрушению всех общественных связей, независимо от формальной структуры государственной организации»; Польша – несuverенное государство, «которое не проводит самостоятельной

внешней политики и не может выбирать [общественный] строй». В этих условиях, по мнению Куроня, существование лояльной оппозиции было невозможно, поскольку декларировать свою поддержку системе – значит, участвовать в ее разрушительной работе. Оппозиция, по его словам, должна противостоять моральному и культурному разрушению нации, т. е. проводить просветительскую деятельность, воспитывать в народе чувство терпимости, плюрализм мнений и критическое отношение к действительности. Деятельность оппозиции, заявлял Я. Куронь, была бы невозможна без общественного сопротивления государственному вмешательству, однако это – неосознанное движение и в силу этого оппозицией не является. Требованиям оппозиции удовлетворяют лишь творческая интеллигенция и студенчество, и именно в этой среде рождается оппозиция нового типа, которая отринув ряд предыдущих «заблуждений» и объединяется теперь в единое сообщество под лозунгами прав человека, свободы личности и признания коллективного характера производства. Огромную роль в формировании оппозиции сыграли также католическая церковь, эмиграция и «свободные сообщества», без которых не существовало бы вообще никакой политической оппозиции. Нынешняя оппозиция, говорил Я. Куронь, основывается на решительном неприятии тоталитаризма, те же, кто обрушивается с критикой на частные минусы, поддерживая при этом диктатуру партии, кто утверждает, что раньше было плохо, но теперь все наладилось, не принадлежат к оппозиции, ибо попросту лгут⁷³.

Статья Я. Куроня в целом вписывалась в рамки стратегии оппозиционной борьбы, сформулированной Ю. Мерошевским и Л. Колаковским. Подобно своим предшественникам, он также акцентировал внимание не на открытой борьбе с режимом, которая в Польше того времени была невозможна, а на постоянном давлении на власть со стороны образованных слоев общества. Статья Я. Куроня выглядит как бы дополнением к «Тезисам» Л. Колаковского. Если философ показывал общие перспективы развития социалистической системы в условиях столкновения власти и общества, то Я. Куронь предлагал некоторые направления деятельности оппозиции, основанные на том же столкновении народа с режимом.

Однако статья Я. Куроня подверглась уничтожающей критике со стороны публициста «Культуры», бывшего преподавателя Высшей партийной школы в Варшаве А. Литвина, который назвал ее «соглашательством». А. Литвин заявил, что социализм по своей сути, в силу огосударствления средств производства, тоталитарен, поэтому не может быть никакой оппозиции с опорой на социализм. А. Литвин признавал, что быстрое развитие польской экономики в последние годы несомненно породило «примиренческие» настроения у значительной части населения в отношении господствующей системы, особенно

когда старшее поколение сравнивало его с достижениями довоенной Польши. Однако именно широкие массы, в особенности рабочие, могут явиться и уже не раз являлись двигателем политических перемен. Поэтому оппозиция должна выработать программу действий для всего общества, а не для узких слоев интеллигенции, чтобы в нужный момент быть готовой использовать революционную ситуацию⁷⁴.

Несмотря на внешний радикализм, заметно, что А. Литвин оперировал старыми понятиями, характерными для того же Я. Куроня и других крайних «ревизионистов» начала 1960-х годов. Увязывание недовольства различных социальных слоев политикой правительства с перспективой свержения тоталитарной диктатуры очень ярко выражено, например, в «Открытом письме к партии». Я. Куронь и К. Модзелевский, предсказав социальный взрыв в 1970 г., позже, однако, пришли к выводу, что новый взрыв маловероятен и сам по себе неспособен коренным образом изменить сущность господствующего строя. По их мнению, следовало прежде провести длительную работу, чтобы внедрить в сознание народа убеждение в недопустимости сохранения нынешнего положения, т. е. провести «десоветизацию» общества.

Несколько иной взгляд на проблему «советизации» выразил анонимный житель Польши, отправивший письмо в редакцию «Культуры» в 1975 г. В своем письме автор раскритиковал и статью Я. Куроня, и тезисы А. Литвина. Аноним указывал, что в тоталитарных режимах оппозиция невозможна и в нынешней Польше ее не существует, что бы ни говорил Я. Куронь. Зато существует движение сопротивления, которое отличается от оппозиции тем, что действует невзирая на сомнения в окончательной победе, а также тем, что охватывает весь народ, а не только элиту. И именно это движение и противится советизации, т. е. «абсолютному подчинению всего общества и каждой отдельной личности центральному коммунистическому сообществу, привитию себе советской ментальности, послушания, эгоизма, уничтожению инициативы, свободной мысли, противится советскому новоязу и новой морали, апатии, разрыву естественных связей и т. д.». В качестве примеров движения сопротивления аноним называл нежелание крестьян вступать в объединения государственной кооперации, борьбу церкви против насаждения атеизма, интеллигенции – против огосударствления культуры, молодежи – против «советской серости». Сопротивление, говорил автор послания, это вообще любое несогласие с тем, что навязывается государством, и «Письмо 34», по его словам, тоже было проявлением сопротивления⁷⁵.

Принципиально другую тактику действий в условиях общественной апатии и ослабления оппозиционной активности предложил видный эмигрантский социолог профессор А. Бромке. Его предложения повторяли политиче-

скую программу «новых позитивистов» и являли собой нехарактерный до той поры взгляд эмиграции на польскую действительность. А. Бромке заявил, что главной задачей для поляков в современных условиях является достижение полноценной независимости. Это вполне осуществимо, если неконформистская интеллигенция будет сотрудничать с правительством и не станет вмешиваться во внутренние дела Советского Союза (т. е. перестанет поддерживать оппозицию в СССР). А. Бромке указал на несопоставимость положения в ПНР с положением в советских республиках и на тщетность надежд на помощь Запада, поскольку Польша для США – объект третьестепенный⁷⁶.

Примечательно, что позицию А. Бромке, коренным образом расходящуюся с политической линией любых течений оппозиции, кроме, может быть, движения «Знак», поддержал некий читатель «Культуры» из Польши, который перечислил факторы, приведшие к тому, что подавляющее большинство населения страны, по его словам, разделяет взгляды эмигрантского социолога. К таким факторам относились: 1) отстранение от политической деятельности интеллектуальных групп, связанных со Второй Речью Посполитой; 2) интенсивная 30-летняя коммунистическая пропаганда и снижающееся влияние эмиграции; 3) общественное доверие со стороны больших групп населения к власти и относительное улучшение условий жизни; 4) образование группы интеллигенции, заинтересованной в сохранении существующего положения; 5) официально декларируемое равенство всех граждан и доступность общественных институтов (медицины, высшего образования и т. д.). В этих условиях, резюмировал автор письма, нельзя ставить знак равенства между достижением подлинной демократии и завоеванием независимости⁷⁷.

Несмотря на кажущееся сходство взглядов А. Бромке и Ю. Мерошевского, последний подверг резкой критике предложения социолога и даже от имени редакции «Культуры» отказал ему в праве публиковать свои статьи на страницах парижского журнала. Такая реакция известного публициста неудивительна. Начало открытой дискуссии по поводу изменения отношения эмиграции и внутренней оппозиции к правительству Польши означало бы опасный прецедент, который мог впервые с начала XX века привести к созданию «соглашательского» направления в традиционном (т. е. национально-патриотическом) мировоззрении польской интеллигенции. Эволюционизм, за который выступал Мерошевский, заключался, по его словам, в поддержке всех, кто стремится к демократизации, а эволюционизм А. Бромке – это «союз с тюремщиком в надежде, что тюремщик ослабит режим, как только убедится, что бунт угас». Однако тоталитаризм нельзя насытить, – утверждал Ю. Мерошевский. Демократизация и либерализация всегда начинались благодаря усилиям оппозиционеров, а не консерваторов или лоялистов. Коммунизм, по словам

Мерошевского, страшен не сам по себе, а потому, что это – тоталитаризм, в отношении же к «тоталитаризму недостаточно просто не быть тоталитаристом, нужно быть антитоталитаристом». Следовательно, те, кто не выступают активно против коммунизма, фактически пассивно его поддерживают. Что же касается аргумента А. Бромке, будто, сотрудничая с правительством ПНР, поляки добьются полноценного суверенитета, то на самом деле, как только большинство поляков начнут думать как Бромке, достижение Польшей независимости отодвинется на неопределенный срок, подытоживал Ю. Мерошевский⁷⁸.

Из известных деятелей оппозиции непосредственно против политики «соглашательства» (к которой можно отнести и программу А. Бромке) выступил А. Михник. В нескольких статьях, опубликованных в парижской «Культуре» и «Вензи», он утверждал, что следует бороться за независимость Польши, несмотря на пассивность и равнодушие большей части населения страны. Ожидание же лучших времен ведет лишь к равнодушию, прикрываемому псевдопатриотической риторикой. В связи с этим А. Михник обращался к примеру Ю. Пилсудского, который, по мнению автора, действовал в похожей ситуации и выступал не только против России, но и против значительной части польского общества, против приспособленчества. «Для независимости, – говорил А. Михник, – мало победить Россию, надо, чтобы поляки захотели этой независимости». Наилучшим средством для этого публицист считал подпольную прессу, которая способна пробудить национальный дух и в нужный момент консолидировать общество. Михник повторял старый тезис «командосов» о «патриотизме Жеромского», заявляя, что борьба за независимость должна включать в себя программу общественных преобразований, в то же время избегая как чистого «органического труда», так и призывов к национальному восстанию. Пилсудский, по мнению А. Михника, был ярчайшим представителем такого патриотизма, поскольку стремился ликвидировать пропасть между интеллигенцией и народом, чтобы образованные люди встали во главе рабочего движения.

Подобная апология Ю. Пилсудского была свидетельством коренного пересмотра «ревизионистами» прежних политических взглядов, а в более широком плане – изменения всего мировоззрения, когда идеология революционных общественных преобразований уступила место реформизму и осознанию политической преемственности между довоенной и послевоенной Польшей. А. Михник продемонстрировал это на примере своего отношения к польско-советской войне 1920 г. Если раньше, по его словам, он полагал, будто русская революция начала вырождаться лишь после смерти В. И. Ленина, а в 1920 г. под Варшавой еще бились силы мировой революции и буржуазии, то в начале

1970-х годов. Михник пришел к выводу, что варшавская победа подарила двадцать лет свободной польской мысли, на которую теперь опирались все направления антикоммунистической оппозиции⁷⁹. Я. Куроня писал в 1973 г., что каждое выступление против тоталитаризма является защитой национальных ценностей, а главным врагом в восприятии поляков вольно или невольно является СССР⁸⁰.

Безусловно общим моментом для всех публицистов левой демократической направленности было отчетливое неприятие различного рода ксенофобии и отвержение оппозиции сугубо националистического толка, чья деятельность, по их мнению, только играет на руку власти⁸¹. Даже идейно сближившись с интеллектуальными течениями довоенной Польши, левые продолжали резко отрицательно относиться к любым проявлениям национализма, и прежде всего, к наследию эндеции. А. Михник утверждал, что русофобия и шовинизм ведут только к верноподданничеству, когда защищаются формы, а не содержание польской культуры и национального самосознания. В качестве примеров псевдопатриотизма он называл Р. Дмовского, Б. Пясецкого и М. Мочара⁸². По мнению же Л. Колаковского, «худшая услуга делу польской независимости – упрочение в обществе антирусских штампов», а межнациональная вражда – орудие правящего аппарата⁸³.

Именно это ярко выраженное неприятие крайне правых течений общественной мысли довоенной Польши являлось причиной того, что национально-патриотическая оппозиция всегда относилась с недоверием к деятелям оппозиции социал-демократического толка, видя в их критическом настрое по отношению к эндеции и санации недооценку роли, которую может сыграть постулат независимости в борьбе с режимом Народной Польши. В этом, например, обвинял Я. Куроня и его «партию» Л. Мочульский⁸⁴. Кроме того, представляется, что деятели «национальной» направленности делали больший упор на политическую (в том числе нелегальную) активность, в то время как их оппоненты склонялись к общественной деятельности и строго соблюдали принцип законности. Кажется, именно стремление политически проявить себя приводило некоторых сторонников национально-патриотической оппозиции (К. Глоговский, Р. Шереметев и др.) в ПАКС, организацию, которая отводила весьма существенное место проповеди «патриотизма». Это, в свою очередь, вызывало лишние подозрения у «левых», которые не скрывали своего негативного отношения как к ПАКСу, так и к родственной этой организации фракции «партизан».

Значительная часть национально-патриотической оппозиции стремилась к налаживанию связей с католическим духовенством, видя в нем естественного союзника в деле защиты национального самосознания и суверенитета

страны. Однако политическая линия польского епископата не вполне соответствовала этим чаяниям, поэтому в данном случае можно говорить не об идеологическом воздействии ксендзов на участников оппозиции, а о том, что местное духовенство играло консолидирующую роль, способствуя объединению сторонников национальной борьбы, которые в обычных условиях чувствовали свою изолированность, ощущая себя как бы принадлежащими другому миру⁸⁵.

Примером может послужить Движение молодой Польши. Эта организация возникла как небольшая группа единомышленников на рубеже 1968–1969 годов в Гданьске, но некоторый вес начала приобретает только в 1971 г. после налаживания контакта с популярным среди молодежи доминиканским священником Л. Висьневским. Идейно члены организации опирались на наследие Пилсудского и национальных демократов, однако, по словам лидера группы А. Халля твердо сложившейся идеологии тогда ни у кого еще не было. Общим было неприятие марксизма и опора на некие национальные ценности. В то же время Л. Висьневский, проводивший публичные диспуты в церкви с привлечением учащихся гданьских учебных заведений и деятелей светского католического движения, не касался в дискуссиях политических тем и в своей деятельности больше придерживался общественной доктрины «Знака». Поэтому какого-то идеологического воздействия на участников организации священник не оказал. Тем не менее, именно через католические структуры (ксендзов и «оазисы») группа сумела завязать контакты со многими активными оппозиционерами по всей стране⁸⁶.

Тогда же выявились коренные различия в мировоззрении между гданьской организацией и представителями «левой» оппозиции. По воспоминаниям А. Халля, бывшие «командосы», с которыми члены группы встречались в летнем католическом лагере, смотрели на них несколько свысока, чего нельзя было сказать о представителях традиционной национально-патриотической оппозиции. Не могли принять участники гданьской группы и отрицательного отношения «командосов» к Р. Дмовскому. Хотя эндэция, по утверждению деятелей Движения молодой Польши, отнюдь не являлась для них идеологической осью, они охотно признавали ее частью польской культуры⁸⁷, в то время как многие представители бывших «командосов» с не меньшим желанием вычеркнули бы имя Дмовского из польской истории, видя в нем едва ли не прародителя отечественного тоталитаризма⁸⁸. В то же время А. Халль спорил и с представителями национально-патриотической оппозиции (А. Чумой, Л. Мочульским), выступая против стратегии борьбы, основанной на жестком разделении людей на друзей и врагов. Кроме того, А. Халль, в противоположность большинству деятелей национально-патриотической оппозиции, с ува-

жением относился к светскому католическому движению, и позже отмечал то влияние, которое оказала на него деятельность С. Киселевского и П. Ясеницы. Именно С. Киселевский, по утверждению А. Халля, показал, как можно в полный голос выступать в защиту статуса свободного человека⁸⁹. Для гданьской группы было характерно признание равной ценности как суверенитета государства, так и личной свободы человека.

Исследовательница польской оппозиции Т. Г. Калугина верно указала, что различие между левым и национально-патриотическим течениями политической оппозиции в ПНР заключалась, по большому счету, отнюдь не в конкретных задачах и целях, а лишь в расстановке акцентов. Левые делали упор на завоевании полноценной демократии, правые – на достижении политической независимости⁹⁰. Другими словами, деятели национальной направленности не представляли возможности изменения внутривнутриполитического положения страны без завоевания Польшей полноценной независимости, в то время как «левые» ставили во главу угла подлинную демократизацию, без которой, по их мнению, теряла смысл сама борьба за независимость. Политическое кредо «левой» оппозиции сформулировал в свое время Ю. Мерошевский: «Мы защищаем западную цивилизацию, поскольку считаем, что она воплощает в себе наивысшее достижение человечества. Если бы, однако, коммунистический натиск смог когда-нибудь привести к вырождению основополагающих принципов нашей цивилизации, нам не осталось бы что защищать»⁹¹. Публицист имел в виду, что в борьбе с коммунизмом цель совсем не оправдывает средства, и если для успешного сопротивления данной доктрине возникает необходимость установления диктатуры в странах Запада, то антикоммунизм потеряет актуальность, так как в данном случае это будет уже не борьба за свободу, а противоборство между двумя режимами-близнецами. Так же и «левая» оппозиция 1970-х годов страшилась восстановления независимой Польши в ее санационном или, еще хуже, эндецком вариантах. Эндеция была своеобразным пугалом для социалистической интеллигенции, которое вставало непреодолимой преградой на пути соглашения между правым и левым течениями политической оппозиции в ПНР. Ю. Мерошевский в 1974 г. передавал слова одного поляка среднего возраста из последней волны эмиграции, который говорил, что «если бы Польша завоевала независимость, коммунистическая диктатура очень быстро сменилась бы националистической. Место коммунистов заняли бы неозндек в союзе с Церковью. В итоге независимая Польша была бы так же далека от демократии, как и современная Народная Польша»⁹². Как видим, налицо было непреодолимое расхождение в системе ценностей, которое не смогло ликвидировать даже отчетливое смещение взглядов многих активных представителей левой демократической оппозиции вправо.

Ряд событий, произошедших в начале 1970-х гг. (прежде всего принятие Сеймом крайне непопулярных в интеллигентской среде поправок к конституции), вынудили левую демократическую оппозицию перейти к активным формам борьбы с режимом, создавая, так сказать, единый фронт с национальными патриотами и католической церковью. В своей деятельности на новом этапе объединенная оппозиция опиралась на Заключительный акт Хельсинкского совещания 1975 г.

3. Конституционная кампания

Конституционная кампания сыграла немаловажную роль в оформлении оппозиции в ПНР, поскольку явилась первым после 1968 г. активным выступлением интеллигенции против политики правительства. По сути, это было беспрецедентное для истории ПНР открытое выступление консолидированной оппозиции, которое оказало огромное воздействие на все оппозиционное движение.

Непосредственной причиной протестов интеллигенции и епископата явились три предложенные поправки к Конституции: провозглашение ПОРП руководящей силой польского общества; введение положения о союзе с СССР; увязывание прав человека с выполняемыми им обязанностями. Самым ранним и наиболее известным документом кампании протеста было так называемое «Письмо 59-ти», врученное Э. Липиным маршалу Сейма в начале декабря 1975 г. В письме указывалось, что закрепление в Конституции руководящего статуса ПОРП юридически оформит однопартийную диктатуру, не связанную ни с обществом, ни с органами государственной власти. Подписавшие письмо настаивали на необходимости конституционного гарантирования основных прав человека, апеллируя к Заключительному акту совещания в Хельсинках, который ПНР подписала в 1975 г.⁹³ Как говорил один из инициаторов письма, Я. Куронь, в нем фактически содержалось требование изменения строя и установления в стране парламентской демократии⁹⁴. Под письмом подписались такие известные люди, как С. Киселевский, Л. Колаковский, Я. Карпинский, Я. Ю. Липский, В. Шимборская, А. Слонимский, А. Михник, К. Помян, ксендз Я. Зея, Я. Ю. Щепаньский, Я. Н. Миллер, Я. Куронь и многие другие.

Один из деятелей национально-патриотической оппозиции, журналист еженедельника «Столица» Л. Мочульский, упрекал Куроня в том, что «Письмо» обошло стороной проблему независимости страны. Однако, по мнению Куроня, суверенитет народа подразумевает национальную независимость⁹⁵. Действительно, выступая против изменений в конституции, Я. Куронь, Л. Колаковский и их единомышленники имели в виду не только принцип руководящей роли ПОРП, но и проблему суверенитета страны. Об этом говорит, напри-

мер, выступление Л. Колаковского в конце января 1976 г. в Лондоне на митинге солидарности с кампанией протеста в Польше. В своей речи он заявил, что принятие поправок создаст положение, при котором СССР станет как бы стражем польской конституции, а партия приобретет неограниченные возможности для репрессий и ограничения гражданских свобод. Кроме того, очевидной жертвой поправок будет церковь, что неизбежно скажется на силе сопротивления режиму. Л. Колаковский признавал, что изменения в Конституции по сути ничего не меняют, однако принимать их нельзя, поскольку деспотизм и несuverенность народа не могут быть юридической нормой. Если же эти поправки будут приняты, говорил философ, Конституция ПНР перестанет иметь значение⁹⁶. Другой активный участник различного рода оппозиционных выступлений, А. Слонимский, заявил в интервью французскому журналисту, что принятие проекта изменений в конституции равносильно легализации диктатуры компартии и уничтожению независимой Польши⁹⁷.

Наконец, в январе 1976 г. большая группа интеллектуалов самых различных политических оттенков отправила в чрезвычайную комиссию по подготовке изменений в конституции письмо протеста, в котором речь шла уже только и исключительно о недопустимости юридического закрепления каких-либо внешнеполитических союзов в основном законе ПНР. «Трагический опыт нашего народа, — говорилось в письме, — начиная с Немого сейма 1717 г. и разделов и заканчивая падением государства, не позволяет полякам забывать о предостережениях истории. Этот опыт заставляет нас помнить, что согласие на принятие односторонних гарантий соседней державы касательно внутреннего устройства или внешнеполитических союзов страны было предисловием к тому, чтобы стереть имя Речи Посполитой с политической карты Европы»⁹⁸. Письмо подписали Я. Куронь, Э. Липиньский, Я. Ю. Липский, А. Слонимский, А. Михник, Я. Ольшевский, В. Бартошевский и многие другие.

Конституционная кампания продемонстрировала отсутствие коренных расхождений в целях между разными течениями политической оппозиции. Впоследствии Е. Хольцер напишет: «Разногласия во взглядах не исчезли, но уменьшилось их значение. И что самое главное — эти различия были признаны второстепенными перед лицом единства взглядов по принципиальным вопросам»⁹⁹. Окончательно такое положение оформило принятие Сеймом двух из трех спорных поправок (был снят пункт о зависимости прав человека от его обязанностей), после чего бывшие «ревизионисты» перешли в разряд столь же непримиримой оппозиции, как и деятели национальной направленности. Даже Э. Липиньский, один из немногих представителей левых, кто еще придерживался идеологии коммунизма (хотя и в его западноевропейском истолковании)¹⁰⁰, указывал в открытом письме к Э. Гереку, что в настоящий момент

(т. е. в середине 1970-х годов) в Польше нет более важного вопроса, чем суверенитет страны. Навязывание советского опыта, говорил он, противоречит национальным интересам польского народа¹⁰¹.

А. Мацеревиц, один из организаторов неформального дискуссионного клуба «Сборище бродяг», где выступали многие бывшие «ревизионисты» и деятели светского католического движения, выдвинул в 1976 г. предложение начать открытую оппозиционную борьбу без оглядки на опасность советской интервенции. Легальность, говорил А. Мацеревиц, не имеет значения, так как в социалистической Польше любое действие может оказаться нелегальным. По его мнению, необходимо создавать открытые оппозиционные группировки, которые должны выступить в защиту основных ценностей, прежде всего – свободы человека, а также бороться за создание необходимых условий для реализации этой свободы. Легальные же институты (церковь, клубы католической интеллигенции, университеты) должны выполнять вспомогательную роль по отношению к деятельности оппозиции. В противном случае, предупреждал Мацеревиц, оппозиция утратит связь с обществом и останется замкнутой в себе¹⁰².

Движение «Знак» в начале 1970-х годов также значительно радикализировалось. Усилившееся давление власти на католическую фракцию в Сейме и тенденция к сворачиванию политической активности светских католиков создали парадоксальную ситуацию, когда руководство клубами полностью находилось в руках представителей правого течения «Знака» (сторонников программы А. Велёвейского), а в Сейме в основном было представлено левое течение (приверженцы программы В. Аулейтнера). Подобное положение не могло сохраняться долго, так как фракция «Знак», долженствующая выражать мнение клубов католической интеллигенции, все больше расходилась с большинством членов клубов в своем отношении к политике партии и правительства. Вероятно, сознавая двусмысленность подобного положения, В. Аулейтнер в мае 1973 г. предложил властям создать новое католическое объединение, которое бы воздействовало на епископат, побуждая его к отказу от антисоциалистических позиций и к включению церкви в работу на пользу нового строя. Тогдашнее руководство католических клубов В. Аулейтнер обвинял в сотрудничестве с «ревизионистскими группами» А. Михника, Я. Куроня, К. Модзелевского и др., и в клерикальных тенденциях. Власти не пошли навстречу Аулейтнеру, так как посчитали, что он не имеет достаточно авторитета для создания подобной организации¹⁰³. Вопрос о целесообразности дальнейшего присутствия католических депутатов в Сейме поднимался в апреле 1972 г., когда власти потребовали, чтобы депутат, дольше всех заседавший в парламенте, не выдвигал больше своей кандидатуры на новых выборах (таковым оказался Т. Мазовецкий). В тот момент данный вопрос был решен положительно, хотя в результате из правых в Сейм попал один лишь С. Стомма¹⁰⁴.

Однако нежелание правящих кругов ПНР осуществлять демократические реформы и наметившийся в середине 1970-х годов поворот в сторону ужесточения политического режима вызывали в движении «Знак» все большее разочарование политикой Э. Герека. Уже в 1975 г. публицист «Тыгодника повшехного» К. Козловский на собрании редколлегии еженедельника говорил, что существующий политический строй практически не подвержен демократизации, что власть не нуждается в советах и предложениях, что католические клубы не нужны ей ни как посредники, ни как помощники, а народ утратил связь с традицией¹⁰⁵.

Окончательный отход клубов католической интеллигенции от участия в работе органов власти произошел после принятия поправок к Конституции. Движение «Знак» приняло активное участие в кампании протеста, упирая на недопустимость для верующих введения положения о руководящей роли ПОРП как организации, придерживающейся материалистического мировоззрения. Именно таким было главное требование письма, которое отправили председателю чрезвычайной комиссии по подготовке изменений в конституции Х. Яблоньскому руководители движения «Знак» Б. Цивиньский, Е. Турович, Я. Возняковский, Т. Мазовецкий, А. Голубев и др. в январе 1976 г. Кроме того, в письме содержался пусть осторожный, но довольно внятный протест против введения в Конституцию каких-либо пунктов о внешнеполитических договорах ПНР и указывалось на необходимость более четкого определения прав человека¹⁰⁶.

По иному расставил акценты С. Стомма в своем письме к Х. Яблоньскому, отправленном в конце января 1976 г. Католический депутат также выступал против закрепления руководящей роли ПОРП, однако по совершенно другой причине. По мнению С. Стоммы, принятие данной поправки разрушило бы надежду, что партия идет демократическим курсом, ибо зафиксировало бы на неопределенный срок диктатуру одной партии. В конце письма С. Стомма категорически протестовал против увязывания прав человека с выполняемыми им обязанностями¹⁰⁷. На первый взгляд может показаться, что Стомма руководствовался в своих действиях иными мотивами, нежели правление клубов. Однако это не так. Дело в том, что С. Стомма, будучи лидером фракции «Знак», представлял политическое направление деятельности светских католиков, и в отношениях с властями выступал с политических позиций. Сами же клубы католической интеллигенции были организациями общественными, поэтому выстраивали свою деятельность, исходя из запросов тех общественных групп, чьи интересы они выражали. В силу этого мы можем говорить об участии движения «Знак» в конституционной кампании, как организации, выполнявшей общественные и политические функции.

Выступая против проекта поправок к конституции, руководство движения «Знак» отнюдь не желало вступать в конфликт с властью, однако считало, что молчать в данном случае было нельзя, так как этот вопрос имел большое моральное значение. Т. Мазовецкий называл кампанию вокруг изменений в конституции «порогом, на котором проверялось, кто и как реализует принцип, что содержанием деятельности светских католиков является выражение независимого мнения и убеждение людей, что они имеют право, принадлежащее им по самой человеческой природе»¹⁰⁸.

Введение предложенных поправок коренным образом меняло все существовавшие нормы взаимоотношений между властью и обществом. Изменения в Конституции как бы консервировали на неопределенный срок общественно-политическую систему ПНР, юридически оформляя пределы возможной демократизации и гражданской инициативы. Поэтому против поправок выступили даже некоторые представители левого крыла светского католического движения. Так, К. Лубеньский в речи, произнесенной в Сейме 10 февраля 1976 г., выразил обеспокоенность возможными толкованиями положения о руководящей роли партии и удовлетворение в связи с вычеркиванием из окончательного текста принципа зависимости прав человека от его обязанностей¹⁰⁹. В целом, однако, левое течение движения «Знак» значительно мягче отнеслось к предложенным поправкам, чем основная масса членов клубов католической интеллигенции. Организация Я. Заблоцкого ОДиСС заняла выжидательную позицию, не поддержав изменения, но и не выступив против них¹¹⁰. На итоговом же голосовании по поправкам лишь один депутат Сейма (С. Стомма) предпочел воздержаться, остальные, и в том числе члены фракции «Знак» (К. Лубеньский, Я. Заблоцкий, Т. Мысьлик, В. Аулейтнер), проголосовали «за».

Дальнейшие события (отвод властями кандидатур нескольких представителей правого крыла движения «Знак» для баллотирования в новый состав Сейма и прекращение деятельности фракции «Знак») лишь официально оформили раскол светского католического движения, назревавший с конца 1960-х годов. Подавляющая часть движения «Знак» (клубы католической интеллигенции в Варшаве, Кракове, Вроцлаве и Торуне, «Тыгодник повсехный», «Вензь», журнал и издательство «Знак») прервала политическое сотрудничество с властью. Меньшая часть (ОДиСС и клуб католической интеллигенции в Познани) продолжала официальную политическую деятельность, выступая под старым названием фракции «Знак». Однако разрыв с прежней линией движения «Знак» был очевиден для всех. Таким образом, раскол в «Знаке» ознаменовал перелом во взаимоотношениях власти и светского католического движения, который произошел весной 1976 г.

Конституционная кампания выявила существование двух противоборствующих сторон в политической сфере жизни польского общества: авторитарного государства и демократической оппозиции. Ее организационные формы складывались в начале 1970-х годов. Кампания против изменений в конституции явилась лишь одним, хотя и крайне важным, этапом этого процесса. Я. Ю. Липский впоследствии утверждал, что в ходе кампании по сбору подписей образовался даже определенный круг лиц, который условно можно назвать штабом. Эти люди разрабатывали общий план действий и держали в своих руках все нити кампании. В этот «штаб», по свидетельству Липского, входили Я. Бохеньский, В. Ворошильский, А. Дравич, М. Новаковский, В. Домбровский, И. Левандовская и др.¹¹¹ Примерами организационного сплочения демократической оппозиции можно назвать также «летучие университеты», «салоны» в квартирах известных представителей неконформистской интеллигенции, кампании поддержки участников «Руха» и братьев Ковальчиков, и т. д.

Каждый шаг в этом направлении как правило знаменовался каким-либо действием государства, направленным на подчинение все новых сфер жизни общества административному контролю. Другими словами, деятельность оппозиции в начале 1970-х годов зиждилась на стихийном сопротивлении образованной элиты государственному давлению. Однако по мере того, как демократическая оппозиция сплачивалась во все более тесное сообщество, возникала настоятельная необходимость выработки идеологической платформы, которая могла бы послужить единой программой для всех противников режима. На потребность такой программы указал еще весной 1975 г. (т. е. до обнародования предложенных поправок к конституции) известный публицист З. Найдер, издавший в парижской «Культуре» статью под красноречивым названием «О необходимости программы». Довольно противоречивая по содержанию, статья вполне отражала мировоззренческий хаос, в котором пребывала политическая оппозиция в ПНР в начале 1970-х годов. З. Найдер констатировал, что эмиграция оторвалась от нужд и интересов народа и не способна оказывать ощутимое влияние на внутренние процессы в Польше. Однако именно эмиграция, по мнению автора статьи, должна была заняться разработкой альтернативных политических концепций, поскольку население страны не располагало доступом ко всему объему информации. Вопреки подавляющему большинству других деятелей оппозиции, З. Найдер утверждал, что правительство ПНР не только в определенной степени независимо от Москвы, но его интересы часто противоречат интересам Советского Союза. Поэтому союзниками оппозиции могли бы стать даже некоторые члены польского руководства. Призывы «не замечать» партию бесплодны, говорил З. Найдер, так как поляки все равно не могут жить вне системы, то есть представлять, будто партии нет. Впрочем, рассчитывать на соглашение с правительством, по мнению

З. Найдера, не стоило, потому что оно в любом случае марионеточное. Идеология польской оппозиции, согласно утверждению автора статьи, была в достаточной степени стихийной, самой же важной ее частью были национальные лозунги, ибо вопрос о независимости оставался наиболее насущной проблемой в Польше¹¹².

Именно З. Найдер считается инициатором создания Польского национально-освободительного соглашения (ПНОС) – политической структуры, задуманной как конспиративная организация, ведущая борьбу за освобождение страны от иностранной зависимости и свержение существующего строя. В мае 1976 г. эта тогда еще анонимная организация выступила со своей программой в лондонском польскоязычном журнале «Дзенник польский». В качестве основополагающих принципов деятельности организации принимались пять положений: 1) суверенитет народа, то есть право общества решать свою судьбу; 2) равенство граждан перед законом, а также в смысле наделения всех одинаковыми возможностями; 3) борьба с дискриминацией католического большинства населения со стороны господствующего строя; 4) характеристика правящего в ПНР режима как «тоталитарной автократии», навязанной польскому народу и чуждой национальным традициям; 5) принадлежность Польши к западной, «греко-латинской и христианской культуре». Главными целями организации признавались завоевание полноценной национальной независимости; участие всех поляков в управлении страной; гражданские свободы; многопартийная демократия; установление зависимости экономики от потребностей общества; свобода науки и культуры. Соглашение мыслилось его создателями как организация, которая объединит всех поляков, в том числе – членов ПОРП, в борьбе за свободу. В качестве тактики действий предлагалось открытое обсуждение на страницах печатных изданий ПНОС любых тем, интересующих современного поляка, и ожидание общественного взрыва, который «может произойти в любой момент». «Только сами поляки могут изменить ситуацию к лучшему», – утверждалось в связи с этим в программе организации¹¹³.

Даже беглого взгляда на программу Соглашения достаточно, чтобы заметить разительное сходство с идейно-политической платформой «Руха», разработанной А. Чумой. Различие между двумя структурами было разве только в том, что «Рух» действовал главным образом в стране и объединял в своих рядах никому не известных людей, фамилии которых прогремели на всю Польшу лишь после судебного процесса 1971 г. Организация же З. Найдера заявила о себе прежде всего за границей и была в достаточной степени открыта для посвященных, то есть для людей, известных своей оппозиционной деятельностью. У истоков ее стояли лица, чьи имена были на слуху если не у всех поляков, то по крайней мере в образованных слоях, а также среди раз-

личного рода культурных и научных сообществ (А. Киевский, Я. Ольшевский, Я. Ю. Щепаньский, В. Карпиньский, Я. Зараньский)¹¹⁴. Поэтому Соглашение должно было в перспективе приобрести несравнимо большее влияние в Польше, чем в свое время «Рух». Кроме того, создатели Соглашения, в отличие от «Руха», допускали возможность совместных действий с членами ПОРП, если те примут их программу. Учитывая «ревизионистское» прошлое некоторых участников Соглашения, такая терпимость к марксистам со стороны приверженцев антикоммунистической оппозиции была неудивительна. Если же рассматривать только политические платформы двух организаций, не беря в расчет другие обстоятельства их истории, то следует признать, что по основным пунктам программы Соглашения и «Руха» были весьма близки. Поэтому создание Польского национально-освободительного соглашения можно считать окончанием очередного этапа в развитии мировоззрения левой демократической оппозиции в Польше, на протяжении которого выстраивалась новая система ценностей взамен утраченной концепции «польского пути к социализму». В результате этого совершился переход оппозиционных польских левых на позиции неприятия режима Народной Польши и сближение с идеями западной социал-демократии. Кроме того, произошло усиление акцентов на проблеме суверенитета и традиционных ценностей, которые до той поры принадлежали в основном идеологическому арсеналу национально-патриотической оппозиции.

Таким образом, в период снижения общественной активности в Польше в начале 1970-х гг. произошло окончательное идейно-политическое размежевание между властью и теми направлениями оппозиции, которые до тех пор выражали свою поддержку принципиальным основам социалистического строя в Польше (бывшие «ревизионисты» и «новые позитивисты»). Это размежевание подготовило политическую оппозицию к тем общественным бурям, которые предстояло пережить польскому народу в самом скором будущем. Создание КОРа (Комитета защиты рабочих) и РОПЧО (Движения в защиту прав человека и гражданина) стало лишь внешним, организационным завершением процессов, которые протекали в среде оппозиции в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Примечания

¹ *Eisler J. Grudzień 1970. Geneza, przebieg, konsekwencje. Warszawa, 2000. S. 181–183, 246, 256, 308–312; Machcewicz P. Polski rok 1956. Warszawa, 1993. S. 246; Zaremba M. Komunizm, legitymizacja, nacjonalizm. Nacjonalistyczna legitymizacja władzy komunistycznej w Polsce. Warszawa, 2001. S. 353–354.*

- ² *Eisler J.* Grudzień 1970... S. 275, 180, 350, 147.
- ³ *Kuroń J.* Wiara i wina. Do i od komunizmu. Wrocław, 1995. S. 334–335.
- ⁴ *Bauman Z.* O frustracji i o kuglarzach // *Kultura* (Paryż), 1968, № 12. S. 13.
- ⁵ *Eisler J.* Op. cit. S. 350–351.
- ⁶ *Kuroń J.* Op. cit. S. 372.
- ⁷ *Kochanowicz J.* Marzec 1968 i życie intelektualne Uniwersytetu // *Marzec 1968...* S. 133.
- ⁸ См. интервью С. Киселевского радио «Свободная Европа» в мае-июне 1974 г.: *Hirszowicz M.* Śladami mitu (W odpowiedzi S. Kisielewskiemu) // *Kultura* (Paryż), 1974, № 10.
- ⁹ *Zaremba M.* Op. cit. S. 357–369; AAN. PZPR KC Kancelaria Sekretariatu XI/1056. S. 11–14.
- ¹⁰ См.: *Zaremba M.* Op. cit. S. 371–372.
- ¹¹ *Gędek M.* Przełom. Polska 1976–1991. Lublin, 2002. S. 8.
- ¹² *Kozłowski K.* Antyrewolucjoniści // *Tygodnik Powszechny*, 1961, № 50.
- ¹³ *Dudek A., Gryz R.* Komuniści i Kościół w Polsce (1945–1989). Kraków, 2003. S. 286.
- ¹⁴ См., например: AAN. PZPR KC XI/1002. S. 40–51; 58–61; 74.
- ¹⁵ AAN. PZPR KC XI/1002. S. 74; AAN. PZPR KC XI/1056. S. 17–20.
- ¹⁶ *Stomma S.* Sejm w perspektywie // *Tygodnik Powszechny*, 1972, № 12.
- ¹⁷ *Jacki J.* Wojciech Ziemiński // *Opozycja w PRL. Słownik biograficzny 1956–1989*. T. 1. Warszawa, 2000. S. 401; *Tarniewski M. [Karpiński J.]*. Płonie komitet. Warszawa, 1988. S. 146–147.
- ¹⁸ *Kunicka-Goldfinger A.* Wojciech Onyszkiewicz // *Opozycja w PRL. Słownik biograficzny*. T. 2. Warszawa, 2002. S. 239–241.
- ¹⁹ AAN. PZPR KC XI/1002. S. 11–29.
- ²⁰ *Dudek A., Gryz R.* Op. cit. S. 281–285.
- ²¹ *Ibid.* S. 295–297.
- ²² *Eisler J.* Grudzień 1970... S. 370. О кадровых перестановках в 1971–1972 гг. см.: AAN. PZPR KC XI/1034, XI/1035, XI/1036, а также: *Eisler J.* Op. cit. S. 367–371.
- ²³ AAN. PZPR KC XI/1012. S. 31–65; AAN. PZPR KC XI/1002. S. 2–6, 52–57, 66–72; *Dudek A., Gryz R.* Op. cit. S. 281.
- ²⁴ *Kolakowski L.* The Myth of Human Self-identity: Unity of Civil and Political Society in Socialist Thought // *The Socialist Idea. A reappraisal*. Edited by L. Kolakowski and S. Hampshire. London, 1977. P. 32–34; *Kolakowski L.* 30-ta rocznica Nowego Ładu w Europie – zwycięstwo zdrowego rozsądku! // *Kultura* (Paryż), 1976, № 5.
- ²⁵ *Kolakowski L.* Główne nurty marksizmu. Powstanie–Rozwój–Rozkład. Londyn, 1988. S. 1163.
- ²⁶ *Idem.* The Myth of Human Self-identity... S. 34.

- ²⁷ См.: Мухник А. Польский диалог: церковь–левые. Лондон, 1980. С. 169.
- ²⁸ Kuroń J. Op. cit. S. 349.
- ²⁹ Cywiński B. Rodowody niepokornych. Paris, 1985. S. 199–200, 382–383.
- ³⁰ Kuroń J. Op. cit. S. 346.
- ³¹ Cywiński B. Rodowody... S. 12.
- ³² Мухник А. Указ. соч. С. 106.
- ³³ См.: Hennelowa J. Co dalej z polskim katolicyzmem? // Tygodnik Powszechny, 1971, № 37.
- ³⁴ List Zarządu KIK w Warszawie do Edwarda Gierka z 26 stycznia 1971 r. // Friszke A. Koło posłów “Znak” w Sejmie PRL. 1957–1976. Warszawa, 2002. S. 528–529.
- ³⁵ Tygodnik Powszechny, 1971, № 1.
- ³⁶ Po wydarzeniach Grudnia 1970 // Więź, 1971, № 1.
- ³⁷ Stomma S. W rytmie realizmu // Tygodnik Powszechny, 1971, № 49.
- ³⁸ Цит. по: Łętowski M. Ruch i koło poselskie ZNAK. 1957–1976. Katowice, 1998. S. 119.
- ³⁹ Stomma S. Nadzieje nowego okresu // Tygodnik Powszechny, 1971, № 30.
- ⁴⁰ Stomma S. Sejm w perspektywie // Tygodnik Powszechny, 1972, № 12; Rozmowa ze Stefanem Kisielewskim // Tygodnik Powszechny, 1972, № 14.
- ⁴¹ Stomma S. Sejm w perspektywie...
- ⁴² Kozłowski K. Na marginesie wytycznych // Tygodnik Powszechny, 1971, № 39.
- ⁴³ Tygodnik Powszechny, 1971, № 1.
- ⁴⁴ Stomma S. Sejm w perspektywie...
- ⁴⁵ AIPN 0648/134 t. 2. K. 361.
- ⁴⁶ Ibid. K. 390.
- ⁴⁷ Friszke A. Koło posłów “Znak”... S. 131.
- ⁴⁸ Friszke A. Oaza na Kopernika. Klub inteligencji katolickiej. 1956–1989. Warszawa, 1997. S. 118–122, 124.
- ⁴⁹ AIPN 0648/134 t. 1. K. 60.
- ⁵⁰ Ibid. K. 156.
- ⁵¹ Ibid. K. 178.
- ⁵² Ibid. K. 131.
- ⁵³ Strzembosz T. Polacy w PRL: sprzeciw, opozycja, opór (Zachowania opozycyjne w systemie totalitarnym) // Arcana (Kraków), 2000, № 5. S. 137.
- ⁵⁴ Мухник А. Указ. соч. С. 101–102, 104.
- ⁵⁵ Это слова А. Слонимского. Цит. по: Мухник А. Указ. соч. С. 96.
- ⁵⁶ Мухник А. Указ. соч. С. 96, 158, 169, 179–185.

- ⁵⁷ Цит. по: *Michnik A.* Указ соч., с. 90.
- ⁵⁸ AIPN 0648/134 t. 2. K. 420.
- ⁵⁹ *Michnik A.* Указ.соч. С. 141–142.
- ⁶⁰ AAN PZPR KC XI/1002. S. 2–6.
- ⁶¹ AAN PZPR KC XI/1002. S. 30–34.
- ⁶² AIPN MSW DSA AK//144. K. 120–128.
- ⁶³ AAN PZPR KC XI/1002. S. 74–78.
- ⁶⁴ Ibid. S. 58–61.
- ⁶⁵ *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów... S. 435–436, 440.
- ⁶⁶ Integracja i zjednoczenie // *Kultura (Paryż)*, 1973, № 3. S. 80.
- ⁶⁷ *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów... S. 441.
- ⁶⁸ *Gawin D.* Potęga mitu. O stylu politycznego myślenia pokolenia Marca 68 // *Marzec 1968...* S. 305.
- ⁶⁹ *Kijowski A.* Kto nie wie // *Tygodnik Powszechny*, 1971, № 1.
- ⁷⁰ *Колаковский Л.* Похвала непоследовательности. Firenze, 1974. С. 312–340.
- ⁷¹ *Drewnowski J.* Rozkład i upadek socjalizmu w Polsce. Lublin, 1991. S. 45–55.
- ⁷² *Drewnowski J.* Jedyna droga // *Kultura (Paryż)*, 1972, № 3.
- ⁷³ *Kuroń J.* Polityka i odpowiedzialność. Londyn, 1984. S. 107–123.
- ⁷⁴ *Litwin A.* Czy “polityczna opozycja”? // *Kultura (Paryż)*, 1975, № 5.
- ⁷⁵ *Jeszcze jeden krajowiec.* Czy w Polsce jest możliwa opozycja? // *Kultura (Paryż)*, 1975, № 7.
- ⁷⁶ *Bromke A.* Polska “Ost-West Politik” // *Kultura (Paryż)*, 1974, № 11.
- ⁷⁷ *Czytelnik z kraju.* List do Redakcji // *Kultura*, 1975, № 5.
- ⁷⁸ *Mieroszewski J.* Księgi ugody i diaspory Adama Bromke // *Kultura (Paryż)*, 1974, № 11.
- ⁷⁹ *Michnik A.* Szanse polskiej demokracji. Londyn, 1984. S. 114–127, 131–150, 151–170.
- ⁸⁰ *Kuroń J.* Polityka i odpowiedzialność... S. 100, 103.
- ⁸¹ См., например: *Kuroń J.* Polityka i odpowiedzialność... S. 111.
- ⁸² *Michnik A.* Szanse polskiej demokracji... S. 117.
- ⁸³ *Колаковский Л.* Похвала... С. 38–39.
- ⁸⁴ *Kuroń J.* Wiara i wina... S. 364.
- ⁸⁵ Это подлинные слова А. Халля. См.: Porządkowanie pojęć. Z Aleksandrem Hallem rozmawia Ewa Polak // *Więź*, 1990, № 2–3. S. 59, 65.
- ⁸⁶ *Muller A.* Geneza powstania... S. 66–71.
- ⁸⁷ Porządkowanie pojęć... S. 59, 60–63, 65, 66.

- ⁸⁸ Такой настрой явственно виден в статье А. Михника 1973 г. «Тени забытых предков» (*Michnik A. Szanse polskiej demokracji...* S. 114–127).
- ⁸⁹ *Porządkowanie pojęć...* S. 59, 79.
- ⁹⁰ *Калугина Т. Г. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1980. Рукопись кандидатской диссертации. Иркутск, 1998. С. 90.*
- ⁹¹ *Mieroszewski J. Ewolucjonizm...* S. 59.
- ⁹² *Mieroszewski J. Księgi...* S. 47.
- ⁹³ *Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja wobec rządów...* S. 480–483.
- ⁹⁴ *Kuroń J. Wiara i wina...* S. 360, 364.
- ⁹⁵ *Ibid.* S. 364.
- ⁹⁶ Премówienie prof. L. Kołakowskiego wygłoszone na manifestacji solidarności z polskimi środowiskami akademickimi w kraju, protestującymi przeciw nowelizacji konstytucji // *Polemiki wokół najnowszej historii Polski. Zeszyt 1. Wybór A. Magierska, A. Szustek. Warszawa, 1994. S. 132–136.*
- ⁹⁷ *Wypowiedź A. Słonimskiego dla “Les Nonvelles Litteraires” // Polemiki...* S. 96–97.
- ⁹⁸ *Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja wobec rządów...* S. 498.
- ⁹⁹ *Holzer J. Solidarność, 1980–1981: Geneza i historia. Warszawa, 1983. S. 44.*
- ¹⁰⁰ *Lipski J. J. KOR. Londyn, 1983. S. 14.*
- ¹⁰¹ *Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja wobec rządów...* S. 516–528.
- ¹⁰² *См.: Калугина Т. Г. Указ соч. С. 100; Friszke A. Opozycja...* S. 323–324.
- ¹⁰³ *См.: Friszke A. Koło postów...* S. 131–133.
- ¹⁰⁴ *Friszke A. Oaza...* S. 126–133.
- ¹⁰⁵ *Friszke A. Opozycja...* S. 314–316.
- ¹⁰⁶ *Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja wobec rządów...* S. 495–496.
- ¹⁰⁷ *Friszke A. Koło postów...* S. 582–585.
- ¹⁰⁸ *Friszke A. Oaza...* S. 156, 163.
- ¹⁰⁹ *Polemiki...* S. 184–188.
- ¹¹⁰ *Uchwała środowiska ODiSS // Kultura (Paryż), 1976, № 4. S. 109.*
- ¹¹¹ *Lipski J. J. KOR...* S. 27.
- ¹¹² *Kowalski M. [Najder Z.] O potrzebie programu // Kultura (Paryż), 1975, № 5.*
- ¹¹³ *Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja demokratyczna w Polsce. 1976–1980. Wybór dokumentów. Warszawa, 1994. S. 43–45.*
- ¹¹⁴ *Kopka B. Jan Olszewski // Opozycja w PRL... T. 1. S. 275; Калугина Т. Г. Указ. соч. С. 97.*

Заключение

Какова была роль политической оппозиции в Народной Польше? Ответ на этот вопрос следует рассматривать в контексте всей общественно-политической и экономической системы ПНР, а также в свете того, какое место страна занимала в социалистическом лагере и в международной политике того времени.

Политическая оппозиция в ПНР в 1956–1976 годах была явлением двуслойным: внутрисистемным и внесистемным. К первому относились все кто выступал в поддержку существующей политической и общественно-экономической системы по идеологическим или геополитическим причинам, однако зачастую расходились с правящей элитой в подходе к основополагающим проблемам социалистического строительства и взаимоотношений власти и общества. Такая оппозиция включала в себя светских католиков из движения «Знак», фрондирующих марксистов и немарксистских интеллектуалов из научных и творческих сообществ. Внесистемная оппозиция объединяла разного рода национально-патриотические течения, выступавшие за свержение существующего строя как навязанного извне и прикрывавшего «оккупацию» страны Советским Союзом. При этом многие немарксистские деятели внутрисистемной оппозиции тоже рассматривали строй Народной Польши как искусственный, а ПНР считали несамостоятельным государством. Поэтому грань между внутрисистемной и внесистемной оппозицией зачастую пролегла не по линии признания или непризнания легитимности строя, а между методами борьбы с политикой правящей элиты: легальными и нелегальными.

Ограничение национального суверенитета Польши со стороны СССР вызывало глухое недовольство значительной части населения страны. Широко распространенные антисоветские настроения и стремление избавиться от опеки Советского Союза послужили социальной базой оппозиции и залогом ее жизнеспособности. Другим источником постоянных разногласий между властью и большей частью общества являлось враждебное отношение правящей элиты к католической церкви. Борьба с церковью, причем борьба прежде всего идеологическая, привела скорее к обратным результатам, чем те, на которые рассчитывала власть. Если в 1958 г. в Польше было 12713 приходских священников, то в 1971 г. – 14122¹. Каждый этап противоборства режима и церкви за души людей характеризовался ослаблением позиций власти и усилением позиций церкви. Символом идеологического поражения ЦК ПОРП в борьбе с церковью стало избрание К. Войтылы главой римско-католической церкви, что оказало громадное воздействие на укрепление антиправительственных настроений. Массы приобрели таким образом некую основу для про-

тивопоставления государству, приобрели традицию, воплощенную в фигурах примаса С. Вышинского и Иоанна Павла II.

Описанные выше антагонизмы между властью и широкими кругами населения значительно смягчались наличием ряда положительных качеств нового строя, находивших одобрение у всех слоев общества. Первым таким качеством являлся «цивилизационный скачок» или построение современного индустриального государства. Промышленное развитие, повышение уровня жизни, доступ к социальным благам (бесплатному медицинскому обслуживанию, образованию, фиксированная зарплата, ежегодные отпуска и т. д.) импонировали полякам, особенно старшего возраста, которые помнили довоенную Польшу. Именно благодаря «цивилизационному скачку» острое чувство несамостоятельности своего государства у поляков очень редко прорывалось наружу, оставаясь на уровне бытовых настроений. Обычно такие настроения не выходили за рамки семейного и приятельского круга, и лишь в моменты социальных взрывов давали о себе знать. Однако тот факт, что они неустанно тлели, подтверждается постоянным возникновением молодежных антиправительственных организаций.

Другим крупным достижением правящего режима в восприятии общества было установление польской государственности на землях Поморья, Силезии, части Восточной Пруссии и в Гданьске. Защита границ по Одре и Нысе относилась к главным императивам польской внешней политики, в какой-то мере легитимизируя строй в целом. Однако факт обладания «возвращенными землями» частично обесценивался воспоминаниями об утрате еще более обширных земель на востоке и массовыми депортациями поляков вглубь СССР в 1939–1941 гг.

Ситуация несколько изменилась на рубеже 1960–1970-х годов. На арену вышло поколение, не знавшее довоенной Польши и не пережившее оккупацию. Оно оказалось не столь податливо на фразеологию власти об угрозе германского реваншизма и защите социалистических завоеваний. Отношение этого поколения к немцам диктовалось не эмоциями, а скорее трезвым рассудком, который подсказывал, что новое нападение Германии на Польшу крайне маловероятно, особенно ввиду наличия двух немецких государств. Окончательно тезис о немецкой опасности был снят после подписания договора о границах между ФРГ и ПНР в 1970 г. Пропаганда экономических и социальных успехов Народной Польши к этому времени быстро утрачивала свою эффективность, поскольку молодежь сравнивала их не с довоенными временами, а с куда более заметным прогрессом западных стран.

Новый экономический курс польского руководства, взятый в начале 1970-х годов, был направлен на ликвидацию отставания страны от уровня жизни стран Запада. Однако хозяйственная модель государства, делавшая упор

на развитие тяжелой промышленности, вкупе с отсутствием реально действующих элементов экономического самоуправления и конкуренции, привели к разбалансированию польской экономики и социальному кризису. Размах, который приобрела «Солидарность», свидетельствовал о полной компромитации правящей партии. Первые оппозиционные группы и сообщества, возникшие во второй половине 1970-х годов, а затем независимый профсоюз «Солидарность» прямо поставили вопрос о коренном изменении всей общественно-политической системы, в противоположность предыдущим оппозиционным течениям, делавшим упор на реформировании отдельных ветвей власти.

Причиной бурного развития общественного протеста было то, что коммунистическая идеология не сумела превратиться в выразителя национальных интересов страны. Попытка национально «окрасить» марксизм путем внедрения концепции «польского пути к социализму» (в рамках которой пытались действовать «ревизионисты») потерпела крах в 1968 г., когда снятие со сцены Национального театра спектакля по одному из основных произведений польской литературы наглядно показало, что правящая элита страны по-прежнему вынуждена корректировать свою внешнюю и внутреннюю политику с учетом реакции СССР, а следовательно, ПНР – это государство, которое наряду с защитой своих интересов принуждено соблюдать интересы другой державы. Очевидная несамостоятельность ПОРП подорвала доверие к ее идеологии, постепенно переведя всю оппозицию в разряд внесистемной, то есть отвергающей политические, экономические и социальные основы строя Народной Польши.

Таким образом, политическая оппозиция, возникнув как уступка авторитарного режима настроениям масс, пыталась примирить идеологические и политические установки власти с установками широких слоев общества. Выявленная в ходе конфронтации власти и оппозиции невозможность такого примирения принудила противников политического курса Политбюро ЦК ПОРП расстаться с представлениями о возможности достижения большей свободы внутри страны и на международной арене в рамках существующего строя. Его фундаментальное изменение и завоевание внешнеполитической независимости стали основными задачами политической оппозиции в Польше во второй половине 1970-х годов.

Примечание

¹ Dudek A., Gryz R. *Komuniści i Kościół w Polsce (1945–1989)*. Kraków, 2003. S. 274.

Источники и литература

I. Источники

1) Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

- Ф. 122. Референтура по Польше. Опись 3. Папка 747. Дело 1383.
Оп. 38. П. 127. Д. 170.
Оп. 39. П. 140. Д. 728.
Оп. 40. П. 143. Д. 170.
Оп. 40. П. 145. Д. 720.
Оп. 40. П. 148. Д. 720.
Оп. 40. П. 175. Д. 720/8.
Оп. 41. П. 147. Д. 170.
Оп. 41. П. 148. Д. 720/8.
Оп. 42. П. 152. Д. 720.

2) Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

- Ф. 5. Оп. 28. Д. 481.
Ф. 5. Оп. 28. Д. 398.
Ф. 5. Оп. 49. Д. 56.
Ф. 11. Оп. 11. ДД. 1, 2, 3, 4, 5, 6.

3) Archiwum Akt Nowych (Warszawa)

- PZPR KC Sekretariat KC
PZPR KC Sekretariat I Sekretarzy KC
PZPR KC Wydział Kultury
PZPR KC Komisja Kultury
PZPR KC Wydział Nauki i Oświaty

4) Archiwum Ośrodka KARTA (Warszawa)

5) Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej (Warszawa)

6) Периодические издания 1955–1976 гг.

- 1) «Kultura» (Paryż) – 1957–1976
2) «Nowa Kultura» (Warszawa) – 1956, 1957, 1958, 1963
3) «Nowe Drogi» (Warszawa) – 1956
4) «Po Prostu» (Warszawa) – 1955–1957
5) «Przegląd Kulturalny» (Warszawa) – 1956–1963
6) «Robotnik» (Londyn) – 1956

- 7) «Słowo Powszechne» (Warszawa) – 1956, 1968.
- 8) «Świat» (Warszawa) – 1956
- 9) «Trybuna Ludu» (Warszawa) – 1956
- 10) «Tygodnik Powszechny» (Krakow) – 1957, 1958, 1961, 1968, 1970–1976
- 11) «Więź» (Warszawa) – 1958, 1959, 1962, 1963, 1968, 1970–1976
- 12) «Życie Warszawy» (Warszawa) – 1957

7) Опубликованные источники

1. Фронт национального единства (В. Гомулка, С. Игнар, С. Кульчиньский, Я. Франковский). Варшава, 1956.
2. National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe. A selection of documents on events in Poland and Hungary. February–November 1956. Edited by Paul E. Zinner. New York, 1957.
3. Co się dzieje w ZMP? Pod red. W. Winkel i S. Wojtas. Warszawa, 1956.
4. *Friszke A.* Koło posłów “Znak” w Sejmie PRL. 1957–1976. Warszawa, 1997.
5. *Hemerling Z., Nadolski M.* Opozycja demokratyczna w Polsce. 1976–1980. Wybór dokumentów. Warszawa, 1994.
6. *Hemerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce. 1956–1976. Wybór dokumentów. Warszawa, 1991.
7. Krajowy zjazd działaczy harcerskich w Łodzi. Warszawa, 1957.
8. Listy do pierwszych sekretarzy KC PZPR (1944–1970). Wybór i opracowanie J. Stępień. Warszawa, 1994.
9. *Pietrzak L.* W kalejdoskopie ćwierćwiecza. Warszawa, 1970.
10. Po Prostu. Wybór artykułów. Wybór dokonał J. Urban. Warszawa, 1956.
11. Polemiki wokół najnowszej historii Polski. Zeszyt 1. Wybór: A. Magierska, A. Szustek. Warszawa, 1994.
12. PPN. Polskie Porozumienie Niepodległościowe. Paryż, 1978.

8) Программная публицистика

1. *Колаковский Л.* Похвала непоследовательности. Firenze, 1974.
2. *Михник А.* Польский диалог: церковь-левые. Лондон, 1980.
3. The Socialist Idea. A reappraisal. Edited by L. Kolakowski and S. Hampshire. London, 1977.
4. *Bromke A.* Polska “Ost-West Politic” // Kultura (Paryż), 1974, № 11.
5. *Цувиński В.* Rodowody niepokornych. Paris, 1985.
6. Czytelnik z kraju. List do Redakcji // Kultura (Paryż), 1975, № 5.
7. *Drewnowski J.* Jedyna droga // Kultura (Paryż), 1972, № 3.
8. *Drewnowski J.* Socjalizm w Polsce // Kultura (Paryż), 1970, № 9.
9. *Hirszowicz M.* Śladami mitu (w odpowiedzi S. Kisielewskiemu) // Kultura (Paryż), 1975, № 5.

9. Jeszcze jeden krajowiec. Czy w Polsce jest możliwa opozycja? // *Kultura* (Paryż), 1975, № 7.
10. K. W. Społeczeństwo a piramida władzy // *Kultura* (Paryż), 1974, № 11.
11. *Kijowski A.* Niedrukowane. Warszawa: "Nowa", 1978.
12. *Kołakowski L.* 30-ta rocznica Nowego Ładu w Europie – zwycięstwo zdrowego rozsądku! // *Kultura* (Paryż), 1976, № 5.
13. *Kołakowski L.* *Esseje.* Warszawa, 1981.
14. *Kołakowski L.* *Główne nurty marksizmu.* Londyn, 1988.
15. *Kołakowski L.* *Intelektualiści a ruch komunistyczny* // *Nowe Drogi*, 1956, № 9.
16. *Kowalski M.* *O potrzebie programu* // *Kultura* (Paryż), 1975, № 5.
17. *Kuroń J.* *Polityka i odpowiedzialność.* Londyn, 1984.
18. List otwarty K. Głogowskiego do red. "Trybuny Ludu" // *Kultura* (Paryż), 1973, № 3.
19. *Litwin A.* *Czy "polityczna opozycja"?* // *Kultura* (Paryż), 1975, № 5.
20. *Michnik A.* *Szanse polskiej demokracji.* Londyn, 1984.
21. *Mieroszewski J.* *Ewolucjonizm.* Paryż, 1964.
22. *Mieroszewski J.* *Księgi ugody i diaspory Adama Bromke* // *Kultura* (Paryż), 1974, № 11.
23. *Mieroszewski J.* *Polityczne neurozy.* Wybor. Warszawa, 1984.
24. *Mieroszewski J.* *Polska leży między Rosją a Ameryką* // *Kultura* (Paryż), 1957, № 7–8.
25. *Nie o egalitaryzm chodziło* // *Kultura* (Paryż), 1969, № 5.
26. *Nie zgadzam się z Baumanem* // *Kultura* (Paryż), 1969, № 4.
27. *Perski A.* *Nie istnieje konflikt pokoleń, tylko konflikt postaw* // *Więź*, 1968, № 1.
28. *Szczepański J.* *Inteligencja i rewolucja* // *Kronika*, 1956, № 14.
29. *Szczurkowski R.* *Słumione porywy* // *Robotnik* (Londyn), 1958, № 2.
30. *Wirpsza W.* *Jaki jest sens emigracji* // *Kultura* (Paryż), 1975, № 7.
31. *Wirpsza W.* *List otwarty do Związku Literatów Polskich* // *Kultura* (Paryż), 1973, № 3.
32. *Zabrzęski A.* *Spór o polski marksizm* // *Kultura* (Paryż), 1970, № 12.
33. *Zambrowski A.* *Oświadczenie dla wojewódzkiej komisji kontroli* // *Kultura* (Paryż), 1968, № 1–2.

9) Воспоминания, интервью, дневники

1. Дьявол в истории (интервью Л. Колаковского Д. Урбану) // *Системы советского типа в Восточной Европе.* М., 2000.
2. *Милюш Ч.* *Марксизм* (из книги «Rodzina Europa», 1959 г.) // *Путь*, 1993, № 4.

3. *Garztecki J.* Klub Krzywego Koła // Tygodnik Demokratyczny, 1989, № 10.
4. *Jedlicki W.* Klub Krzywego Koła. Paryż, 1962.
5. *Kijowski A.* Dziennik. 1970–1977. Krakow, 1998.
6. *Kuroń J.* Wiara i wina. Do i od komunizmu. Wrocław, 1995.
7. Na pewno czas najważniejszy. Rozmowa z K. Modzelewskim // *Jankowska J.* Portrety niedokończone. Warszawa, 2004.
8. *Niesiołowski S.* Organizacja “Ruch” // *Więź*, 1990, № 1.
9. Porządkowanie pojęć. Z Aleksandrem Hallem rozmawia Ewa Polak // *Więź*, 1990, № 2–3.
10. *Przetakiewicz Z.* Od ONR-u do PAX-u. Warszawa, 1994.
11. Rozmowa ze Stefanem Kisielewskim // *Kultura (Paryż)*, 1957, № 6.

Аудио-записи бесед автора с:

- Каролем Модзелевским (05.04.05.)
 Эрнестом Брышем (30.05.05.)
 Лешекком Мочульским (31.05.05.)
 Здиславом Найдером (02.06.05.)
 Веславом Хшановским (06.06.05.)
 Збигневом Ромашевским (13.06.05.)
 Яном Литыньским (14.06.05.)
 Войцехом Ярузельским (15.06.05.)
 Антонием Замбровским (20.06.05.)
 Хенриком Вуецом (05.–06.07.05.)
 Северином Бломшгайном (16.07.05.)
 Александром Смоляром (24.07.05.)

II. Научная литература

1. *Брониславский Е., Вачнадзе Г.* Польский диалог. Тбилиси, 1990.
2. *Ван Харен В., Зоммерфельд Ф.* Польша: церковь, КОР, коммунизм? М., 1982.
3. *Веденева В. Т.* Противоборство революционного и реформаторского течений в истории польского рабочего движения и современная идеологическая борьба. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1985.
4. *Гришин Я. Я.* Истоки кризисов. Казань, 1991.
5. *Калугина Т. Г.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1980. Рукопись кандидатской диссертации. Иркутск, 1998.
6. *Козик З.* Польское общество в условиях форсированной индустриализации // Классы и социальные слои: исторические судьбы. СССР и Восточная Европа в 1920–1960-е годы. XX в. М., 1990.
7. *Колаковский Л.* Посреди движущихся руин // Системы советского типа в Восточной Европе. М., 2000.

8. Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1993.
9. Лойко Л. В. Политическая борьба в Польше (1970–1980-е годы). Минск, 1995.
10. Лыкошина Л. С. Дискуссии о социализме в Польше // Системы советского типа в Восточной Европе. М., 2000.
11. Лыкошина Л. С. К вопросу об истории и современности польской правды. М., 1991.
12. Орехов А. М. События 1956 г. в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): новое прочтение. Отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1995.
13. Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005.
14. Польша–СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. Отв. ред.: Дурачиньски Э., Сахаров А. Н. Москва, 2005.
15. Троценков К. В. Основные проблемы европейской геополитики в представлении польской политической оппозиции в 1970–1980 гг. // Национальные отношения в новое и новейшее время: теория и политическая практика. Калининград, 2000.
16. Трубачев В. Крах операции «Полония». 1980–1981. М., 1983.
17. Филиппов Б. А. Политический портрет Леха Валенсы. М., 1992.
18. Юсупов Р. Р. Польская интеллигенция в период народной демократии. 1944–1980 гг. Казань.
19. Баева И. Източна Европа след Сталин. 1953–1956. София, 1995.
20. Bauman Z. The Second Generation Socializm // Political Opposition in One-Party State. Edited by L. Schapiro. London, 1972.
21. Bernhard M. H. The Origins of Democratization in Poland. New York, 1993.
22. Bromke A. Poland // The Hungarian Revolution of 1956 in Retrospect. Boulder, 1978.
23. Huszycz A. Public Opinion in Poland // Public Opinion in European Socialist Systems. Edited by W. D. Connor and Z. Y. Gitelman. New York–London, 1977.
24. Karpiński J. Count-down: The Polish Upheavals. New York, 1982.
25. Poland by Antoni Dudek, Andrzej Paczkowski // A Handbook of the Communist Security Apparatus in East Central Europe. 1944–1989. Edited by Krzysztof Persak and Łukasz Kamiński. Warsaw, 2005.
26. Raina P. Political Opposition in Poland. 1954–1977. London, 1978.
27. Starski S. Class Struggle in Classless Poland. Boston, 1982.
28. Szymański A. Class Struggle in Socialist Poland. New York, 1984.
29. Tomczak F., Gorzelak E. Agrarian policy and agricultural planning. Warsaw, 1977.

30. *Alberska M.* Ośrodki emigracji polskiej wobec kryzysów politycznych w kraju (1956–1981). Wrocław, 2000.
31. *Bauman Z.* O frustracji i kuglarzach // *Kultura* (Paryż), 1968, № 12.
32. *Bielak F., Korczyk H.* Wybrane zagadnienia z genezy i działalności grup antysocjalistycznych w Polsce w latach 1975–1981. Warszawa, 1983.
33. *Bolesta-Kukulka K.* Gra o władzę a gospodarke. Polska 1944–1991. Warszawa, 1992.
34. *Brzostek B.* Życie codziennie w przedzień Marca // *Marzec 1968. Trzydzieści lat później*. T. 1. Pod red. M. Kuli, P. Osęki i M. Zaremby. Warszawa, 1998.
35. *Byszewski P.* Konspiracyjna organizacja “Ruch” // *Glaukopis*, 2003, № 1.
36. *Ceranka P.* (Nie)zapomniany Klub Krzywego Koła. В личном архиве автора.
37. *Ceranka P.* Sprawa o kryptonimie “Kwadrat”. В личном архиве автора.
38. *Ceranka P.* Zamknięcie Klubu Krzywego Koła. *Zeszyty historyczne*, 2006, zes. 158.
39. Co nam zostało z tych lat... Opozycja polityczna 1976–1980 z dzisiejszej perspektywy. Pod red. J. Eislera. Warszawa, 2003.
40. *Courtois S., Werth N., Panne J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L.* Czarna księga komunizmu. Zbrodnie, terror, prześladowania. Warszawa. B. d.
41. *Daśko H.* Śmierć najbardziej niepotrzebna // *Gazeta Wyborcza*, 2006.09.09.
42. *Drewnowski J.* Rozkład i upadek sowietyzmu w Polsce. Lublin, 1991.
43. *Dudek A., Gryz R.* Komuniści i Kościół w Polsce (1945–1989). Kraków, 2003.
44. *Eisler J.* *Marzec 1968. Geneza. Przebieg. Konsekwencje*. Warszawa, 1991.
45. *Eisler J.* *Polski rok 1968*. Warszawa, 2006.
46. *Eisler J., Trepczyński S.* Grudzień’70. Wewnątrz “Białego Domu”. Warszawa, 1991.
47. *Fiałkowska B.* Sumienie narodu? Sprawy i ludzie kultury w Polsce Ludowej. Wrocław, 1985.
48. *Friszke A.* Nauki Października w myśli politycznej środowisk opozycyjnych 1956–1980 // *Więź*, 1992, № 6.
49. *Friszke A.* Oaza na Kopernika. Klub inteligencji katolickiej. 1956–1989. Warszawa, 1997.
50. *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994.
51. *Friszke A.* Polska. Losy państwa i narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003.
52. *Gawin D.* Potęga mitu. O stylu politycznego myślenia pokolenia Marca 68 // *Marzec 1968. Trzydzieści lat później*. T. 1. Pod red. M. Kuli, P. Osęki i M. Zaremby. Warszawa, 1998.
53. *Gędek M.* Przełom. Polska 1976–1991. Lublin, 2002.
54. *Holzer J.* Solidarność, 1980–1981: Geneza i historia. Warszawa, 1983.
55. *Jan Z.* Cena myślenia // *Kultura* (Paryż), 1966, № 7–8.

56. *Jarosz D.* Polacy a stalinizm. 1948–1956. Warszawa, 2000.
57. *Jedlicki W.* Chamy i żydy. Kultura (Paryż), 1962, № 12.
58. *Jordan Z.* Ideologia lewicy marksistowskiej // Kultura (Paryż), 1957, № 1–2.
59. *Jordan Z.* Odwrót od Października // Kultura (Paryż), 1957, № 12.
60. *K. T. Toeplitz.* Zniewolony umysł // Nie, 2006, № 26.
61. *Kamiński Ł.* Polacy wobec nowej rzeczywistości. 1944–1948. Toruń, 2000.
62. *Karpiński J.* Ustrój komunistyczny w Polsce. Warszawa, 2005.
63. *Kersten K.* Marzec 1968 a postawy intelektualistów wobec komunizmu // Marzec 1968. Trzydzieści lat później. T. 1. Pod red. M. Kuli, P. Osęki i M. Zaremby. Warszawa, 1998.
64. *Kochanowicz J.* Marzec 1968 i życie intelektualne Uniwersytetu // Marzec 1968. Trzydzieści lat później. T. 1. Pod red. M. Kuli, P. Osęki i M. Zaremby. Warszawa, 1998.
65. *Kossecki J.* Geografia opozycji politycznej w Polsce w latach 1976–1981. Warszawa, 1983.
66. *Łętowski M.* Ruch i koło ZNAK. 1957–1976. Katowice, 1998.
67. *Lipski J. J.* KOR. Londyn, 1983.
68. *Machcewicz P.* Władysław Gomułka. Warszawa, 1995.
69. *Micewski A.* Współzrządzić czy nie kłamać? PAX i Znak w Polsce 1945–1976. Warszawa, 1981.
70. *Młyniec E.* Rola robotników w konfliktach politycznych w Polsce Ludowej w latach 1948–1980 // Ideologiczne, społeczne i polityczne podłoże konfliktów społecznych w Polsce i Jugosławii. Wrocław, 1991.
71. *Modzelewski E.* Import kontrewolucji. Warszawa, 1982.
72. *Müller A.* Geneza powstania Ruchu Młodej Polski (1969–1979) // Studia i materiały. Z dziejów opozycji i oporu społecznego. Pod red. Ł. Kamińskiego. T. II. Wrocław, 1999.
73. Opozycja i opór społeczny w Łodzi 1956–1981. Pod red. K. Lesiakowskiego. Warszawa, 2003.
74. Opozycja i opór społeczny w Polsce (1945–1980). Materiały konwersatorium z 20 lutego 1991 r. Redakcja: A. Friszke i A. Paczkowski. Warszawa, 1991.
75. Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. 1956–1989. T. 1. Warszawa, 2000.
76. Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. 1956–1989. T. 2. Warszawa, 2002.
77. Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. 1956–1989. T. 3. Warszawa, 2006.
78. *Persak K.* Sprawa Henryka Hollanda. Warszawa, 2006.
79. *Pobóg H.* Chrześcijaństwo a marksistowski socjalizm czyli “Polski kształt dialogu” // Krytyka, 1983, a 13–14.
80. *Ptasiński J.* Drugi zwrot. Gomułka u szczytu powodzenia. Warszawa, 1988.
81. *Rykowski Z., Władyka W.* Polska próba. Październik’56. Kraków, 1990.
82. *Siwek A.* Uniwersytet Warszawski w marcu’68. Warszawa, 1989.
83. *Sołtysiak G.* Żołnierze Partii // Gazeta Wyborcza, 11.12.93.

84. *Sonntag S.* Rola komandosów w ruchu studenckim 1968 roku // *Studia i materiały. Z dziejów opozycji i oporu społecznego.* Pod red. Ł. Kamińskiego. T. II. Wrocław, 1999.

85. *Stola D.* Kampania antysyjonistyczna. Warszawa, 2000.

86. *Strzembosz T.* Polacy w PRL: sprzeciw, opozycja, opór (Zachowania opozycyjne w systemie totalitarnym) // *Arkana* (Kraków), 2000, № 5.

87. *Szczurkowski R.* Kluby inteligencji // *Robotnik* (Londyn), 1956, № 12.

88. *Szczurkowski R.* Oblicze młodego pokolenia polskiego (z dziejów ruchu klubowego) // *światło*, rok XIII, maj–lipiec 1959.

89. *Tarniewski M.* [Karpieński J.] Płonie komitet (grudzień 1970 – czerwiec 1976). Warszawa, 1988.

90. *Tomaszewski E.* Młodzież wiejska i jej organizacje w Polsce Ludowej // *Młodzież i związki młodzieży w czterdziestolecu PRL.* Warszawa, 1987.

91. *Walczak J.* Ruch studencki w Polsce. 1944–1984. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1990.

92. *Ważniewski W.* Polityczne i społeczne problemy rozwoju Polski Ludowej. 1944–1985. Zarys historii. Warszawa, 1989.

93. *Wiatr J.* Kryzysy społeczno-polityczne w Polsce Ludowej a zagadnienie władzy państwowej // *Kryzysy społeczno-polityczne w Polsce Ludowej. Geneza, charakter i sposoby przezwyciężania.* Pod red. naukową A. Czubińskiego. Warszawa, 1983.

94. *Widerszpil S.* Skład polskiej klasy robotniczej. Warszawa, 1965.

95. *Wilcz-Grzędzińska E.* Klub Krzywego Koła // *Tygodnik Demokratyczny*, 1989, № 3.

96. *Władyka W.* Na czołówce. Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa–Łódź, 1989.

97. *Wokół Praskiej wiosny.* Pod red. Ł. Kamińskiego. Warszawa, 2004.

98. *Wydarzenia czerwcowe w Poznaniu w 1956 r.* Pod red. E. Makowskiego. Poznań, 1981.

99. *Zabłocka-Skupieńska D.* Kluby inteligencji. 1955–1957 // *Chrześcijanin w świecie. Zeszyty ODiSS.* X. 1986, № 157.

100. *Zabłocki J.* „Lewicowa” skaza „Tygodnika Powszechnego” // *Arcana* (Kraków), 1999, № 6.

101. *Zaremba M.* Biedni Polacy 68. Społeczeństwo polskie wobec wydarzeń marcowych w świetle raportów KW i MSW dla kierownictwa PZPR // *Marzec 1968. Trzydzieści lat później.* T. 1. Pod red. M. Kuli, P. Osęki i M. Zaremby. Warszawa, 1998.

102. *Zaremba M.* Komunizm, legitymizacja, nacjonalizm. Nacjonalistyczna legitymizacja władzy komunistycznej w Polsce. Warszawa, 2001.

103. *Żaryn J.* Dzieje kościoła katolickiego w Polsce (1944–1989). Warszawa, 2003.

Список сокращений

- АК – Армия Крайова
ДП – Демократическая партия
ЗБоВид – Союз борьбы за свободу и демократию (Związek Wojowników o Wolność i Demokrację)
ККК – Клуб кривого колеса
КОР – Комитет защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników)
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МОБ – Министерство общественной безопасности
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НСЗ – Национальные вооруженные силы (Narodowe Siły Zbrojne)
ОДиСС – Центр документации и общественных исследований (Ośrodek Dokumentacji i Studiów Społecznych)
ОКП – Объединенная крестьянская партия
ОКПКИ – Общепольский клуб прогрессивной католической интеллигенции
ОРМО – Добровольный резерв гражданской милиции (Ochotnicza Rezerwa Milicji Obywatelskiej)
ОЦСК – Общепольский центр сотрудничества клубов
ПОРП – Польская объединенная рабочая партия
ППР – Польская рабочая партия (Polska Partia Robotnicza)
ППС – Польская социалистическая партия (Polska Partia Socjalistyczna)
ППС-ВРН – Польская социалистическая партия – Свобода, Равенство, Независимость (PPS – Wolność, Równość, Niepodległość)
ПСЛ – Польская народная партия (Polskie Stronnictwo Ludowe)
ПТ – Партия труда
РОПЧО – Движение в защиту прав человека и гражданина (Ruch Obrony Praw Człowieka i Obywatela)
СБ – Служба безопасности
СМД – Союз молодых демократов
СПЛ – Союз польских литераторов
СПМ – Союз польской молодежи
СПХ – Союз польских харцеров
ССМ – Союз социалистической молодежи
ТУР – Товарищество рабочих университетов (Towarzystwo Uniwersytetów Robotniczych)
ФНЕ – Фронт национального единства
ХОТ – Христианское общественное товарищество

Указатель имен

- Абрамовский Э. 25
Адамецкая Х. 41
Адлер М. 25
Альбрехт Е. 46, 70
Альстер А. 106
Альстер М. 110
Амброзевич Е. 29
Анджеевский Е. 57, 59, 79, 81, 85, 112, 114, 119, 165, 169, 195, 196
Аристов А. Б. 109
Арский С. 81
Ассородобрай Н. 102
Аулейтнер В. 128, 189, 190, 209, 211
Б
Бадовский К. 91, 93–95
Балицкий С. В. 109, 112
Банах К. 42
Бараньский М. 88, 94, 149, 182
Бартошевский В. 142, 160, 161, 196, 208
Бауман З. 49, 88, 90, 94, 98, 110, 116, 118, 165, 178
Баумритгер Е. 107.
Бауэр О. 25
Бачко Б. 49, 59, 90, 102, 118
Бейлин П. 32, 53, 58, 61, 81, 100, 101
Бейнар З. 23, 169
Бейнар Л. – см. Ясеница П.
Белиньский К. 196
Белицкий М. 41, 58
Беллоу С. 80
Беньковский В. 22, 31, 64, 66, 67, 70, 100, 101, 111, 119
Березин Я. 174
Берия Л. П. 61
Берман Я. 106
Бернхам Д. 25
Бернхард М. 8
Берут Б. 16, 18, 43, 106, 179
Бжеский А. 55, 158
Бжостек Б. 10
Биллип Е. 33
Бимберг Ж. 33
Блюмштайн С. 14, 91, 93–95, 99, 115, 120, 225
Бляйфер Б. 119
Блясс Ю. 90
Бляхницкий Ф. 192
Бобровский Ч. 24, 55
Богданович П. 148, 149
Богущая Т. 91
Богуш М. 46
Боровский В. 107
Боровский М. 90, 91
Бохеньский Я. 14, 19, 67, 81, 100, 101, 114, 212
Брандыс К. 19, 49, 78, 81, 86, 101, 103
Брандыс М. 94, 100, 101
Братковский С. 33
Братны Р. 102, 112
Браун А. 69, 78, 81, 82, 132, 194
Браун Е. 141, 142, 160
Брежнев Л. И. 42, 184
Бродзиньский С. 43
Бромке А. 201, 202, 203
Бронятовская Х. 26, 35, 46
Брус В. 49, 55, 88, 90, 94, 98, 102, 107, 110, 118, 119
Брус Х. 90
Брыль Э. 14, 46, 82, 225
Брыстыгер Ю. 143
Бышевский П. 152
В
Важик А. 19, 33, 49, 57–59, 78, 79, 81, 85, 86, 114, 161
Вакар А. 26, 55
Валицкий А. 10, 46, 90
Вальтер Г. 25
Ванькович М. 85, 87, 114, 142, 159, 164–167
Велёвский А. 131, 189–191, 209

- Верблян А. 60, 91, 102, 107
 Верфель В. 81
 Вечорек В. 136
 Видал Г. 80
 Вильгельми Я. 103
 Вирион де Т. 94
 Вирппа В. 31, 81, 82, 100, 101, 144, 194
 Висьневский Л. 205
 Виташевский К. 31, 32, 70
 Возняковский Я. 190, 210
 Войтыла К. (Иоанн Павел II) 14, 191, 219
 Волиньская Х. 110
 Волицкий К. 61, 81
 Вольский Я. 63, 64, 112
 Ворошильский В. 34, 41, 42, 44, 49, 57,
 78, 81, 82, 86, 95, 98, 100, 101, 132,
 185, 212
 Врублевский А. К. 33
 Вуец Х. 14, 225
 Выгодский С. 59, 107
 Выка К. 69, 79, 81, 84
 Выка Я. 32, 63, 65, 66
 Вышиньский С. 43, 96, 130, 191, 193, 220
 Вятр Е. 7

 Гажтецкая Э. 23, 45, 65, 156
 Гажтецкий Ю. 23, 27
 Галиньский Т. 59, 60, 86
 Гарлицкий А. 33, 99
 Гебетнер С. 33, 128
 Гедройц Е. 13, 26, 131, 158, 163, 167
 Гейштор А. 81, 84
 Гелля А. 158
 Гендек М. 180
 Герек Э. 7, 177–180, 182, 187, 188, 192,
 194, 195, 208, 210
 Гжэндзиньский Я. 85, 165–167
 Гжещак М. 100, 101, 112
 Герц А. 25
 Герц П. 57–59, 79, 81, 85, 161, 165, 166
 Гиршович М. 49, 98
 Гитлер А. 184
 Глоговский К. 105, 146, 150, 151, 170, 204
 Глязер А. 149

 Годек В. 33, 39
 Гозьдзик Л. 30
 Голембевский М. 150
 Голубев А. 210
 Голуй Т. 45
 Гомулка В. 7, 8, 13, 17, 21–23, 30, 33, 35,
 37, 39–44, 52, 53, 57, 61, 68–70, 74,
 81, 84, 86, 91, 93, 96, 98, 105, 106,
 108, 109, 112, 118, 119, 132, 134, 142–
 144, 146, 152, 160, 163, 165, 166, 168,
 169, 177–179, 181, 183, 194, 196, 223
 Гомулка С. 88, 91, 92, 94, 105
 Грабиньский А. 26
 Гранас Р. 61, 81
 Гришин Я. Я. 8
 Гросс Ф. 90, 162
 Гросс Я. 89
 Гроховяк С. 82
 Грудзиньская И. 90, 91
 Гульчиньский М. 88
 Гуральская Х. 90
 Гурецкий В. 115, 120
 Гурный П. 145, 147–150
 Гурский К. 84

 Дайчгеванд Ю. 91, 99, 105, 110, 120
 Двораковский В. 43
 Деймек К. 109, 110, 112, 113
 Дембиньский Л. 142
 Дембовский Б. 90
 Джилас М. 94
 Дмовский Р. 149, 204, 205
 Добровольский С. Р. 112
 Домбровская М. 81, 84, 85, 87, 163–165,
 167
 Домбровский В. 86, 90, 100, 212
 Домбровский М. 110
 Древновский Т. 100
 Древновский Я. 10, 119, 198, 199
 Дробнер Б. 42, 47
 Дроздовский Б. 82
 Дудек А. 9, 150
 Дурач А. 99
 Дыгат С. 57, 58, 79, 81

- Едлицкий В. 6, 18, 23, 55, 156–158, 161–164
Едлицкий Е. 185
- Жарын Я.** 9
Желнинский А. 10
Жеромский С. 97, 203
Жорес Ж. 25
Жулавский Ю. 57, 59, 111
Жулкеская В. 113
Жулкеский С. 23, 31, 67, 70, 81, 98
- Заблоцкий Я. 128, 136–139, 143, 160, 189, 211
Заблудовский Т. 107
Завадская А. 61
Завадский В. 101
Завадский Т. 164
Завейский Е. 57, 81, 130, 134, 135, 141, 161, 164, 194
Завистовский М. 150
Загурский Е. 81, 85, 112
Зажицкий Я. 61, 70, 107
Закшевская Я. 98, 187
Залевский В. 121
Залусский З. 88
Замбровский А. 14, 88, 104, 105, 120, 124, 225
Замбровский Р. 42, 46, 48, 58, 61, 70, 85, 106, 118
Зараньский Я. 214
Заремба З. 25
Заремба М. 10, 117
Земацкий Я. 147
Зембиньский В. 163–165, 181
Зея Я. 207
Зиманд Р. 36, 40–42, 44, 81
- Ивашкевич Я.** 59, 60, 78–81, 84–87, 111
Игнар С. 42, 74, 223
Ильичёв Л. Ф. 67
Инфельд Л. 84, 94
Иоанн Павел II – см. Войтыла К.
- Йордан З.** 6, 7, 45
- Казан Э.** 80
Калестыньский А. 43
Калецкий М. 55, 64
Карпиньский В. 214
Карпиньский Я. 7, 8, 48, 116, 207
Карсоф Н. 168, 169
Карст Р. 69, 81, 101
Касман Л. 60, 70, 107
Каутский К. 25
Кемпа Ю. 91
Керстен К. 10
Киёвский А. 52, 112, 132, 161, 194, 197, 214
Киёвский Я. 182
Киселевский С. 9, 24, 53, 81, 83, 85, 96, 112, 117, 118, 128, 129, 131–134, 137, 165, 168, 179, 189, 190, 194, 206, 207, 215
Клишко З. 84–87, 100, 109, 140, 167, 177
Клята Х. 149
Ковалик Т. 57, 119
Ковальская А. 69, 79, 81
Ковальчик Е. 182, 195, 212
Козловский К. 137, 181, 210
Козьневский К. 166, 194
Коцёлек С. 102
Кокот Ф. Ю. 140
Колаковский Л. 21, 37, 40, 44, 49–51, 53, 57, 58, 67, 81, 82, 90, 94, 95, 98–104, 112, 114, 118, 120, 160, 167, 183–185, 197–200, 204, 207, 208
Комар В. 70, 106
Конарский Р. 43
Конверская К. 66
Конвицкий Т. 57, 100, 101, 114, 195
Конн Л. 162
Констан Б. 167
Копанкевич З. 141
Корвин-Микке Я. 83
Корнацкий Е. 161
Коссак Е. 28
Коссецкий Ю. 148, 149
Котарбиньский Т. 52, 81, 94, 166

- Котт Я. 30, 31, 58–61, 79, 81, 85, 107, 132
Кофман Я. 10
Краевский М. 88
Краевский С. 196
Красько В. 86, 101, 109, 112
Крейслер А. 33
Кретковский С. 98, 110, 120
Круль Мариуш 116, 147, 185
Круль Мартин
Круль С. 23, 35
Кручковский Л. 59, 60
Ксенжек Т. 42
Кульчинский С. 74, 146, 223
Куля М. 10, 14
Куманецкий К. 84
Куровский С. 26, 46, 55
Куронб Г. 93
Куронь Я. 6, 9, 13, 33, 54, 88, 89, 91–96,
99, 105, 111, 114, 115, 118, 120, 150,
167, 178, 179, 185, 186, 196, 199–201,
204, 207–209
Кучера Ф. 159
Кучиньский В. 88, 104, 105
Кучиньский Я. 90
Кшижановский Ю. 81, 84
Кшижевский Я. 149
Лапот С. 43
Ласки Г. 25
Лашовский А. 112
Левандовская И. 212
Левицкая (Станишкис) Я. 115
Левицкая З. 100
Лёга-Совиньский И. 61, 177
Легатович А. 140
Ленарт Ю. 82
Ленин В. И. 37, 39, 53, 89, 92, 153, 178,
203
Леопольд В. 111
Липиньский Э. 49, 55, 58, 67, 79, 81, 84,
196, 207, 208
Липский Я. Ю. 9, 23, 26, 46, 64, 65, 81, 84,
89, 99, 100, 156, 158–160, 162–165,
196, 207, 208, 212
Лисецкая А. 67, 69, 78, 82, 102, 111
Литвин А. 200, 201
Литыньский Я. 14, 90, 100, 110, 115, 120,
225
Лубеньский К. 128, 130, 141, 142, 156,
171, 189, 211
Лявина А. 99
Лям А. 46
Лянге О. 49, 53, 55, 60, 61, 94
Лясота Г. 69
Лясота И. 115
Лясота Э. 39, 40, 58
Маерчик-Гомулка Й. 92
Мазовецкий Т. 111, 136, 138, 139, 190,
209–211
Мазур А. 105
Майлер Н. 80
Макарчик З. 130, 132
Малаховский А. 26, 159, 160, 162
Маленков Г. М. 42
Малишевский А. 81
Малковский С. 14
Мандалян А. 81
Мантужевский С. 24, 46, 79, 156
Мао Цзэдун 42
Маритен Ж. 129, 135
Маркс К. 22, 30, 31, 36, 37, 39, 53, 96, 183,
197
Матвин В. 59, 70
Матушевский Р. 69, 79, 81, 100, 195
Махцевич П. 9
Мацеревич А. 155, 182, 209
Меллер С. 89
Мерошевский Ю. 6, 7, 10, 57, 61, 97, 157,
158, 198, 200, 202, 203, 206
Метковский М. 106
Микке Е. 23
Миллер А. 80
Миллер Я. Н. 161, 166, 167, 207
Мицц Б. 90
Мирецкий Л. 149
Мирский М. 100, 103
Митцнер З. 103

- Михник А. 9, 10, 89–91, 93–100, 105, 110, 114, 118, 120, 135, 185, 186, 192, 193, 196, 203, 204, 207–209
- Мицевский А. 138, 141
- Мицкевич А. 110, 112, 113
- Мияль К. 42–44
- Модзелевская Н. 85
- Модзелевский З. 85
- Модзелевский К. 14, 33, 54, 88, 91–95, 99, 105, 110, 111, 114, 115, 118, 120, 150, 167, 201, 225
- Моравская А. 141
- Моравская Э. 110
- Моравский Е. 18, 21, 49, 60, 61, 70
- Моравский С. 98, 118
- Моргевич Э. 152
- Мотыка Л. 112
- Мочар М. 70, 106, 138, 164, 165, 204
- Мочульский Л. 9, 14, 204, 205, 207, 225
- Мрожек С. 119
- Муйжель Ю. 26, 55
- Мунье Э. 135, 136, 160
- Мусялова А. 47
- Мыслик Т. 88, 136, 211
- Мыгчельский З. 111, 119
- Навроцкая Б.** 112
- Нагурский В. 93–95, 110
- Наимский П. 182
- Найдер З. 14, 158, 212, 213, 225
- Намёткевич В. 29, 81
- Неверли И. 100, 101, 166, 196
- Несёловский С. 151
- Новак Е. Р. 83, 105, 163
- Новак Р. 43
- Новак С. 24, 63
- Новак-Езёранский Я. 163, 164
- Новаковский М. 212
- Нотковский А. 98
- О'Бретенни-Бейнар З.** – см. Бейнар З.
- Отжалк А. 33
- Ожешко Ю. 154
- Ольшевский Я. 29, 94, 162, 166, 208, 214
- Ольшовский С. 101
- Онышкевич В. 182
- Оссовская М. 24, 49, 94, 158, 165, 196
- Оссовский С. 24, 49, 94, 158, 163
- Островский Р. 88, 149
- Осубка-Моравский М. 37, 47
- Охаб Э. 78, 111, 118
- Пасстка Ю.** 56
- Пайдак А. 182
- Панкевич М. 166
- Парандовский Я. 81, 84, 85, 111
- Перльман М. 23
- Перский А. 91
- Пивоварчик А. 101
- Пивоварчик Я. 129
- Пилсудский Ю. 7, 104, 142, 151, 152, 180, 203, 205
- Поляк С. 81, 100, 101, 111
- Помян К. 33, 36, 98, 99, 100, 102, 114, 116, 119, 207
- Помяновский Е. 101, 103, 107, 160
- Попель К. 139, 141, 191
- Путрамент Е. 59, 60, 78, 81, 83, 84, 103, 107, 111–113, 119, 121
- Пшемский Л. 19, 32, 78, 100
- Пшетакевич З. 127
- Пшибось Ю. 31, 58, 59, 81
- Пшулковский Э. 107
- Пясецкий Б. 35, 64, 127, 128, 136, 141, 189, 204
- Радкевич С.** 106
- Раина П. 6
- Раковский М. 88, 89, 99, 120, 144
- Рапацкий А. 33, 72, 118, 133
- Рейтан Т. 155
- Рейфф Р. 43, 127
- Рокоссовский К. 30, 143
- Ромашевский З. 14, 225
- Ромковский Р. 106
- Рудзиньская А. 161, 162, 164, 165
- Рудницкий А. 58, 79, 81, 85
- Руевич Т. 52

- Рыбицкий З. 115
Савицкий М. 99, 115
Сандауэр А. 31, 58, 69, 85, 87, 161, 164, 168
Свенцицкий М. 129
Сверчевский К. 88
Светлик Э. 90
Свидерский Б. 99, 100
Святло Ю. 17
Северин А. 14, 110, 225
Секерская Я. 42, 86, 102, 103
Сенкевич С. 43, 97
Серинг П. 25
Серпиньский В. 84
Сивец Р. 119
Сила-Новицкий В. 94, 141, 169
Скужиньский З. 46, 165
Слонимский А. 30–32, 57, 59, 60, 79, 82, 83, 85, 87, 94, 111, 112, 114, 117, 118, 164, 165, 194–196, 207, 208, 216
Слуцкий А. 32, 69, 100, 101, 111
Смех Р. 91, 93–95
Смоляр А. 14, 88, 94, 102, 225
Смоляр Э. 100, 119
Снециньский Ю. 43, 94
Солецкий Е. 113
Спыхальский М. 118
Срока М. 46, 163–165
Ставар А. 61
Сталин И. В. 8, 16, 17, 19, 21, 42, 86, 129, 180, 197
Старевич А. 60, 61, 101, 102, 107
Старский С. 7, 8
Сташевский С. 81, 85, 95, 103, 106, 107, 118
Стейнсберг А. 94, 162, 164, 165
Стодольняк Я. К. 83
Стомма С. 128–130, 134, 137, 141, 170, 171, 181, 188, 190, 209–211
Стройновский Ю. 101
Строньский К. 150
Стрыйковский Ю. 21, 100, 101
Студентович К. 140, 141, 191
Стшелецкий Р. 68, 177
Стшелецкий Я. 24, 26, 58, 98, 163, 185
Стшембош Т. 10, 11, 73
Сулковский В. 153
Суфин З. 23
Татаркевич А. 119
Татаркевич В. 84
Тейковский Б. 33, 34, 47, 91, 94, 105, 151, 165
Тейлор С. 143
Тейхма Ю. 195
Тёплитц К.Т. (КАТ) 29, 32
Тёршмидт С. 153
Торуньчик Б. 115, 120
Троцкий Л. Д. 25
Турович Е. 10, 133, 137, 138, 190, 210
Турский Р. 28, 33, 39, 50, 98
Уоррен Р. П. 80
Урбан Е. 29, 120, 224
Фейгин А. 106
Фельчак М. 43
Финкельштейн Л. 61
Форд Д. 184
Франковский Я. 141
Фрей-Белецкий Я. 66, 70
Фришке А. 9–11, 53, 169, 189
Хайнич А. 61
Халасиньский Ю. 24, 49, 155
Халль А. 9, 205, 206, 217
Хасс Л. 23, 63–65, 67, 88, 91–93, 95, 150, 167
Херберг З. 194
Хербст С. 99, 196
Херц А см. Герц А.
Херц П. см. Герц П.
Хибнер Ю. 61
Хласко М. 19, 61, 86
Холланд Х. 61
Холоубек Г. 112
Хольцер Е. 99, 102, 208
Хородыньский Д. 141

- Хостовец (Стемповский) П. 163
Хоффман П. 19, 107
Хохфельд Ю. 24, 30, 39, 49, 51, 53, 54, 162
Хрущев Н. С. 18, 20, 22, 31, 42, 61, 67, 159, 162
Хшановский В. 14, 140, 149, 225
Хыля Э. 92, 95
Хэлховский Х. 43
- Цат-Мацкевич** С. 80, 85, 164, 167
Ценцкевич С. 9
Церанка П. 62
Цивиньский Б. 185–187, 210
Циранкевич Ю. 30, 47, 79, 81, 133, 167, 177
- Чапов** Ч. 24, 46, 156, 160, 165
Чаховский М. 95
Червиньский М. 53
Чешко Б. 166
Чума А. 152, 205, 213
- Шажиньская-Ревская** А. 159
Шафф А. 30, 39, 53, 56, 57, 60, 63, 70, 81, 89, 107, 159
Шацкий Е. 10, 53
Шереметев Р. 204
Шехтер Ш. 168
- Шидляк** Я. 144, 195
Шиманьский А. 7, 8
Шимборская В. 101, 207
Шляйфер Х. 99, 100, 110, 113–115, 120
- Шляхчиц** Ф. 43
Шпотаньский Я. 168
Штахельский Е. 46
Шульц К. П. 25
- Щенсна** И. 153
Щепаньский Я. 24, 54, 55, 79, 81, 84, 162
Щепаньский Я. Ю. 207, 214
Щурковский Р. 22, 23, 27, 65
Эйслер Е. 9, 117
Эйхман А. 160
Энгельс Ф. 31, 37, 53
Эрлих С. 30, 45
Эстрайхер К. 31, 81
- Юркевич** З. 57
Юрьсь Р. 61
- Яблоньский** Х. 60, 81, 114, 171, 210
Яворская Х. 22, 33, 46, 61
Ягелло В. 34, 82
Ягельский М. 195
Яжембовский К. 42, 43
Якобсон В. 150
Янковский Х. 52
Яромин З. 46
Ярош Д. 177
Ярузельский В. 14, 118, 225
Ясеница П. (Бейнар Л.) 81, 85, 87, 111, 112, 114, 118, 128, 159–166, 168, 169, 194, 206
Яструн М. 31, 57, 59, 60, 78, 79, 85, 86, 112, 114, 161, 194

Оглавление

Введение	3
Примечания	14
Глава первая	
Внутрипартийные течения оппозиции	
От массового движения 1956 года	
до XIII пленума ЦК ПОРП (июль 1963 года)	
1. Брожение в партийных рядах и слом тоталитарной модели государства в 1956 году	16
2. Оазисы свободной мысли	22
3. Внутрипартийная оппозиция. Конец 1950-х – начало 1960-х годов	41
4. Наступление на «ревизионизм»	55
Примечания	70
Глава вторая	
Внутрипартийные течения оппозиции от XIII пленума ЦК ПОРП	
до студенческих выступлений 1968 года	
1. Развитие «ревизионистской» критики в 1964–1968 годах	78
2. «Открытое письмо»	88
3. Собрание на историческом факультете Варшавского университета 21 октября 1966 года	98
4. Общественное движение марта 1968 года	108
5. Реакция власти	117
Примечания	121
Глава третья	
Национально-патриотические и светско-католические	
течения политической оппозиции	
1. Светские католики	127
2. Национально-патриотические движения	143
3. Союз молодых демократов	145

---

4. «Рух»	151
5. Кружки самообразования и клубы интеллигенции	154
Примечания	170

Глава четвертая

Эволюция оппозиционных течений в декабре 1970 – июне 1976 годов

1. Внутренняя политика нового руководства страны: изменения и преемственность	177
2. Вызревание демократической оппозиции	183
3. Конституционная кампания	207
Примечания	214
Заключение	219
Примечание	221
Источники и литература	222
Список сокращений	231
Указатель имен	232

Научное издание

В. В. Волобуев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ПОЛЬШЕ.
1956–1976

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 04.05.2009. Печ. л. 15,0.
Тираж 300 экз. Цена договорная.

В. В. Волобуев • ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ПОЛЬШЕ. 1956–1976